

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет

ЛИНГВИСТИКА

Бюллетень
Уральского лингвистического общества

ТОМ 13

Екатеринбург
2004

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

Л 59

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ (отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор Л.Г. БАБЕНКО

Доктор филологических наук, профессор В.И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Доктор филологических наук, профессор Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

Ассистент ШИНКАРЕНКОВА М.Б.

Л 59 Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2004. Т. 13. _____ С.

ISBN 5-7186-0131-3

Бюллетень издается Уральским лингвистическим обществом. Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики; обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Бюллетень предназначен для ученых-языковедов всех специальностей. Он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов, всех тех, кто интересуется проблемами лингвистики.

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Том 13

Подписано в печать _____ Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. ____ Тираж 120 экз. Заказ 1084

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620219 Екатеринбург, ГСП – 135, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@dialup.uk.ru

ISBN 5-7186-0131-3

© Лингвистика, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Базылев В.Н.	Нехаризматическая популярность: Леонид Кучма.....5
Беглова Е.И.	Политическая структура в метафорическом поле номинаций.....11
Гаврилова М.В.	Тематический ряд слов <i>цель, задача, приоритет</i> в дискурсивном пространстве послания федеральному собранию.....20
Лассан Э.Р.	«Разум власти» в зеркале категорий цели и препятствия.....35
Орлова О.Г.	Стереотипные представления о России и их реализация в дискурсе еженедельника «NEWSWEEK».....48
Пименов Е.А., Пименова М.В.	Категоризация и концептуализация жизни (в политических мемуарах).....56
Руженцева Н.Б.	Аргументация в рг-жанрах.....67
Солопова О.А.	Использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе выборов депутатов государственной думы.....75
Чернякова (Сорокина) М.В.	Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке.....86
Чудакова Н.М.	Особенности метафорических противопоставлений в дискурсе средств массовой информации.....96
Чудинов А.П.	Когнитивно-дискурсивное описание метафорической модели.....102
Шаповал В.В.	Власть как лексикограф (цыганское слово в словаре блатного жаргона).....115

РАЗДЕЛ 2.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дударева З.М.	Обозначение промежутков времени в башкирской и русской языковых картинах мира.....132
Илюшкина М.Ю.	Прецедентные высказывания в печатной туристической рекламе.....137
Кушнерук С.Л.	Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе.....146
Сулимов В.А., Фадеева И.Е.	Коммуникативное пространство: информация, адресант, адресат.....155
Нахимова Е.А.	О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах.....166

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ОПУБЛИКОВАННЫХ СТАТЕЙ.....	175
---	-----

РАЗДЕЛ 1: **СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА**

Базылев В.Н.

НЕХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ПОПУЛЯРНОСТЬ:

ЛЕОНИД КУЧМА

Эта статья продолжает серию публикаций, посвященных интерпретации и комментарию автопортретов современных политических лидеров России и СНГ [Базылев, 1999; Базылев, 2002]. Парадигматически данная работа вписывается в исследование идиостилей отдельных политических лидеров - по классификации областей отечественной политической лингвистики, принадлежащей А.П.Чудинову [Чудинов, 2003]. Однако акцент при этом делается не на описании общих и частных закономерностей политического языка, а на интерпретации и комментарии. Интерпретация в наших работах движется не от констатации существования языка к раскрытию того, что он означает, но от явственного развертывания дискурса к выявлению языка в его собственном бытии. Следовательно, комментарий к тексту – в основе описания, поясню, лежит автобиографическая книга Л. Кучмы «Украина – не Россия» [Кучма, 2003] – носит преимущественно апроприирующе-интерпретационный характер. Конечно, комментарий – это всегда апроприация текста. Интенсивность этой апроприации зависит от того, сколько этого комментария и насколько он интерпретационен. Чем более он интерпретационен, тем в большей мере он апроприирует текст. Задача при этом формулируется следующим образом: освоить и присвоить текст, учитывая то обстоятельство, что в пределах одного временного среза культуры существует множество семантических зон, в которых один и тот же текст будет иметь разную значимость. Мне кажется, что данная статья демонстрирует, помимо прочего, само существование этого феномена. Феномена тем более интересного и заслуживающего внимания, что процесс дробления и переосвоения советской культуры происходит на наших глазах, а изначальные значения нам еще доступны и восстанавлимы.

Начну с напоминания. Череду «мгновенно-популярных» лидеров открыл Э.Шеварднадзе, обозначив своими попытками перемен в Грузинской ССР в конце 1980-х начало развала советского режима. Потом, на всесоюзном уровне, это реализовалось в феномене М.Горбачева. В свое время было много попыток употребить понятие харизмы по отношению к таким лидерам. Но

тогда же было показано, что строгому веберовскому определению они не отвечают, а проявляют отдельные «харизмоподобные» черты. Относится ли к таким не харизматическим, но, с позволения сказать, харизмоидным лидерам Леонид Кучма? Можно с полной уверенностью дать на этот вопрос положительный ответ. Потому что основной признак харизмоидного – не харизматического – лидера – это его (лидера) самосозидание как политического деятеля, а не созданное – энергия (бешеная, нечеловеческая), но не эргон. *Уже в седьмом классе я твердо решил, что выучусь на учителя, вернусь в родное Чайкино и буду преподавать в нашей школе литературу и историю, и еще, наверное, географию... Профессия, которую я себе избрал, почти не оставляла места для интересов за ее пределами. Огладываясь назад, я поражаюсь, как это я умудрялся еще кое-что урывками читать... в марте 1990 года, когда ветер перемен стал превращаться в ураган, я сказал себе: ты не вправе участвовать в решении будущего Украины, не располагая ясной картиной ее прошлого. Я только что стал депутатом Верховного Совета, и уже было понятно, что он больше не будет марионеточным органом советского образца. Каким-то чудом выкраивая время, я начал обновлять свой «гуманитарный парк»... во мне проснулся гуманитарий, дремавший большее сорока лет... (с. 10-11).* Культурный герой – не божество, на его долю приходится «черная работа», в т.ч. по созданию «человеков». Не случайно глава книги так и называется «Создать украинца». Речь идет о самоидентификации и нашей психологии. Политологи и социологи Украины согласны в том, что процессы консолидации украинской нации пока еще далеки от завершения. Мы до сих пор не до конца поняли, кто мы такие. Одна из важных составляющих украинской самоидентификации как раз и заключена в формуле «Украина – не Россия». Было бы совершенно излишне провозглашать, например, что Украина – не Турция, это ясно и так. Но после того как мы с Россией треть тысячелетия прожили под одной государственной крышей – под российской крышей! – самоотождествление украинцев в возрождающейся независимой Украине просто невозможно без четкой инвентаризации в головах и душах: это – Украина, а это – Россия... (с. 223-24).

Апофатический всплеск: становится ясно, что в этом всплеске выражается национальное сплочение, новое для малороссиян сознание себя как отдельной общности. Похожие явления на-

блюдались во многих странах, порвавших с советской социалистической системой. Вспомним пики популярности Л.Валенсы, В.Гавела и других, превращавшихся на момент или на период в символ национальной идентичности, в атрибут нового конституирующегося социального целого. *Мне и самому всегда ясно слышалось в названии «Украйна» слово «рай», к тому же таковой рай, который надежно «укрывает» своих обитателей... (с. 68).* Популярность Леонида Кучмы связана с тем, что можно назвать «обретением имени». *За считанные десятилетия миллионы людей сделали для себя открытие, что они не малороссы, а украинцы, и это открытие стало для них великой радостью. Они как будто вспомнили его, как вспоминают что-то с рождения известное, но забытое. Время для имени пришло... (с. 78-79).* Имевшая в значительной степени именно такую природу популярность Леонида Кучмы составила потом его важнейший «политический» капитал. Капитал расходуется – не всегда с умом – и сводится почти на нет. Неодобрение деятельности Л.Кучмы на посту президента проистекает из-за растраты капитала – прежде всего того самого, гуманитарного, и это формирует согласие вокруг фигуры, предлагающейся в качестве альтернативы. Растрата политического капитала Леонида Кучмы как лидера харизмоидного проистекает двумя путями: эстетствующей гуманитаризацией собственного сознания: *Отмирание как следствие расцвета – эта мысль меня поразила. На какое-то время даже стало грустно, и я еще раз позавидовал гуманитариям, способным постичь такое... (с. 113)* - и нерешительностью в отношении «врагов, которых нужно уничтожать, если они не сдаются»: *Я человек по преимуществу центристских убеждений, а центризм сегодня – это и есть путь решения тех проблем, о которых говорят левые. Вместе с тем, мои взгляды никогда не помешают мне бороться за права и свободы личности, защищать независимость моей страны... (с. 127).* В этом случае харизмоидность ничем не будет отличаться от харизматичности: как только новая фигура появится, малороссыяне перенесут на новую персону свои стремления к положительной идентификации. Но это происходит не сразу. Приход Леонида Кучмы к вершине власти – это венец тенденций, которые проступали чуть ли не с первых лет советской власти на Украине. Речь идет о стремлении к «сильной руке». *Основной массе людей во все века и на всех материках свойственно, как сказал Пастернак, «желать, в отличие от хлыща в*

его существование кратком, труда со всеми сообща и заодно с порядком». Людям присущ государственный инстинкт, они склонны принимать наличный порядок вещей, особенно если не знают другого... (с. 402). При всем том, существует одно «но»: харизмоидные личности - Леонид Кучма – приходят во власть, но не овладевают ею. Это еще одна черта харизмоидной личности. Есть еще одна, имеющая иную природу, в новейшей российской истории еще не встречавшаяся. Феномен высокой сплоченности населения вокруг некоторых лидеров в постсоветских республиках. Правитель, демонстративно отказывающийся от норм и форм советской демократии, может в этих странах, как выяснилось, уже самим этим жестом стяжать немалую любовь «подданных». Авторитарные и репрессивные меры укрепляют и дополняют конструкцию. Харизмоидный феномен Кучмы можно приравнять к феноменам «батьковщины» или «башизма». Но нынешнее единение малороссиян вокруг имени Леонида Кучмы лишь отчасти имеет подобную природу. Отчасти в ней присутствует мистическое ощущение: бывший региональный гегемон, бывший остов империи, оставленный «старшим братом»: *Есть какая-то подспудная связь между «малороссом» и «младшим братом» Те, кто придумал «старшего брата», едва ли подразумевали такую связь (с. 79)*, - это важно для одних. Православная страна, противостоящая мусульманам, - это важно для других. Речь идет не о подобии, а о близости мистических мотивов. К «обязательным» харизмоидным мотивам популярности «маленькая победоносная война»: *Наши «новые времена» – это и конфликты в Крыму, напряжение вокруг Крыма.... Говоря о том, почему Крым в мифе «об особых исторических правах России на Крым» фигурирует не просто как русская земля, а как «священная русская земля», приходится обратиться к военной истории России, и тогда оказывается, что и тут не обходится без мифа, в данном случае – военноморского, героем которого выступает Черноморский флот как носитель «русской славы»... Я так смело говорю об этом, потому что и к подлинной славе, и к мифу о ней имеют прямое отношение украинцы: личный состав Черноморского флота в царское время набирался в малороссийских губерниях – ближе было везти новобранцев... (с.492-498)*. Между тем военная кампания, даже успешная, сама по себе не залог популярности руководителя страны. Тем более, что у Леонида Кучмы, как у любого политика, существует еще одна серьезная проблема –

«иногородцы»: *В Крым стали возвращаться крымские татары – сосланный Сталиным народ. Это не понравилось многим жителям полуострова, они без раздумий выражали свое недовольство, татары отвечали им тем же, местная власть не могла достаточно решительно урезонить и тех, и других... (с.501-502).* Отношение к татарам в Крыму разновидность ксенофобии и расизма по своим главным структурным характеристикам ближе всего к, так сказать, «классическому» антисемитизму, каким он был в России и во всей Восточной Европе и Центральной Европе в конце 19 – начале 20 века. Эту «классику» создают негативные чувства членов аграрных по преимуществу обществ, переживаемых по отношению к представителям торгового народа. Чуждость образа действия, этики, логики «торгашей» удобно обозначается чуждостью их внешности, веры, языка, легко объясняется их пришлостью. Но главным элементом этой конструкции является лежащее на глубине и в основе чувство исторической провинности. Это особенное чувство, переживаемое не как эмоция стыда либо муки совести, но как боязнь возмездия. Невнятные представления о том, что империя (российская и советская), наследниками которой ощущают украинцы в лице Леонида Кучмы, плохо или жестоко обошлась с целым рядом народов и народностей, в национальном сознании присутствуют. Но их нельзя назвать тягостными или фобийными. Народная совесть не мучается, ибо никаких наказаний за содеянное не ожидается. Иначе говоря, чувство исторической национальной ответственности (коллективной вины и пр.) возникает только при ожидании, что придется отвечать. А отвечать не хочется и не должно. Новое мышление заканчивается: *Вопрос о том, остались ли за Украиной какие-то исторические долги, на этом можно было бы и закрыть.... Для полноты картины упомяну лишь о несомненных встречных задолженностях... (с. 454).* Состояние «нового мышления» сменяется состоянием нарушенной геополитической ориентации. Леонид Кучма демонстрирует процесс смены «мужского» милитаристского сознания, которое и выступает как основное в дискурсе противостояния и которое исходит из идеи универсального (морального и военного) превосходства над главным и вековечным врагом Украины - Россией. Лишившись доказательства этого превосходства, сознание вынуждено уступает свое главенствующее место другому дискурсу – «мирному» и «женскому»: *Мы согласились на «нулевой вариант» практически по всем*

статьям. Мы смиренно посчитали, что такова наша плата за мирную и бескровную независимость. Лишь в некоторых пунктах, где «нулевой вариант» означает «нуль» только для Украины, мы пытаемся найти более гибкое и справедливое решение... Неприложим «нулевой вариант» и к вопросу о возврате культурных ценностей... (с. 454-455). Последнее предписывает стране вообще избегать участия в любых конфликтах – политических, военных, культурных и пр. Вся карьера харизмоидного лидера – это время анти- или провоинственных настроений (деклараций - их не обязательно делает сам Леонид Кучма), это позиционирование его как новой политической фигуры на очень старом, но долгое время пустовавшем месте. И это еще одна из причин популярности харизмоидного лидера в отличие от лидера харизматического. Обратим внимание читателя на то, что данное противоречие присутствует в массовом сознании: противоречие между «невозможно сделать» и «надо продолжать». Отсюда проистекает феномен поддержки Л. Кучмы, имеющий в значительной мере психологический характер. Л. Кучма назначен массовым сознанием (точнее – подсознанием) на должность мифологического культурного героя, который избавляет народ ... и дает народу ...: *Мы не для того зажелились идеей независимости, чтобы, обретя ее, все сохранить по-старому... Государства выходят из кризисов с возросшей сопротивляемостью, обновленными, нарастив запас внутренних сил...*(с. 457-458). С учетом господства идей коллективной исторической ответственности происходит объединение общества именно как «народа», как органической общности: *Третья в истории попытка создания независимого украинского государства начинается в условиях совершенно небывалого общественного единства...* (с. 461). Этим и вызван столь высокий уровень плотности «народности» текста Леонида Кучмы. В этом смысле перед нами национальный, но не подъем, а пароксизм. Л.Кучмы имеет очень широкую демографическую базу, но очень узкую социальную. Она не связана с институциональными конструкциями и в них не переводится. Она также не имеет действенного аспекта и в этом смысле не является мобилизационной и, разумеется, «народная» поддержка Л.Кучмы не является харизматической.

ЛИТЕРАТУРА

1.Базылев В.Н. Автопортреты политиков: от психопозитики к психополитике// Политический дискурс в России-3. М., 1999.

2. Базылев В.Н. Политик в интеллектуальном контексте эпохи// Политический дискурс в России – 6. М., 2002.

3. Кучма Л. Украина – не Россия. М., 2003.

4. Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления// Вестник Воронежского государственного университета. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1.

© Базылев В.Н., 2004

Беглова Е.И.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПОЛЕ НОМИНАЦИЙ

В 2002-ом году «Единая Россия» была представлена в Думе двумя фракциями – «Единством» и ОВР (Отчество – Вся Россия). «Единство» (по свидетельствам телепередач и газет) всегда голосовало и выступало за президентские и правительственные инициативы. Депутаты от ОВР, сомневаясь, в конечном итоге голосовали «за». Руководителем «Единства» был Владимир Алексеевич Пехтин, руководителем ОВР – Вячеслав Викторович Володин. Б.А. Березовский в телепрограмме А. Караулова «Момент Истины» (ТВЦ. 11.01.2004) в интервью заявил, что он был одним из основателей партии «Единая Россия», а также автором названия партии и ее эмблемы (изображение медведя).

Таким образом, в конце 2003-го года в связи с выборами в Государственную думу, в начале 2004-го года сами политики обращают внимание не только на политические программы партий, но и на их названия, символику, так как последние играют важную роль в привлечении внимания избирателей в период выборов и всего населения, включаемого в политическую игру, которая отражается в языке. Лингвистические и экстралингвистические ассоциации порождают метафорические модели, характеризующие деятельность политических организаций, в частности партии, фракций. Если выстроить иерархию политических структур и их привилегий, проследив ее в языке газет и речи политиков, то можно выделить следующие языковые модели:

1. Госдума – это «партия власти» («МК». 17.12.2002. С.3).

2. Госдума – это филиал Администрации Президента («МК». 17.12.2002. С.3).

Определения Госдумы свидетельствуют о ее прямом назначении, официальном признании как главного государственного органа, находящегося в прямой связи с Администрацией

Президента. В Думу 1999-2003 гг. входило приблизительно «на равных» несколько партий и фракций: «Единство», «ОВР» (Отечество – Вся Россия, присоединившаяся к «Единству»), ЛДПР, КПРФ, «Яблоко», «СПС» и др. Многопартийность, репрезентирующая разные взгляды на развитие России, явилась источником вторичных, метафорических номинаций как самой Государственной думы, так и политических объединений, фракций. В газетах встречаются определения *Госдумы*, представляющие собой развернутые метафоры, построенные на ассоциациях общественно-исторического плана:

1. *Государственная Дума – это Смольный институт для коммунистов*» (В. Жириновский. Рубрика ЖПС. «АиФ». 1999, март, №12. С.2);

В данном метафорическом определении имплицуется ироническая оценка деятельности депутатов КПРФ.

2. *Госдума сегодня – коммунальная квартира, в каждой комнате проживает одна партия... Кто-то хочет жить поближе к туалету, кто-то ближе к кухне*» (С. Шойгу. Рубрика ЖПС. «АиФ». 1999, ноябрь, №46. С.2).

В этом метафорическом определении отражается многопартийная система и имплицуется отрицательная оценка деятельности тех или иных партий.

Госдума 2004 года, после выборов, состоявшихся 7 декабря 2003-го года, отличается от предыдущей составом, она представлена четырьмя фракциями: «Единая Россия» (301 депутат), «Родина», ЛДПР и КПРФ. Из 450 депутатов 301 представляют фракцию «Единая Россия», то есть «Единая Россия» по сути становится монополистом при утверждении законопроектов и положений. «Единая Россия» отражается в концептуальных метафорах [Беглова Е.И., 2003]: «Единство» - *сила и мощь* (пре-суппозиция *в единстве сила*), символ партии *медведь*, определяющий когнитивную характеристику партии – *медведь* – воплощение *силы, могущества*; и все это порождает следующую метафору: партия «*Единство*» («Единая Россия») – «*Медведь*», «*Единая Россия*» - «*медведи*» (члены фракции «Единство» с 1999г.). Метафорическая модель *Госдума* – «*партия власти*» деметафоризируется, так как в 2004 году по наличию большинства депутатов становится органом Администрации Президента. *Сила, могущество* «медведей» привели к победе на выборах 7 декабря 2003 года. Но фрейм «партия» обновляет слоты: номинации, символику, вторично подвергаясь метафоризации, при-

чем это концептуальные метафоры, которые выполняют прагматические задачи. При восприятии концептуальных метафор, используемых в предвыборной агитации, важны не только пресуппозиции общего фонда знаний, но и лингвистические, культурологические, психолингвистические ассоциативные связи. Прагматическая цель концептуальных метафор – воздействие на сознание избирателей и завоевание их голосов, в конечном итоге, сторонников. Известно, что каждая метафора несет в себе информацию о чувственно-наглядном видении действительности периода возникновения номинативной единицы. Поэтому интерес представляют не только официальные, узуальные номинации политических объединений и их определения, но и вторичные, метафорические, образные, которые моделируют текст, обладающий коннотативным значением, отражающим когнитивный уровень знания. Проследим судьбу номинаций и определений фракции «Единая Россия» в зеркале метафоры.

Метафорическую модель **Россия** – это **«Единая Россия»** вместе с **Президентом** можно представить системой фреймов и слотов, выявленных нами из газетных текстов и, частично, рекламных текстов в период предвыборной агитации.

1. Фрейм **«Единая Россия»** состоит из слота **«единый»**, представленного в языковых формах **«Я»**, **«единство»**, **«единственный»**, **«единый»**, например, рекламный текст:

Каждый из нас – единственный.

*Едина **Я** Россия – это Я.*

*Сильна **Я** Россия – Единая Россия (ноябрь, 2003г.).*

Я, (*один*) представлено как *частное* в *общем*: **Я** – часть России, а сила России – во множестве **Я**, объединенных в общее – **единое**. Включение **Я** (частного) в **мы** (общее) подтверждает рекламный текст предвыборной кампании: *Единая Россия. Сколько нас?* 563361 («Версия». 3-9. 11.2003. С.12). Сила России в общности взглядов множества **Я**, что выражается в номинации представителей и сторонников партии, например: *«Грызлов предельно лаконично рассказал о результатах работы «единороссов»»* («КП». 2.12.2003. С.13).

Таким образом, можно проследить метафорический ряд: **Я** → *единственный* → *единая Россия* «*единороссы*» → *сильная Россия*; **«Единая Россия»** - *Россия* происходит метонимический перенос: одна партия представляет всю Россию. Номинация партии, омонимичная свободному словосочетанию, содержит коннотативное значение – одобрение, пафос, что способствует

достижению прагматической цели - завоевание электората. После поражения ОВР на выборах в 1999 году и лишения фракции самостоятельности с последующим присоединением к победившему «Единству» возникла неузуальная номинация «*ЕдиОт*», омофоничная ругательному, просторечному слову «*идиот*», содержащая шутиливую окраску, например: «*То, что получилось в результате слияния «Единства» и «Отечества», уже называют «ЕдиОттом»*» («АиФ». 2001. №17. С.2; С. Репов, М. Волдырин. «Какой же *ЕдиОт* без сдвига?»). Номинация «*ЕдиОт*», обозначающая члена нового объединения, возникшего в результате слияния в 1999 году фракции «*Единство*» и блока «*Отечество – Вся Россия*», представляет собой дери-вационный контаминат первых частей названия политических структур *Еди* – от «*Единство*» и *От* от «*Отечество*». Омофония номинации «*ЕдиОт*» и узуального слова «*идиот*» эксплицирует неопределенность взглядов нового объединения, так как политические программы «*Единства*» и «*ОВР*» изначально имели противоречия, о чем свидетельствуют газетные заметки, например: «*В течение четырех лет в парламенте существовала эта непонятная фракция – люди шли на выборы как оппозиция, но полюбившие власть сразу после дня голосования. Сами же победители продолжают относиться к бывшим противникам с недоверием*» («Перспектив Мир». 2003, ноябрь. С.15; (заказчик: Митрохин С.С.)).

В 2002-2003 годах появляется номинация с торжественной окраской «*единороссы*», соотносимая с узуальным словом «*великороссы*». Имплицируется интеллектуальная оценка: *единороссы* как представители партии «*Единая Россия*» - это представители России, ее могущества и силы. Слот «*президент*», манифестирующий необходимость единения вокруг главного государственного лица, представлен в текстах эксплицитно и имплицитно, например: *Вместе с президентом выбери*

*«Единая Россия» № 20 V («КП». 4.12.2003. С.5). Эксперты - аналитики сразу после выборов 7 декабря 2003 года отметили психологическое воздействие на избирателей фразы «*Вместе с президентом выбери ...*», так как партия «*Единая Россия*», согласно рекламному тексту, расценивалась ими как партия президента. Или, например, имплицитно выражается одобрение президентом деятельности партии «*Единая Россия*» - «*медведей*»: заголовок «*Зачем Владимир Путин поддержал «медведей»*» («КП». 3.12.2003. С.15). Эмблема «*Единой России*» *мед-**

ведь является вторичной, метафорической номинацией партии — «Медведь», соответственно представители этой политической структуры — «медведи». Например, заголовок **«Два «медведя» в одном округе»** свидетельствует о двух кандидатах, расходящихся во взглядах, один от ОВР, другой от «Единства». Оба они входят в партию власти «Единая Россия». Далее автор статьи Константин Дорохин утверждает: **«Несмотря на то, что у одной партии власти символ — медведь, а у другой — выхухоль, отличить их друг от друга невозможно»** («Перспектив Мир», 2003, ноябрь. С.15). Итак, единение двух политических структур усиливает могущество нового объединения — «Единая Россия». Наблюдается стилистическая и смысловая динамика в номинациях партии и ее членов: 1) «Единство» → «Единство» + «ОВР» = «Единая Россия»; 2) «ЕдиОты» (*ироническое*) — «медведи» (*одобрительное*) — «единороссы» (*торжественное*).

Метафорическая номинация партии «Единая Россия» — «Медведь» как воплощение силы, могущества и номинации ее членов «медведи», а также «единороссы», выражающее величие России, активизировались в употреблении с 2002-го года, а первые случаи употребления в газетных текстах метафорического наименования фракции «Единство» отмечаются с 2000-го года, после того, как движение «Единство» получило статус официально зарегистрированного движения, и когда лидер движения С. Шойгу подарил министру юстиции Ю. Чайке, вручавшему удостоверение, сувенир, отражающий эмблему партии — деревянного медведя с самоваром. (НТВ. «Сегодня». 23.03.2000). В «Российской газете» появляется заголовок: **«Этот «Медведь» не впадает в спячку ни летом, ни зимой»**. Аннотация статьи: **«В Москве состоялось заседание Политсовета партии «Единство»»** (8.09.2000. С. 10).

2. В год перевыборов частотна метафорическая номинация «медведи», отражающая фрейм **«сила»**.

В русской культурной традиции медведь, являясь главным героем сказок, художественных текстов, воплощает силу, могущество. В предвыборной кампании наблюдаются приемы использования слова медведь в разных значениях и с различными прагматическими задачами. Например, заголовок: **«На медведей точат зуб»**. В тексте статьи под этим заголовком узуальное слово медведь в прямом значении и как метафорическая номинация партии «Единая Россия» и ее членов — «Медведь» служат текстообразующими элементами, передающими иронию,

а также иллюстрируют пример проявления «*черных технологий*» в предвыборной кампании. Речь идет о книге М.Е. Салтыкова-Щедрина «*Медведь на воеводстве*», но на обложке даны иллюстративные портреты лидеров «Единой России» С. Шойгу, Ю. Лужкова и Б. Грызлова. Изображение книги расценивается как чье-то недружественное послание «Единой России» («АиФ». № 40, октябрь, 2003. С.4). Итак, появляется еще одна, окказиональная, аллегорическая номинация партии «Единая Россия» - «*Медведь на воеводстве*», созданная приемом аллюзии, эксплицирующей национально-культурные ценности и имплицитующей саркастическую оценку «Единой России» со стороны адресата послания. Апелляция к культурным и литературным традициям в текстах усиливается прямой поддержкой «Единой России» со стороны представителей культуры, например, заголовков: «*Медведь и мастера культуры*». «*Единая Россия*» проинструктировала сторонников» («Известия». 14.10.2003. С.3.). – «*Певвица Надежда Бабкина, летчик-космонавт Алексей Леонов, балерина Анастасия Волочкова и режиссер Марк Захаров – это лишь некоторые из 428 доверенных лиц партии «Единая Россия», зарегистрированных Центризбиркомом*». (Там же).

Фрейм «сила» реализуется и в метафорической номинации партии «Единая Россия», являющейся иносказательной в предвыборный период, участвующей в прогнозе экспертов по выявлению партий-победителей на декабрьских выборах 2003 года, где представлены 6 политических структур: «*По оценкам экспертов «АиФ», партий-победителей будет максимум 6. Назвать их мы можем только иносказательно. Чтобы соблюсти требования закона: 1) «Медвежья сила». 2) «Красный путь», 3) «Соколы», 4) «Электрический союз», 5) «Груша». 6) «Родная страна» («АиФ». № 49, декабрь, 2003. С. 7) Номинации партий и блоков носят аллегорический характер, но, благодаря ассоциативным связям с эмблемами или лидерами политических фракций, легко установить их прямые номинации: 1) «Единая Россия», 2) КПРФ (коммунисты), 3) ЛДПР (по названию газеты «Сокол»), 4) СПС (один из лидеров Анатолий Чубайс – председатель правления РАО ЕЭС России), 5) «Яблоко», 6) блок «Родина» (описательный оборот).*

Таким образом, фрейм «сила» манифестируется метафорическими номинациями «*Медведь*», «*медведи*», «*Медвежья сила*», «*Медведь на воеводстве*», а также «*Русский медведь*». Например, заголовок «*Трансформация «Русского медведя»*»

цию метафорического поля «Яблоко» в конце 2003-го года. Метафорическая номинация, построенная на ассоциативных связях с *сочным, вкусным плодом*, имеющая положительную оценку, постепенно деметафоризируется. Возникшее как инициальный дериват слов «яблоко» (Явлинский (Я), Болдырев (БЛ), Лукин (ЛК)) опредмечивается, то есть ассоциируется с *фруктами*, что усиливает и сама эмблема политической фракции – изображение *зеленого яблока*.

В газетных текстах в период предвыборной кампании мы наблюдаем напоминание происхождения не только самой фракции, но и ее названия, например, в тексте под заголовком *«Партия «Яблоко» 10 лет в политике»*, в котором демонстрируется деятельность «Яблока» с момента образования и по 2003 год: *«1993 – Создан избирательный блок «Явлинский, Болдырев, Лукин, который стали называть «Яблоко». Блок выступает за реформы в интересах большинства граждан, против реформ Гайдара и Чубайса»* («КП». 2.12.2003. С. 17).

Слово **яблоко** стало стержневым семантическим показателем и эмоционально-оценочным индикатором деятельности фракции с омофоничным названием – «Яблоко» – в конце 2003 года, в период предвыборной кампании в Госдуму РФ. Узуальное слово или словосочетание включающее слово «яблоко», фразы образуют семантико-стилистическое поле, эксплицирующее метафорическое осмысление деятельности фракции «Яблоко». Например, заголовок *«Яблоко раздора»*, представляющий фразеологизм с узуальным значением «причина спора, вражды», проецирует внимание читателя на ассоциации с номинацией фракции. *«Массовые уходы из партии «Яблоко» становятся все более угрожающими. Партия разваливается буквально на глазах... Основная причина, по словам томских «яблочников», - это то, что «Яблоко» превращается в тоталитарную секту»* («КП». 2.12.2003. С.3.). Или заголовок *«Пиарщики взяли за яблочко»*. Узуальное значение выражения *взять за яблочко* – *«взять за самое главное, важное»* – деметафоризируется в связи с омонимичным употреблением номинации фракции «Яблоко» - «яблочко». Номинация «Яблоко» приобретает сниженную, ироническую окраску, что подтверждает и аннотация статьи: *«Генпрокуратура и ФСБ провели обыск в офисе компании, консультирующей партию «Яблоко»*. («Известия». 25.10.2003. С.7). Ирония имплицитной номинации «Яблочко» (партии «Яблоко»), проявляющейся в выражении «взять

за яблочко» возникает на основе отрицательного отношения к связи партии «Яблоко» с компанией «ЮКОС», так как владелец группы компаний «ЮКОС» Михаил Ходорковский публично заявил, что он из своих личных денег финансирует избирательную кампанию «Яблоко» («Известия». 25.10.2003. С.7).

В газетных текстах наблюдаются и метафорическое перифразирование прецедентных текстов, например строк песен: заголовок «Эх, «Яблоко» куды котишься?» («КП». 23.12.2003. С.4), соотносимый с известными строками из песни «Яблочко»: «Эх, яблочко, Куды котишься, Под Царицын попадешь – не воротишься». Перифраза создает отрицательную оценку деятельности фракции «Яблоко», так как речь идет об отказе партии участвовать в президентских выборах, что вызывает недоумение россиян.

Возникнув как инициальный контаминат для номинации политической структуры – «**Яблоко**», слово ассоциируется с узуальным нарицательным существительным *яблоко*, которое становится эмблемой (символом) партии, вызвав появление гиперо-гипонимического ряда. **Яблоко** – *ранет*, например, в шутовых словесных портретах лидеров политических фракций: Григорий Явлинский:

*Я теперь грызу **ранет***

У меня мандата нет. («КП». 30.12.2003. С.9)

Видиома: портрет Григория Явлинского в образе зайца с мешком, из которого сыплются яблоки (Там же).

Номинация «яблоко» деметафоризируется и опредмечивается, образуя гиперо-гипонимическую парадигму. С другой стороны, происходит уменьшение, измельчение крупного сочного зеленого яблока (символа партии) через перевод его в сорт мелких яблок – *ранет*. Наблюдается аллегория: партия «Яблоко», не попав в Госдуму 2004 года, утратила свое значение, потеряла авторитет в обществе. Наблюдается семантико-стилистическое, метафорическое поле номинации партии «Яблоко»:

Метафорическое обозначение политических структур и их атрибутов, как атрибутов политической игры, выражающееся и в языке, способствует обогащению лексики русского языка, формированию концептуальных метафор и созданию концептосфер, которые могут просуществовать недолго, запечатлев фрагмент действительности (как, например, концептосфера номинации партии «Яблоко») или развиваться, утончаясь в семантических и стилистических значениях, оттенках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беглова Е.И. Ассоциативный потенциал как основа метафорического переосмысления названия политической партии // Современная политическая лингвистика / Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Ур ГПУ, 2003. – С. 21-23.

2. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб., - 1993. С. 47-64.

© Беглова Е.И., 2004

Гаврилова М.В.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РЯД СЛОВ *ЦЕЛЬ, ЗАДАЧА, ПРИОРИТЕТ* В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСЛАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

Послание Президента как большое программное выступление, в котором определяются цели и задачи государственной политики, оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения и развитие внутренней политики. В этой связи нам представляется важным описать особенности употребления Президентом слов *цель, задача и приоритет*. Отметим, что высказывания о целях являются принадлежностью многих политических текстов, имеющих декларативный характер. Высказывания о целях способствуют формированию ответной реакции и, что особенно важно для политиков, побуждают аудиторию к действию.

Начнем с описания семантического движения слова *цель* в исторической перспективе. Словарь под редакцией В.И. Даля трактует значение следующим образом: *цель* (польск. cel, нем. Ziel) мета, предмет, в который кто-либо метит, наводит, старается попасть // *цель* на стрелковом оружии, мушка // конечное желание, стремление, намерение, чего кто-либо силится достигнуть [ТСЖВЯ. Т.4: 1271]. Отметим, что в русском сознании *цель* представлена как начало и конец дела: *цель* - начало или ко-

рельеф, побуждение; за ним идет средство, способ, а вершит дело конец, цель, достижение (Примечательно, что в английском языке эти значения разведены. О важности слова *цель* в англоязычной культуре свидетельствует тот факт, что для его обозначения существует синонимический ряд: *an aim* (прицеливание, прицел на оружии, в этом слове важна сема 'направление'), *a target* (мишень // то, на что направлена критика // то, чего хочется достичь), *a purpose* (намерение // написание плана и следование этому плану), *an objective* (воен. - цель захвата, в этом слове важна сема 'окончание', 'достижение')). В 80-х гг. XX в. в качестве основного сохраняется значение 'предмет, место, в которые надо попасть при стрельбе или метании', фиксируется значение 'то, к чему стремиться, чего хотят достичь', появляется дополнительное значение сема 'цель как планирование, заранее намеченное задание' [МАС. Т.4: 638] (Ср.: понимание эффективности как целеполагания в европейской традиции: «есть цель, есть идеал и воля: взгляд обращен только на модель, образец, избранный нами; этот образец мы проецируем на окружающий мир, а затем в своих действиях следуем разработанному плану. Наш выбор – вмешиваться в жизнь, придавать форму нашей действительности. Чем ближе наше действие подойдет к идеальной форме, тем больше у нас шансов на успех» [Жюльен. Ф., 1999: 11]).

В настоящее время актуализируется неосновное значение слова: цель как замысел. Наблюдение над функционированием слова в политическом дискурсе показали, что на первый план выдвигается сема 'конечное желание'. Например, в советском политическом дискурсе слово *цель* широко использовалось в жанровой разновидности лозунга и преимущественно согласовалось с прилагательными *великая*, *заветная*, *светлая*, что придавало выражению патетическое звучание: «*коммунизм – великая цель партии и народа*».

Исследователи отмечают [см., например: Арутюнова, 1990; Радзиевская, 2003], что цель обозначает объект, представляющий ценностный аспект жизни. Цель связана как с эмоциональной, так и с рациональной сферами лица. Именно эмоциональная сфера дает толчок к зарождению цели, и именно эмоциональный импульс ведет к ее достижению. Однако процесс окончательного формирования цели переводится в интеллектуальную сферу. Сформулированная цель мыслится субъектом как

реально достижимая, хотя в процессе ее достижения может происходить переоценка.

Рассмотрев изменение лексического значения слова *цель*, перейдем к описанию его словоупотребления в дискурсивном пространстве Послания Президента. В качестве примера возьмем Послание, с которым выступил глава государства в 2002 году. В Послании слово *цель* представлено в следующем контекстном окружении (см. табл.1).

Таблица 1

(1) Цели неизменны	(1) «Наши <u>цели</u> неизменны – демократическое развитие России, становление цивилизованного рынка и правового государства. И самое главное – повышение уровня жизни нашего народа».
(2) Амбициозные цели	(2) «Я уже говорил: России сегодня нужны более амбициозные <u>цели</u> »
(3) Наша главная цель	(3) «Наша главная <u>цель</u> – и об этом мы много раз говорили, все об этом хорошо знают – добиться неотвратимости наказания, а не его чрезмерной суровости».
(4) Главная цель реформы	(4) «Однако главная <u>цель</u> реформы – это улучшение качества услуг при одновременном снижении затрат на их предоставление».
(5) Наша важнейшая цель во внешней политике	(5) «Наша важнейшая <u>цель</u> во внешней политике – это обеспечение стратегической стабильности в мире».

Рассмотрим сочетательные возможности слова *цель* в Послании. Утверждая, что «*наши цели неизменны*», В.В.Путин указывает на преемственность политического курса новой России. Определения *главная*, *важная* выступают как типичные признаки слова, приобретая символическое значение. Отметим, что эти словосочетания зафиксированы как устойчивые в советский период нашей истории. Прилагательное *амбициозный* латинского

происхождения представлено в словарях, выпущенных в 80-е гг., с пометой устаревшее в значении 'чрезмерно, обостренно самолюбивый' (МАС. Т.1; 34). В 2000 г. словарь русского языка фиксирует актуализацию слова в прежнем значении: прилагательное к *амбиция*, т.е. чрезмерное самомнение, самолюбие, необоснованные претензии на что-либо (ТСРЯХХ: 49). Возникает вопрос, почему Президент, определяя цели развития страны, использует прилагательное с отрицательной характеристикой предмета. Видимо, спичрайтеры используют значение английского слова *an ambition*, поскольку словарь современного английского языка трактует амбицию как сильное желание, особенно быть успешным. Отсюда, *амбициозный* – это тот, который полон амбиции (УССАЯ; 20). Таким образом, если в русской ментальности амбициозность как качество маркировано отрицательно, то в западном языковом сознании - это качество положительное. Однако не ясно, почему Президент пользуются значением английского слова, вытесняя закрепленное в русском языке значение слова.

Необходимо указать на то, что семантика целеполагания поддерживается на других языковых уровнях текста. В частности, на морфологическом уровне формы глагола *нацеливать*, который употребляется в Послании в переносном значении 'направить усилия на достижение какой-либо цели': «*наша экономическая политика, повседневная работа государственных институтов – должны быть нацелены на решение соответствующих задач*»; «*не предусматривает мер, нацеленных на использование возможностей российской экономики*».

На синтаксическом уровне значение целедостижения актуализируют предложения с союзом *чтобы*, принадлежащим сфере волеизъявления, которое конкретизируется как значение желательности, осложненное значением цели. Эти предложения подчеркивают активный и целенаправленный характер деятельности субъекта. Их расположение в начале и в конце выступления свидетельствует о важности этих предложений в семантической макроструктуре Послания. Кроме того, синтаксическая актуализация цели достигается выделением в отдельное предложение («*мы должны сделать Россию процветающей и зажиточной страной. Чтобы жить в ней было комфортно и безопасно. Чтобы люди могли свободно трудиться*»), а в некоторых случаях препозицией придаточного предложения («*чтобы обеспе-*

чить достойный уровень жизни наших граждан <...>, наша экономика должна расти...»).

Рассмотрим, как Президент формулирует цели. Как видно из табл.1, это происходит с помощью отглагольного существительного и инфинитива. Следует отметить, что глагольная форма выбрана удачно, поскольку глагол несет в себе энергию целеполагания. Помимо этого, эффективной в рамках теории речевого воздействия следует считать и лозунговую форму подачи информации, использование приема фасцинации, способствующего вычленению и запоминанию нужного адресанту сообщения.

Нам представляется, что для политика цель – это набор параметров, характеризующих степень развитости страны. Рассмотрим, каковы в представлении В.В.Путина те рубежи, к которым должна стремиться в своем развитии страна. Итак, по мнению Президента, политическими символами новейшей истории России являются демократическое развитие, цивилизованный рынок, правовое государство, повышение уровня жизни.

Целесообразно подробнее остановиться на сформулированных Президентом целях, которые соотнесены с планом будущего. Полагаем, что слово *развитие* не может быть сформулировано в качестве цели. Как было сказано, цель – это желаемый результат. Однако и лексическое значение слова (процесс перехода в другое состояние), и форма слова (отглагольное существительное со значением отвлеченного процессуального признака) предполагают процесс, а не результат действия. Словосочетание *демократическое развитие* было зафиксировано как устойчивое сочетание уже в советском политическом дискурсе. Таким образом, это словосочетание представляет собой понятие, застывшую форму. Полагаем, что оно переходит в разряд политических символов, которое каждое поколение истолковывает по-своему, причем сообразно своим политическим взглядам. Примечательно, что в дискурсе В.В.Путина, как правило, используется прилагательное *демократический*, а не существительное *демократия*, что было характерно для русского политического дискурса 90-х гг. Известно, если человек не употребляет слово, то не истолковывает его. Такое речевое поведение затрудняет выяснение того, как Президент понимает этот важный политический термин, какой вкладывает в него смысл.

Следующую цель В.В.Путин формулирует как цивилизованный рынок. Заметим, что экономические изменения принадлежат к фактам, а не ценностям. Начиная с периода перестройки,

мы наблюдаем актуализацию и семантическое развитие слова *рынок* от значения 'место розничной торговли съестными припасами и другими товарами под открытым небом или в крытых торговых рядах' до 'сфера свободного обращения товаров и капиталов, а также движения рабочей силы, регулируемых спросом и предложением'. В русском языке в понятии о рынке присутствует стихийное начало: рыночный значит 'вольный'. Очевидно, поэтому В.В.Путин актуализирует идею упорядоченности с помощью определения *цивилизованный*. Примечательно, что прилагательное *цивилизованный* в тексте Послания сочетается только со словами, описывающими сферу бизнеса: *рынок, бизнес, предпринимательская среда*, что позволяет уточнить толкование Президентом слова *цивилизованный* как 'развитый' и 'правовой'. Показательно, что такие сочетания слов не зафиксированы в словарях современного русского языка. Следовательно, для В.В.Путина *цивилизованный* является типичным признаком рынка. Отсюда можно сделать вывод, что словосочетание *цивилизованный рынок* выполняет роль символа в структуре представлений Президента. Если в политическом дискурсе 90–х гг. наблюдалась активность прилагательного *рыночный* (рыночная экономика, рыночные отношения, рыночные механизмы), то в правление В.В.Путина слово *рынок* получает большее распространение, расширяя свои сочетаемостные возможности *мировой, цивилизованный, жилья, наш*.

Другой целью, которую политический лидер формулирует в Послании, является правовое государство. Отметим, что это словосочетание появилось в русском политическом дискурсе новой России. В 90-х гг. словосочетание *правовое государство* зафиксировано как устойчивое в значении 'построенное на строгих основах права и проводящее в жизнь неукоснительное соблюдение законов' (ТСРЯХХ: 180). Необходимо иметь в виду, что право – это не обязательный признак государства, поскольку русский человек живет не по праву, а по понятиям совести (личное) и чести (общественное). Русский человек предпочитает, чтобы его судили не по закону, а по справедливости (правый значит 'справедливый'). Право выступает необходимым атрибутом западного типа государственности.

Примечательно, что улучшение жизни народа – важная задача, провозглашаемая всеми высшими государственными деятелями. В советский период нашей истории главная задача коммунистической партии формулировалась как «повышение

(подъем) народного (материального) благосостояния». Следует отметить, что коммунистические лидеры использовали в своих выступлениях важный для русской ментальности концепт – благосостояние, т.е. достаток, обеспеченность, то, к чему стремится русский человек. В новой России целью политической деятельности становится повышение уровня (качества) жизни народа. Эти сочетания зафиксированы как синонимичные устойчивые словосочетание в конце XX в. (данные ТСРЯХХ). В дискурсе В.В.Путина сочетание *уровень жизни* преимущественно распространяется прилагательным *достойный*, т.е. 'заслуженный, справедливый'. Таким образом, благосостояние сменилось повышением (достойным) уровнем жизни.

Следует отметить, что В.В. Путин, описывая цели развития страны, делает упор на приоритетах экономики, поскольку, по нашему мнению, политической элите сложно поставить общезначимые цели политического развития страны. Подчеркнем, что для русского сознания важно, чтобы политические символы проявляли себя в деле, творились жизнью.

От рассмотрения целей перейдем к наблюдениям над словом *приоритет*, которое является частотным в дискурсе В.В.Путина и становится частотным в русском политическом дискурсе с приходом к власти В.В.Путина. Очевидно, что это слово недавно вошло в активный состав русского языка. Так, в словаре под редакцией В.И.Даля и в словаре сочетаемости слов русского языка (1983г.), куда входят наиболее употребительные слова, это слово не зафиксировано. Слово немецкого происхождения *приоритет* имеет следующие значения: 1. первенство по времени в научном открытии, изобретении, исследовании. 2. преобладающее, первенствующее значение чего-либо [МАС. Т.3: 431]. В конце XX в. отмечается актуализация слова, его принадлежность к книжному стилю речи и представлено значение 'преобладающее, главенствующее значение чего-либо, примат' (ТСРЯХХ: 508). Отметим, что слово *приоритет* связано с волевым началом и интеллектуальной сферой человеческой деятельности, поскольку только человек может определить, что является первоочередным в данный момент времени.

Отметим, что в дискурсе Президента *приоритет* приобретает значение 'главенствующее место среди других важных целей'. Рассмотрим, что определяет Президент в качестве приоритетов политики, приоритетов развития страны (см. табл.2).

Таблица 2

(1) Безусловный приоритет	(1) «одним из безусловных приоритетов является продолжение военной реформы и переход к профессиональной армии при сокращении срока службы по призыву».
(2) Главный внешнеполитический приоритет России	(2) «Работа со странами СНГ – главный внешнеполитический приоритет России. Приоритет, связанный в том числе с получением конкурентных преимуществ на мировых рынках».

Таким образом, в Послании 2002 г. военная реформа и работа со странами СНГ – наиболее важные направления деятельности государственной власти. Причем Президент использует усиительные выражения *главный приоритет*, *безусловный приоритет*, выделяя в слове типичный признак, что позволяет утверждать, что в картине мира В.В.Путина слово *приоритет* является символом.

Известно, что достижение цели приближает выполнение задач. Анализ лингвистических структур Послания позволил выявить некоторые составляющие авторского видения мира, в частности представления Президента о целях и задачах политической деятельности и их сравнительной значимости. В этой связи рассмотрим особенности употребления слова *задача* в Послании. Начнем с описания значения слова в исторической перспективе. В советский период слово означало 1.то, что дано, предложено для выполнения, разрешения; то, что требует выполнения, разрешения // о затруднениях, каких-л. обстоятельствах, которые надо преодолеть // цель, к которой стремятся, которой хотят достичь. 2.вопрос (обычно математического характера), требующий нахождения решения по известным данным с соблюдением известных условий. 3.прост. удача, успех, счастье [МАС. Т.1.: 514]. За последние десятилетия лексическое значение изменилось, наблюдается актуализация семы 'цель, которой хотят достичь', далее 'вопрос, требующий рассмотрения, исследования' и затем арифметическая задача.

Как справедливо замечает Т.В.Радзиевская, задача – это порождение рационального отношения к жизни, она касается конкретных, обозримых дел: стандартным является противопоставление конкретных задач и абстрактных целей. Задача связа-

на с модальностями необходимости и долженствования (Радзиевская 2003:397). В Послании 2002 года В.В.Путин сформулировал следующие задачи, стоящие перед страной (см. табл.3).

Таблица 3

(1) на предстоящий период	(1) «Поставить <u>задачи</u> на предстоящий период»;
(2) скромная, но чрезвычайно важная	(2) «ставили скромную, но чрезвычайно важную <u>задачу</u> »;
(3) решена	(3) «эта <u>задача</u> решена»;
(4) соответствующие	(4) «России сегодня нужны более амбициозные цели. Более высокие темпы роста. А наша экономическая политика, повседневная работа государственных институтов – должны быть нацелены на решение соответствующих <u>задач</u> »;
(5) стратегические	(5) «Нынешние функции государственного аппарата не приспособлены для решения стратегических <u>задач</u> »;
(6) непростая и долговременная	(6) «Понятно, ревизия функций государства – <u>задача</u> непростая и долговременная»;
(7) не только политическая, но не в последнюю очередь – экономическая	(7) «нам необходим такой суд, который уважают и в стране, и за ее пределами. Эта <u>задача</u> – не только политическая, но не в последнюю очередь – экономическая»;
(8) наша ключевая задача	(8) «нашей ключевой <u>задачей</u> остается работа по разграничению сфер ведения между федеральными, региональными и местными уровнями власти»;
(9) задачи, которые выполняются федеральными и региональными органами государ-	(9) «Часть из них (вопросов «местного значения» - М.Г.) пересекается с <u>задачами</u> , ко-

ственной власти	торые выполняются федеральными и региональными органами государственной власти»;
(10) непростая	(10) «Очевидно, что <u>задача</u> у комиссии – непростая»;
(11) главная	(11) «И потому главная <u>задача</u> нынешнего этапа – это возвращение Чечни в политико-правовое пространство России»;
(12) серьезная	(12) «одной из серьезных <u>задач</u> , прямо связанных с темпами экономического роста, является продолжение реформы наших крупных компаний, так называемых естественных монополий»;
(13) задача повышения оплаты	(13) «В этой связи хочу напомнить Правительству и руководителям регионов, что <u>задачу</u> повышения оплаты можно ставить только одновременно с развитием конкуренции...»;
(14) задачи, которые нам и так нужно решать	(14) «(членство в ВТО должно стать – М.Г.) мощным внешним стимулом для решения тех <u>задач</u> , которые нам и так нужно решать»;
(15) задача подготовки законодательной базы	(15) «В прошлом Послании я ставил <u>задачу</u> подготовки законодательной базы для завершения перехода к страховому принципу оплаты медицинских услуг, медицинской помощи. У нас есть привычка самое сложное откладывать на потом, к сожалению. Эта <u>задача</u> не выполнена»;
(16) первоочередные задачи	(16) «считаю организацию проведения переписи одной из

	первоочередных <u>задач</u> и прошу все уровни власти принять активное участие в ее подготовке»;
(17) важнейшая стратегическая задача	(17) «совместными усилиями нам удалось решить важнейшую стратегическую <u>задачу</u> – ликвидировать наиболее опасный центр международного терроризма в Афганистане»;
(18) широкий круг задач и интересов	(18) «Содружество Независимых Государств – влиятельное объединение государств с широким кругом <u>задач</u> и интересов».

Приведенная таблица нуждается в некоторых комментариях. Слово *задача* трактуется Президентом как то, что требует выполнения. Иными словами, значение слова *задача* характеризуется присутствием параметра выполнимости. В Послании слово *задача* входит в состав глагольных словосочетаний, представляющих собой языковые клише, для которых характерна регулярная сочетаемость: *ставить - поставить задачу, решать - решить задачу, выполнять - выполнить задачу*. Таким образом, В.В.Путин представил основные этапы реализации задачи: постановка – решение – выполнение.

Для выяснения смысловой ценности слова в тексте Послания рассмотрим, с какими прилагательным сочетается слово *задача*. Обращает на себя внимание наличие градуальных признаков в распространении существительного: важная – главная – важнейшая стратегическая. Наивысшее усиление качества представлено словосочетанием *важнейшая стратегическая задача*, которое является плеоназмом, поскольку высказана одна и та же мысль, риторически и экспрессивно выделенная повторением однозначных слов. Кроме того, этой цели служит превосходная степень прилагательного *важный* и *стратегический*. Напомним, что стратегия определяет общие установки, важные для решения задачи. Возможно, плеоназм как форма экспрессивного усиления используется для усиления речевого воздействия на аудиторию, являясь способом внушения нужного адресанту сообщения.

Полагаем, что использование прилагательных *главная, важная, серьезная, стратегическая, ключевая* соответствует функции программного выступления Президента, определяя по степени значимости задачи развития страны на предстоящий год. Опишем признаки подробнее. Прилагательное *важный* означает имеющий особенно большое значение. *Главный* – это самый важный, существенный среди других, основной. *Стратегический* употребляется в Послании в неосновном значении как ‘содержащий важные установки для осуществления чего-либо’. Заимствованное из французского языка прилагательное *серьезный* выступает в значении заслуживающий особого внимания для понимания, решения, осуществления, значительности или опасности. Прилагательное *ключевой* выделяет наиболее значительные в представлении Президента задачи. Выяснив значения синонимического ряда прилагательных, можно выстроить иерархию задач по степени важности их выполнения (см. табл. 3). Кроме того, широко представленная синонимика данных определений позволяет подчеркнуть деловую сторону Послания и реалистическое отношение Президента к жизни.

Интересно, что для формулировки задач В.В.Путин использует прилагательные, в которых сочетаются семы ‘военное искусство’ и ‘значительность’. Речь идет о прилагательных *ключевой* и *стратегический*. Кроме того, в дискурсе Президента наблюдается перераспределение основного и переносного значений этих прилагательных. Переносное значение вытесняет на периферию употребления основное значение. Основное значение прилагательного *ключевой* ‘открывающий возможности овладения и захвата’ ослабевает, а контекстуальное окружение актуализирует переносное значение слова ‘наиболее значительный в каком-либо отношении’. У прилагательного *стратегический* (греч.) переносное значение ‘содержащий общие, основные установки, важные для подготовки и осуществления чего-либо’ занимает место основного. В некоторых случаях у прилагательного *стратегический*, помещенного в тематическую рамку «борьба России с международным терроризмом», наблюдается компрессия значений ‘относящийся к искусству ведения войны в целом’ и ‘содержащий общие, основные установки, важные для подготовки и осуществления чего-либо’. Однако в Послании 2002 г. определение *стратегический* преимущественно употребляется в значении ‘общие, основные установки, важные для подготовки и осуществления чего-либо’.

В качестве первоочередной, т.е. требующей выполнения в первую очередь, задачи определена перепись населения. Впоследствии, говоря об итогах уходящего 2002 г. в телеинтервью, Президент начал свое выступление именно с результатов переписи.

Направленность семантики слова *задача* в будущее, связь с планом настоящего влечет за собой сочетаемость слова с временным показателем - «*на предстоящий период*» и с прилагательным *долговременный*.

Следует отметить алогичность высказывания «*скромная, но чрезвычайно важная задача*», поскольку *скромный* в своем основном значении выступает как 'небольшой', 'незначительный', а важный – 'имеющий большое значение'. В данном случае не может быть оснований для дополнительной, а есть взаимосключающие отношения между этими прилагательными.

Президент квалифицирует задачи по сложности путей решения. Лидер должен вселять уверенность в выполнении поставленных им задач. Возможно поэтому В.В.Путин, говоря о реформировании органов государственной власти, использует градуальные схемы, выбирая средний член оппозиции (простой – непростой – несложный - сложный). Таким образом, словосочетание *непростая задача* определяется как нечто среднее между значениями 'легко доступная для понимания и выполнения' и как 'представляющая затруднения для понимания и осуществления'. В Послании словосочетание *непростая задача* употребляется дважды в различных контекстах. Например, Президент определяет ревизию функций государства в качестве непростой и долговременной задачей. В данном случае наблюдается актуализация временной семантики, т.е. продолжающаяся долгое время, очень длительная. Подобный контекст создает предпосылки для осознания того, что «сильное государство» сложно создать за один президентский срок. Кроме того, непростой задачей в понимании Президента является разграничение сфер ведения между различными уровнями власти.

В некоторых случаях Президент не конкретизирует задачи, предпочитая давать определение *соответствующие*, т.е. 'нужные или подходящие для данного случая', или дает расплывчатую формулировку «задачи, которые нам и так нужно решать». Кроме того, Президент не уточняет, какие *более амбициозные цели и более высокие темпы роста* он определяет на год.

Обращает на себя внимание многочисленность задач, которые Президент ставит перед страной: более высокие темпы экономического роста, ревизия функций государства, уважение к суду, разграничение сфер ведения между федеральным, региональным и местным уровнями власти, возвращение Чечни в политико-правовое пространство России, реформирование естественных монополий, подготовка законодательной базы для перехода к страховому принципу оплаты медицинских услуг и медицинской помощи, организация проведения переписи (Ср.: «Та практика, которая сложилась у нас в стране, она тяжело поддается оценке – это жанр еще не устоявшийся. В Америке же послание – это декларация стратегического курса президента на предстоящий год, иногда на более длительную перспективу, где четко и ясно выделены 4-5 основных приоритета. Не делается попытки, как это у нас часто бывает – своего рода меню перечисления 33 проблем, и непонятно, какая из них главная, и обещание сделать и то, и другое, и третье. Второе – президент обязательно подкрепляет свои тезисы некими материальными вкладками – какие средства будут направлены на реализацию этой темы – прямо в своем обращении. И сразу же после обращения президента к нации выходит бюджетное послание президента – это многотомные фолианты, тысячи страниц, где, во-первых, эта стратегия переведена на язык макробюджетной политики – что будет сделано, чтобы реализовать эту цель президента в нынешнем году, что через год, что – через пять лет. И дальше – детализация. И после этого в стране разворачивается дискуссия – обсуждение послания президента, поскольку это не просто обещания. Вы открываете страницу бюджета, и смотрите – президент провозгласил здравоохранение главной целью или включил здравоохранение в список одной из трех главных целей. Предусмотрено ли выделение дополнительных средств? Как деньги увеличатся на эти цели в этом году, следующем, и далее? У нас же получается – президент провозглашает какую-то задачу, потом мы смотрим госбюджет, который составило наше правительство, и выясняется дистанция огромного размера» (С.РОГОВ, директор Института США и Канады, радиостанция «Эхо Москвы», 12.05.2003)).

Необходимо подчеркнуть, что поставленные задачи были частично или полностью решены. И в Послании 2003 г., подводящем некоторые итоги трехлетнего правления, Президент знакомит аудиторию с результатами выполнения этих задач. В Че-

ченской Республике прошел конституционный референдум, проведена Всероссийская перепись населения, *«Правительство провело инвентаризацию функций министерств и ведомств», «серьезно продвинулись в создании реально независимого суда», «сделаны первые шаги по реформированию инфраструктурных монополий», «после отработки во второй половине этого года в 16 регионах России организационных вопросов уже со следующего года будет обеспечено медицинское страхование пенсионеров в масштабах всей страны».* Говоря в Послании 2003 г. о разграничении сфер ведения между федеральным, региональным и местным уровнями власти, В.В.Путин подчеркивает: *«Укрепили государственную власть. Приблизили федеральную власть к регионам. Благодаря восстановлению единого правового пространства смогли вплотную заняться разграничением полномочий между центром и регионами. <...> Приступили к строительству дееспособной власти на местах».* Важное значение Президент уделяет развитию экономики страны. Отмечая *«перемены к лучшему»*, В.В.Путин считает, что *«экономический рост в России обязан в первую очередь благоприятному состоянию мировой конъюнктуры последних лет».*

Таким образом, можно утверждать, что Президент контролирует ход выполнения поставленных им задач и знакомит с результатами их решения аудиторию в последующих Посланиях. Это дает основание считать В.В.Путина ответственным политиком. Такая позиция, при которой слова находят свое воплощение в деле, особенно важна для российского политика, поскольку в русской ментальности слово и есть дело, представленное вещью (В церковнославянском языке существительное *глагол* обозначает и слово, и дело. Древнеславянское *глаголи* (форма повелительного склонения) означало 'говори и делай').

ЛИТЕРАТУРА

1. МАС - Словарь русского языка в 4-х т.: М., 1982.
2. ТСРЯХХ - Толковый словарь русского языка конца XX века. СПб., 2000.
3. ТСЖВЯ - Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.
4. СТСРЯ – Современный Толковый Словарь Русского Языка. СПб., 2001.
5. УССАЯ – Учебный словарь современного английского языка. М., 1984.

6. *Радзиевская Т.В.* Семантика слова «цель» // Логический анализ языка. Избранное. 1988 – 1995. М., 2003.

© Гаврилова М.В., 2004

Лассан Э.Р.

«РАЗУМ ВЛАСТИ» В ЗЕРКАЛЕ КАТЕГОРИЙ ЦЕЛИ И ПРЕПЯТСТВИЯ

При всем многообразии трактовок природы и сущности власти, моментом, не вызывающим разногласий, является тезис о ее ориентирующей и мобилизующей функции. В политологии принято говорить о «ликах власти», наделенных специфическими функциями: «Первое лицо власти означает ее способность побуждать людей к определенным действиям, совершать поступки в русле тех интересов и целей, которые исходят от господствующего субъекта» [Соловьев 2000, <http://referlazar.narod.ru>]. В современном мире, где голос власти, многократно усиленный, доходит через СМИ практически до каждого гражданина, достижение ситуаций, желаемых властью, во многом зависит от того, с какой энергией цели власти будут озвучены, т.е. станет ли «идея материальной силой». Впрочем, это характерно не только для современного мира – любая революционная эпоха характеризуется своими трибунами, призывающими и мобилизующими. «Мобилизация к действию является, пожалуй, наиболее значимым проявлением инструментальной функции языка политики, который должен стимулировать к совершению действий» [Шейгал, 2000: 37]. Однако мобилизованная масса может испытать разочарование, если высвеченная цель оказывается труднодостижимой в силу не проговоренных заранее обстоятельств, именуемых *препятствиями на пути к достижению цели*.

Эффективность деятельности власти, как и эффективность деятельности любого другого субъекта, определяется совпадением / несовпадением заявленных установок с полученным результатом, а «разум власти», как и разум отдельного человека, подчиняется закономерностям деятельности разума вообще. Разница заключается, скорее, в том, что «разум власти» всегда являет себя эксплицитно: в текстах, призванных ориентировать аудиторию, в поступках, призванных обеспечить достижение установок, в текстах, мотивирующих эти поступки. «Второе лицо» власти демонстрирует ее умение предотвращать нежелательные действия людей <..> «Третье лицо» власти характери-

зует ее возможность осуществлять господство при отсутствии видимого... контакта властвующих и подвластных. Так, авторитет политического лидера может стимулировать действия его сторонников в духе его заветов и после его смерти <..>» [Соловьев, там же]. Естественно, что способом мифологизации политического лидера является текст.

Описывая деятельность развитого разума, акад. Н.М. Амосов отмечает, что она делится на функциональные акты, важнейшими из которых являются *целеполагание, планирование, оценка*: «целеполагание – исходя из «картины», данных анализа и мотивов действия выбирается цель – модель объекта, который должен быть в результате действия; планирование – оценка результата по совпадению с целью, от цели и мотива «по рельсам» связей выбирается модель плана действий, оцениваются требуемые усилия – от сопротивления объекта. Они сопоставляются с дееспособностью...; оценка результат по совпадению с целью» [Амосов, 1992: 52].

Можно сказать, что развитый разум, по Амосову, рассматривает бытие сквозь призму категорий цели и препятствия. Категория цели относится к числу важнейших понятийных категорий, ибо человеческая деятельность – будь то деятельность отдельного индивидуума или коллектива – телеологична по своей природе. Такая категория находит свое отражение в собственно языковой категории цели, реализующейся в семантике ряда языковых единиц и конструкций. О категории препятствия в научной литературе – философской или лингвистической – насколько мне известно, практически не говорится. Вместе с тем ментальный феномен *препятствие* неотделим от ментального феномена *цели* – цель отдалена и требует усилий для своего достижения. Если принять точку зрения К. Лоренца о том, что мозг со всеми его категориями сформировался как результат адаптации к внешнему миру, то категорию препятствия наряду с категорией цели можно отнести к числу наиболее значимых для овладения миром и унаследованных человеком от его животных предков. Так, К. Лоренц рассказывает о землеройке, попавшей в незнакомую обстановку и «выучивающей» для *беспрепятственного* продвижения по своему жизненному пространству все возможные пути *к цели* [Лоренц, 2000: 33]. Интересно, что понятийная категория препятствия находит выражение в очень широком круге языковых средств в русском языке: сюда относятся не только существительные и глаголы со значением *'создавать*

/ ликвидировать 'препятствие' (препятствие, преграда, помеха, преодоление, тормозить, загромождать, проникать, норовить, достать и т.д.), но и служебные части речи – предлоги и частицы (*из-за, благодаря, еле, едва, все же* и т.д.). Так предлог *из-за* во фразе *Я не пришел из-за тебя* участвует в обозначении ситуации, где некое лицо – *ты* – является препятствием для совершения действия глагола *прийти*, а предлог *благодаря* во фразе *я нахожусь здесь благодаря тебе* участвует в обозначении ситуации, где лицо – *ты* – устранило препятствия, которые мешали говорящему находиться в желанном для него месте.

Кроме собственно языковых средств, предназначенных для вербализации ситуации препятствия, можно говорить и о специфических русских словах, отражающих картину мира сквозь призму существования препятствий: ср. глагол *добираться*, отмеченный А. Зализняк в качестве средства, означающего затрудненное передвижение [Зализняк, 2000], глагол *попасть*, рассматриваемый Г.Кустовой как средство, выражающее идею отсутствия простого пути, наличие трудностей или препятствий [Кустова, 2000], глагол *удастся (удалось)*, означающий достижение результата действия, осложненного препятствиями, – частота встречаемости этого глагола в текстах (182) приближается к частоте употребления имени одного из ключевых русских концептов – *судьба* (196), субстантивацию союза *но*, символизирующего препятствия, возникшие на пути [«Но всегда ждут нас, где мы не думаем, разные скверные «но» (Лесков)]. Все сказанное позволяет говорить о том, что, видимо, в силу исторических причин, категория препятствия представляется весьма значимой в картине мира носителей русской культуры. Возникает вопрос, в какой мере этот взгляд на мир – ожидание препятствий – отражается в политических текстах сил, вставших у власти в переломные общественные периоды? В сущности, сами эти периоды в России как в стране, где революции приходят сверху, властью и создаются. Вопрос о том, как политик-реформатор осуществляет прогнозирование своей деятельности и ее текстуализацию, – это вопрос о том, какую энергию для достижения цели он вселяет в тех, кого именуют подвластными.

Вообще, очевидно, представителей человеческого рода можно разделить на субъектов, фокусирующих внимание на цели, и субъектов, фокусирующих внимание на препятствиях, преодоление которых необходимо для ее достижения. Сосредото-

ченность внимания только на цели превращает субъекта в безудержного оптимиста, активность которого может граничить с беспечностью и недалечностью. Напротив, сконцентрированность на препятствиях обрекает субъекта на отказ от деятельности и скептицизм в отношении деятельности других. Видимо, эффективная деятельность возможна при разумном распределении внимания между целью деятельности и препятствиями к ее достижению. Если таким образом охарактеризовать рациональное мышление, бесстрашное и предусмотрительное одновременно, то можно на основе текстов, принадлежащих в определенное время определенным деятельностным силам общества, охарактеризовать характер их мыслительных актов и способность/ неспособность к эффективному достижению цели.

Вот, на мой взгляд, текст, демонстрирующий аналитические возможности разума, предполагающего реализацию цели. *В январе 1987 года я построил модель сил, мешающих реформам. Первая – сопротивление номенклатуры, вторая – сопротивление народных привычек, нажитых за 70 лет, третья – национальные черты. Третья тогда еще не успела развернуться, но я считал ее важнейшей. Горбачев, по-видимому, ее недооценивал. **Первое препятствие** (выд. Э.Л.) он хорошо понимал, не сердился на подводные камни и ловко их **обходил**, второе понимал плохо, а национальные проблемы... вообще не понимал... и позволил себе то, что политикам запрещено: **на талкиваясь на непонятное, он сердился...** [Померанц, 1992: 19]*

Автор предлагаемого фрагмента – известный русский философ Г. Померанц – не предлагает способов преодоления препятствий, видя их закономерный характер. Препятствия представлены в статье как нефизические – объективные ситуации, не имеющие в данный момент разрешения. Обратимся непосредственно к текстам политического лидера, стремящегося создать новый правовой порядок – М.С. Горбачева – и сопоставим дискурс Горбачева с дискурсом других политических лидеров и сил, в свое время ощутивших призванность к изменению ситуации в стране и реализации новых установок. Предметом анализа является способ представления категорий цели и препятствия в политическом дискурсе, т.е. два основополагающих акта «развитого разума» - целеполагание и планирование. Сравнение дискурсов позволит говорить о четкости политических ориентиров, специфичности их представления в дискурсе, о способности политических сил к прогнозированию. Сразу огово-

рюсь: предметом анализа явилось три текста М.С. Горбачева и столько же текстов Б.Н. Ельцина, а также предвыборные заявления СПС и «Единой России». Разумеется, такое количество текстов не позволяет делать бесспорных выводов о характере реализации указанных категорий в дискурсе названных политиков и политических сил, однако позволяет делать выводы предположительного характера о когнитивных процессах, отраженных в соответствующих дискурсах.

В 1999 г. в лекции, прочитанной в Американском Университете в Турции, т.е. уже не находясь у власти, М.С. Горбачев характеризует цель своей деятельности следующим образом: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма... Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и в стране». В проанализированном дискурсе Горбачева это – единственный случай употребления слова *цель* для обозначения желаемой ситуации. Отметим, что данный текст характеризует не когнитивный этап целеполагания или планирования – он генерируется на этапе подведения итогов (оценки), которые М.С. Горбачев характеризует так: «... я покончил с коммунизмом в Европе. Но с ним нужно также покончить и в Азии, ибо он является основным препятствием на пути достижения человечеством идеалов всеобщего мира и согласия». Последнее предложение содержит указание на ситуацию, которую бывший Генсек считает желательной и требующей реализации – здесь я намеренно не использую слова *цель*, ибо одна и та же ситуация может трактоваться как *задача*, требующая решения, и как *цель*, требующая достижения. О различиях между *целью* и *задачей* будет сказано ниже, здесь же ограничимся констатацией того, что слова *достижение* и *препятствие* в приведенном высказывании коннотируют представление о цели, которую, по мнению М.С. Горбачева, должно осуществить человечество.

Заметим, что заявленная цель – «достижение идеалов...» - носит характер своеобразного «конца истории» - после осуществления этой цели более масштабных, видимо, не остается. К тому же цель здесь обозначена как *идеал* – предполагающий не столько достижение, сколько движение к нему. Позволю себе оценить заявленную установку как весьма абстрактную. Формулировка собственной политической цели М.С. Горбачевым сталкивается с иными интерпретациями его деятельности: «Конечно же, политической целью Горбачева была лишь модификация

прежней политической системы в демократическом направлении...» [Плотичкина, 2003, <http://elis.pstu.ac.ru>]; «–Мне казалось, что М. Горбачев с самого начала хотел изменить социальный строй, но по понятным причинам эту цель скрывал. – Я так не думаю... Он хотел сравняться с западными лидерами... Он не имел ни тактики, ни стратегии». (Из интервью с Р. Хасбулатовым) [<http://www.woskres.ru>]. Причисляя себя к сторонникам Горбачева, автор приведенного высказывания Р. Хасбулатов говорит о том, что приветствовал объявленные Горбачевым цели, описывая их следующим образом: «Изменения постоянны, поэтому и экономическая политика должна непрерывно изменяться. Это было многим понятно, поэтому мы все приветствовали объявленные им цели». Может ли и з м е н е н и е быть самостоятельной целью деятельности? Как представляется, ориентиром деятельности не могут быть просто изменения – ориентиром может быть некий объект, создаваемый в результате деятельности. Если в качестве цели заявлено уничтожение, то, видимо, предполагается становление нового положения вещей, которому объект препятствовал. Поэтому уничтожение может рассматриваться как промежуточная цель, конечная остается в этом случае не вербализованной – либо в силу неясного представления самим субъектом уничтожения новой ситуации, либо в силу самоочевидности этой новой ситуации. Нечеткость цели, естественно, предполагает нечеткость представления препятствий на пути к ней.

В выступлении Горбачева, где дается ретроспективный обзор собственной деятельности, препятствия предстают как конкретные персонажи истории – «руководство КПСС», «Китай», «Ельцин». Персонификация препятствий позволяет мыслить их не как объективно порожденные историческим процессом ситуации (как это было в тексте Г. Померанца), а как «злую силу», которая в одних случаях носит случайный характер («Ельцин рвался к власти»), в других – может быть уничтожена («заменить все руководство КПСС»), или переориентирована («Я посетил Китай... я собирался выступить перед демонстрантами... и убедить их в том, что они должны продолжать... борьбу, чтобы и в их стране началась перестройка»).

Расплывчатость в формулировке целей имеет место и в дискурсе Горбачева в период его пребывания у власти (рассмотренные тексты – Выступление в Кремлевском Дворце Съездов в честь 40-летия Победы – 1985 г.; Выступление на за-

седании Организации Объединенных наций – 1988 г.). Цель и здесь формулируется не как конкретный желаемый объект (ситуация), а как движение или решение задачи проблем, сформулированных в духе общих мест политической риторики: *сохранить цивилизацию, сделать ее более безопасной и благоприятной для нормальной жизни*. Можно сказать, что свои установки М.С. Горбачев формулирует в терминах задач, а не целей («И нынче для человечества нет задачи важнее, чем отвести нависшую над ним угрозу войны, остановить ядерный взрыв»). И здесь мне представляется принципиально важным разграничить ситуации, интерпретируемые субъектом как цели, и ситуации, интерпретируемые как задачи. Ментальный феномен, обозначенный словом *цель*, обладает большей ценностной значимостью для субъекта, нежели ментальный феномен, обозначенный словом *задача*: можно посвящать жизнь достижению великой цели, но вряд ли жизнь посвящают решению задачи. Осуществление цели есть достижение некоторого качественно нового состояния, ценного само по себе (представим себе вполне корректный обмен репликами: *Я поставил себе цель выучить испанский язык. – Зачем тебе это? – Просто так.*) Решение же задачи – вспомогательное средство для достижения желательного положения вещей – цели (вряд ли возможен обмен репликами: *Я поставил задачу изучить испанский... – Зачем тебе это? – Просто так.*)

Если цель заключается в создании нового положения, объекта, то решение задачи предполагает гармонизацию прежней ситуации, ее приведение в состояние, соответствующее норме: *отвести нависшую угрозу* означает вернуть ситуацию в состояние, когда угрозы не было. Соответственно, постановка цели ориентирует аудиторию на создание нового объекта, а постановка задач – на элиминирование негативного фактора из прежней ситуации. Цель субъект выбирает сам, задачу ему диктует сложившееся положение вещей (ср. *выбор цели*, но не *выбор задачи*). Поэтому постановка цели дана свободным людям, решение задач – находящимся в ловушке обстоятельств. В силу сказанного позволю предположить, что формулировка установок в терминах *целей* выражает большую устремленность к новому и обладает большей мобилизующей силой, нежели постановка *задач*. С другой стороны, цель сопровождается препятствиями в силу своей отдаленности, – отсюда дискурс *цели* предполагает и дискурс *препятствия*. Наличие *задачи* само по себе осмысля-

ется как *препятствие* на пути к цели, поэтому постановка задач предполагает не столько прогнозирование препятствий, сколько планирование факторов, способствующих их решению. В дискурсе М.С. Горбачева «факторы способствования» находят текстовое воплощение, хотя и здесь они выражены в достаточно общем виде – через существительные с абстрактным значением, глаголы со столь же обобщенным значением, через конструкции с желательной и гипотетической модальностью: «Речь идет о сотрудничестве, которое было бы точнее назвать сотворчеством и соразвитием»; «Искать подходы к оздоровлению международной ситуации, строительству нового мира»; «Различия могут стать фактором взаимообогащения и взаимоприятия» и т.п.

В той мере, в какой небольшой корпус примеров из дискурса М.С. Горбачева позволяет судить о деятельности «разума власти», на данном этапе, можно сделать предположение 1) об отсутствии энергичного устремления самого субъекта власти к созданию нового объекта; 2) о недостаточной мобилизации адресатов дискурса к реализации установок в силу нечеткости и неэнергичности их формулировок; 3) о слабой выраженности категории препятствия, то есть об отсутствии планирующего этапа деятельности, в ходе которого происходит соизмерение усилий с возможным сопротивлением ситуации. Сказанное коррелирует с приводимой выше характеристикой Горбачева, данной Р. Хасбулатовым: «У него не было ни тактики, ни стратегии». Персонификация препятствий в дискурсе М.С. Горбачева придает им статус случайных феноменов, а не закономерных явлений, способных быть преодоленными в результате аналитического предвидения. «Лики власти», в данном случае не срабатывают, ибо нет ни четких формулировок цели, к которой побуждаются люди, ни формулировок препятствий, на устранение которых мобилизуется аудитория.

О времени Горбачева написано достаточно много (см. литературу в статье Н.В. Плотичкиной). Предложенный анализ показывает, как в употреблении тех или иных слов, в выражении тех или иных категорий отражается «тактика и стратегия» политического лидера, его политические возможности.

А теперь обратимся к аналогичному рассмотрению текстов Б.Н. Ельцина. Приведу фрагмент одного из выступлений Ель-

цина перед российскими дипломатами (Речь в МИД 12 мая 1998 г.): *Определяющей чертой мира становится его многополярность. Однако переход к многополярному устройству очень сложен и противоречив. Мы унаследовали от СССР положение одномерной державы, которая обладала крупной военной мощью, но не имела солидного экономического фундамента. И устранение этой диспропорции - задача не только внутренней, но и внешней политики <...> Вместе с тем российская дипломатия должна учитывать, ... что движение к многополярности не приведет к автоматическому исчезновению угроз. Да, многие старые угрозы отпали, но уже появились и, возможно, появятся новые. <...> Убежден, несмотря на все наши трудности, российским дипломатам надо проводить активную политику.*

Как мы видим, Б.Н.Ельцин говорит о *задачах*, стоящих перед Россией, одновременно прогнозируя возможные трудности на пути российской дипломатии (*угрозы*) и побуждая к определенной деятельности (*проводить активную политику*). Выше я отмечала, что *задача* отличается от *цели* и меньшей статусной ценностью и ориентирует не на созидание новых объектов, а на приведение прежней в соответствие с интересами субъекта. К числу *задач* в анализируемом дискурсе отнесены:

- *сохранение территориальной целостности России* (сохранение прежней ситуации)
- *обеспечение национальной безопасности* (сохранение прежней ситуации)
- *демократизация общества* (придание ситуации новых черт)

Интересно, что *демократизация* заявлена в числе задач, а не целей – статусно более значимых вещей.

В заключительной части речи Б.Н.Ельцин произносит следующее: *Россия достойна и должна оставаться великой державой. <...> Со своей стороны могу гарантировать: сделаем все, чтобы помочь вам закрепить и усилить высокопрофессиональный коллектив МВД. Это – задача государственная.*

Употребление слова «задача» в данном случае соответствует предложенной интерпретации ситуации *целей* и *задач* в терминах старое / новое. Глагол *закрепить* словесно фиксирует сложившуюся (старую), а не новую ситуацию, которую предстоит

создавать. В этом смысле можно говорить об отсутствии ориентации субъекта дискурса на создание подлинно новой ситуации – он ориентирован на «исправление», гармонизацию существующей. Употребление слова *задача* в заключительных, риторически значимых строках текста позволяет говорить об определенных установках субъекта дискурса, соответствующим образом воздействующего на аудиторию, - *установках задачи, а не целей*.

В то же время по сравнению с дискурсом Горбачева дискурс Ельцина отличается гораздо большим прогнозирующим аспектом. Так, в числе желаемых ситуаций сам Ельцин указывает *внимание к прогнозированию неблагоприятных ситуаций на мировых рынках*. Текст в общем случае строится по принципу: формулировка желательной ситуации → предупреждение о неблагоприятных факторах (препятствиях к ее осуществлению или неблагоприятных процессах, сопровождающих движение к искомой ситуации) → указание механизмов устранения неблагоприятных факторов. Напр., говорящий указывает установку: «предотвращение распространения оружия массового уничтожения», говорит о неблагоприятных ситуациях, способных осложнить деятельность: «Мы не должны допускать превращения этой проблемы в инструмент политического нажима» - и указывает механизмы их преодоления: «сделать это можно через инвестиционное сотрудничество...». Применительно к дискурсу Ельцина можно говорить о пропорциональном распределении внимания между желаемой ситуацией и препятствиями на пути ее осуществления. При этом препятствия соотносятся не столько с действиями отдельных людей или групп, сколько с социально-экономическими ситуациями, мешающими развитию страны, что придает им объективный характер.

Вместе с тем преобладание *задач* над *целями* (в Выступлении на I Всероссийском съезде представителей малых предприятий дважды употреблено слово *задача* и ни разу не использована *цель*) позволяет в соответствии с предложенным тезисом о различии когнитивных состояний, отраженных в использовании этих слов, говорить о недостаточной устремленности субъекта дискурса к созданию нового положения вещей. Фраза из интервью Б.Н.Ельцина 1999 г., данного незадолго до ухода из кресла президента, коррелирует со сделанным мной предположением: «Кризисное состояние экономики – это результат нашей собственной непоследовательности, а в чем-то и нерешительности.

Мы одновременно были и плохими либералами, и плохими социал-демократами».

И в заключение обратимся к программным документам нынешней «партии власти» в России – выступлениям Б. Грызлова 7 ноября 2003 г. и на форуме сторонников «Единой России» (01.12.2003). В обращении к участникам форума эксплицитно выражена установка на создание новой общественной ситуации в России: «Мы открываем новую страницу не только нашей Партии, но всей нашей страны». Эта установка поддержана лексически – провозглашение *целей*, а не *задач*: «Основная *ц е л ь* «Единой России» - обеспечить гражданам России достойную жизнь»; «Мы считаем, что Россия должна ставить перед собой масштабные экономические *ц е л и*»; «В этом смысл *ц е л ь* предстоящей парламентской работы» (фраза из заключительного фрагмента текста, т.е. риторически «сильного» места). Для сравнения: политические оппоненты «Единой России» - «Союз правых сил»- формулирует установки в терминах *задач*: «Какие *з а д а ч* и стоят перед страной и почему они не решаются». (В программном обращении к избирателям СПС слово *цель* не встречается)

Установка *цели* поддерживается в текстах Б. Грызлова и использованием глагола *добиться*, обычно употребляющегося со словами, называющими перспективные установки, требующие от их субъектов энергичного преодоления препятствий. «Мы должны добиться, чтобы Россия стала страной социальной справедливости и порядка, страной, в коей люди живут в достатке, благополучии и безопасности». Цели сформулированы предельно просто – в терминах, отвечающих как ценностям русского сознания (*справедливость*), так и общечеловеческим ценностям (*порядок, безопасность*). При таком энергичном ориентировании аудитории к созданию качественно нового объекта, обозначенного предельно доступно, препятствия, если они обозначены в тексте, должны восприниматься как препятствия к достижению жизненно необходимой цели, и, в силу чего адресат побуждается к мысли, что они должны быть обязательно преодолены или уничтожены. Если препятствия будут представлены как абстрактные ситуации, не воспринимаемые непосредственно органами чувств, они не смогут стать объектом энергичного приложения усилий. Возможно, поэтому в текстах «Единой России» препятствия персонифицируются: «Посмотрим теперь, **кто** нам мешает?.... У меня лично и у партии... давно есть ответ

на этот вопрос. Я давно сделал вывод, что главным виновником всех наших бед является **бюрократия и порождаемый ею бюрократизм**» (выд. Э.Л.). Интересно, что *бюрократия* здесь синкретически способна реализовать два значения: 1) система, то же, что и *бюрократизм*; 2) бюрократы, т.е. совокупность лиц. В каком значении *бюрократия* употребляется в следующем контексте: «Сегодня наша бюрократия – это препятствие на пути реализации планов Президента, это болото, в котором тонут все инициативы, направленные на благо страны». Одушевление референта бюрократии через использование местоимения *кто*, размежевание *бюрократии* и *бюрократизма* [ведь не тавтологическое высказывание делает Б. Грызлов (?!)], заставляют выбрать второе понимание слова *бюрократия* – с о в о к у п н о с т ь л и ц. И хотя ниже в тексте содержится оговорка – «дело не только в людях, но и в том, что они поставлены в условия...», тем не менее первичным злом предстает совокупность лиц, а «условия» - злом дополнительным.

Персонификацией препятствия в лице *бюрократии* создается оппозиция **Президент – бюрократия**, где второй член является носителем негативного признака и отношения между членами оппозиции могут быть разрешены через традиционный способ – б о р ь б у: *Сегодня борьба с бюрократией должна перестать быть старинной русской забавой. Эта задача соответствует ожиданиям всего нашего общества. Исходом борьбы, как известно, является поверженный (уничтоженный) противник. Борьба с бюрократией как с совокупностью лиц, препятствующих достижению блага страны, вызывают аллюзию (во всяком случае у меня) к лозунгу ликвидировать кулачество как класс. Вообще желание мыслить причиной неудачи личность, «а не что-то безличное» относится к естественным человеческим склонностям: «ибо лицам можно отомстить, козни же случая нужно безропотно проглотить. Поэтому лица, окружающие монарха, когда ему что-либо не удалось, обыкновенно указывают ему на отдаленную личность как на мнимую причину неудачи и приносят ее в жертву интересу всех придворных; иначе недовольство монарха разразилось бы над ними всеми, так как он ведь не может мстить самой богине судьбы» [Ницше, 1997: 225] Можно сказать, что персонификация препятствий – характерная черта дискурса российских политиков. Исключение – дискурс Б.Н.Ельцина. То же явление имеет место и в дискурсе либерального СПС: «Почему у нас не получается, как у Европы*

и Японии? Кто (выд. Э.Л.) в этом виноват? Очень хочется найти виноватого. А ведь далеко ходить не надо. Мы сами и виноваты <...> своей пассивностью, нежеланием задуматься..» «Коллективная вина», естественно, ослабляет энергию, направленную на объект–препятствие, ибо субъект и объект преодоления здесь совпадают. Для СПС характерно использование неопределенных номинаций для обозначения олицетворенных препятствий: «В России есть немалые силы, которые толкают нас... Кто эти люди? Это необязательно чиновники, <...> это необязательно силовики, <...> это необязательно крупные собственники...» Объект-препятствие размыт, энергия не может быть сконцентрирована на его преодолении.

Таким образом, предстоит констатировать, что русский политический дискурс эпохи «великого перелома» демонстрирует недостаточно энергичную ориентацию на достижение собственно новых ситуаций, что побуждает говорить о лидерах и силах, причисляемых к реформаторам, как субъектах с ориентацией на ограниченные или неопределенные перемены.

Невыраженность понятийной категории «препятствие» в дискурсе Горбачева демонстрирует отсутствие способности субъекта текста к прогнозированию ситуации, отсутствие четко сформулированных установок (целей) говорит о неясности политических ориентиров и, соответственно, - об отсутствии должной энергии в их достижении. Отсутствие *целей* в дискурсе Б.Н. Ельцина не позволяет характеризовать его как лидера, энергично устремленного к «большим переменам». Преобладание *задач* над *целями* в дискурсе СПС и отсутствие четкого представления препятствий побуждает отказать и этой политической силе в способности к энергичной мобилизации аудитории на создание качественно новой ситуации в стране.

Наиболее «энергичным» представляется дискурс «Единой России». Однако персонификация препятствий в текстах этой партии заставляет с осторожностью относиться к вектору приложения ее энергии – поиск «виноватого сословия», как известно, черта недалекого социально-исторического прошлого.

Возможно, проделанный нами анализ не открывает нового в деятельности политических лидеров, но еще раз подтверждает мысль Хайдегера о языке как доме истины Бытия.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Амосов Н.М. Мое мировоззрение // Вопросы философии 1992, № 6

2.Зализняк Анна А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол *добраться* // Логический анализ языка: Языки пространств. – Москва, 2000

3.Кустова Г.И. Тип концептуализации пространства и семантические свойства глагола (группа *попасть*) //Логический анализ языка: Языки пространств. - Москва, 2000

4.Лоренц К. Кантовская теория а priori // Эволюция. Язык. Познание. – Москва, 2000

5.Ницше Фридрих. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. – Минск, 1994

6.Плотичкина Н.В. Центризм как составляющая политического курса советской перестроечной номенклатуры. <http://elis.pstu.ac.ru/plotich.htm>

7.Померанц Г. Иррациональное в политике // Вопросы философии 1992, № 4

8.Соловьев А.И. Политология: Политическая теория. Политические технологии. – 2000, <http://referlazar.narod.ru/books-11/politolog-soloviev.html>

9.Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Москва-Волгоград, 2000

© Лассан Э.Р., 2004

Орлова О.Г.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ДИСКУРСЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «NEWSWEEK»

Словарь современного английского языка дает следующее определение слову *Russian* – adj. a) the language and people of Russia: Russian grammar/the Russian church b) the USSR: Russian defense policy/the Russian ambassador (a) русский язык и русские люди: грамматика русского языка/русская церковь б) СССР: Советская оборонительная политика/Советский посол [Longman Dictionary of Contemporary English, 1992: 918]. В текстах журнала «Newsweek» в полной мере реализовано первичное словарное значение, второе значение, зафиксированное словарем, в результате исчезновения самой реалии – СССР, не реализуется данной лексемой. В целях выражения значения «Советский» используется лексема «Soviet» (во временном противопоставлении к «Russian»).

Оксфордский словарь английского языка и Вебстерский словарь дают следующие определения: Russian – of or from Russia

[OALDCE, 1982: 243]; Russian – of or relating to Russia, its inhabitants or their language [Webster's, 1993: 1991].

Вебстерский словарь [Webster's, 1993: 1991] толкует, в том числе, и устойчивые словосочетания, содержащие Russian / Russia как определение. Данные фразеологические единства (как и вообще все ФЕ) отличаются лексико-семантической взаимосвязанностью; они выступают в роли терминов/наименований специфических реалий (необязательно исключительно российских) только в виде словосочетаний Russian + существительное и отражают такие области действительности, как **растительный мир** (*Russian sunflower; Russian thistle or tumbleweed; Russian turnip; Russian pigweed; Russian wild rye; Russian sunflower; Russian olive; Russian knapweed; Russian mulberry; Russian almond; Russian red clover; Russian wormwood; Russian walnut; Russian dandelion; Russian flax*), **животный мир** (*Russian wolfhound; Russian muskrat; Russian fly; Russian blue; Russian sable*), **производство** (*Russia iron; Russia duck or Russian duck; Russian turpentine; Russian sheet iron; Russia leather or Russia calf*), **медицина** (*Russian spring-summer encephalitis*), **культура** (*Russian roulette; Russian ballet; Russian orthodox; Russian bank; Russian bassoon; Russian bagatelle; Russian backgammon*), **цветовая гамма** (*Russian blue; Russian gray; Russian green; Russian calf*), **быт** (*Russian dressing; Russian bath; Russian boot*). Некоторые представления о России, приобретенные в результате неоднократных «столкновений» с русской культурой, действительностью и в процессе общения с представителями русской нации, зафиксировались в языке носителей этих представлений (английском) в виде устойчивых языковых единиц, а дальнейшее их употребление привело к тому, что появилась необходимость их «легализовать», т.е. зафиксировать в словаре. Таким образом, опыт рождает слово, а слово дает носителям конкретного языка пути мышления, представления тех или иных объектов действительности, т.е. стереотипы. Язык недейственен без человека, без его деятельности в мире. И одновременно человеку нужна эффективная система ориентиров для деятельности, и такой системой ему служит язык.

Слова *стереотип*, *стереотипный* имеют негативную окраску и в русском, и в английском языке, так как определяются через слово *шаблонный*, в свою очередь определяемое как избитый, лишенный оригинальности и выразительности. Это не вполне справедливо по отношению к слову *стереотип* вообще,

а в контексте проблем межкультурной коммуникации - в особенности. При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок. «Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира» [Тер-Минасова, 2000: 139].

Стереотип определяется как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [Тер-Минасова, 2000:138]. Впервые это понятие использовал У. Липпман в 1922г., который считал, что стереотип – «это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов» [Маслова, 2001:109]. Когда хотят подчеркнуть такое свойство стереотипа как детерминированность культурой, то говорят об этнокультурных стереотипах как об обобщенных представлениях о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Существуют автостереотипы - представления людей о самих себе, воспринимаемые ими как норма, которой необходимо следовать, и гетеростереотипы - представления людей о другом народе, носящие более критичный характер, так как культурные образцы других наций принимаются за отклонение от стандарта. Оценка, содержащаяся в таких суждениях, будет или положительной, или отрицательной (чаще отрицательной в связи с негативным отношением к приоритетам чужой культуры), и всегда за отправную точку, точку отсчета будут приниматься собственные культурные стандарты. «Схематично механизм действия стереотипа может быть показан так: любой человек есть член какой-либо группы и осознает себя чужим другим группам. Внутренний закон группы – это мир по отношению к другим членам своей и война по отношению к членам другой группы. Внутри группы культивируются дружба, лояльность, толерантность и взаимное уважение. По отношению к другой группе культивируются подозрительность, недоверие, вражда. Свидетельство верности своей группе и враждебности по отношению к другой –

вот что главное в процессе формирования стереотипа» [Денисова 1997: 158].

Этносы «обязательно характеризуются отличающимися стереотипами поведения...Можно предположить, что этнические стереотипы, являющиеся, по Л.Н. Гумилеву, опосредованной формой проявления ритма данного этнического поля, не доступны саморефлексии «наивного» члена того или иного этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательно-го, и именно они лежат в основе образования культурных стереотипов, которые в той или иной форме доступны саморефлексии и могут стать фактами сознания (индивидуального и общественного)». Культурный стереотип описывает «общие черты в видении мира представителями одного и того же этноса» [Уфимцева, 1996:140].

«В формировании стереотипов определенную роль играют геофизические, экономические, исторические, культурные и языковые факторы, которые в совокупности создают понятие «ментальности» того или иного общества. С этой точки зрения общества различаются не наличием и отсутствием стереотипов, а в целом их системой как в формальном, так и в содержательном плане. Этим объясняется извечное противопоставление Запада и Востока, технократической и традиционной культуры, мира материальных и духовных ценностей» [Бралина, 2003: 333]. Поэтому можно прийти к выводу, что «понятиям Восток и Запад отвечают не географические реалии, не государственно-территориальные, даже и не этнокультурные образования, а именно принципиально противоположные друг другу способы бытия человека в Мире и обусловленные ими противоположные *типы* мироотношения Человека» [Хамидов, 1993: 9].

Исследование концепта «Россия» в дискурсе американского журнала предполагает, что культурные стереотипы о России могут являться частью или структурным элементом концепта. В данном случае стереотипные представления о России служат своего рода «преддверием» концепта. Концепт – более широкое понятие, так как включает в себя энциклопедические знания; проявляется в свободных ассоциациях, в том числе и предсказуемых. Стереотип же «более «ограничен», так как представляет собой ментальный образ-представление и его вербальную оболочку; в процессе «рождения» переживает определенную минимизацию, проявляется в предсказуемых ассоциациях (в этом смысле сближается с прецедентными феноменами)» [Красных

2002: 186]. Образ любой страны присутствует в сознании носителей какого-либо языка в виде некоего стереотипного представления, например, Россия – это Родина, русские, открытость, щедрость, снег, зима, береза, матрешка, водка, икра, балет [Тер-Минасова, 2000: 45]. Так, американский журнал, описывая русскую общину в Лондоне, акцентирует внимание на том, что стереотипы о России, например, о том, что в России нет холодильников, а вместо них русские используют снег, уходят в прошлое: «*Veteran Muscovites on the Thames say long-held stereotypes of Russia – reinforced by Western ignorance – are finally breaking down more than a decade after the end of the cold war. As Russians broaden their horizons, it seems, Britons are doing the same. Aliona Muchinskaya, director of the Red Square PR agency in London, recalls her first visit to the British capital 11 years ago. «People asked me whether we had refrigerators in Russia. I said, «No. We use the snow». And they thought I was serious! Now people are much more aware of what is going on in Russia. They ask about [President Vladimir] Putin. It fills me with pride» (Feb. 3, 2003 p. 33).*

Быт – область, также подвергающаяся стереотипизации, так как именно быт есть то сугубо национальное, характеризующее народ. Русские давно не используют в быту самовар, однако, американцами он категоризуется как *традиционный русский чайник*: «*The top prize for our 1993 tournament was a samovar [a traditional Russian tea kettle]*», says Selivanov with a sneer» (Jan 20, 2003 p. 46-47).

Стереотипные представления о свойствах души и характера русской нации раскрываются через словосочетания *русский характер* и *русская душа* в следующих фрагментах текста: «*What the rise of Vladimir Putin - whom some in the West have called a «liberal reformer» – says about the Russian soul» (March 27, 2000 p. 16); «Validata conducted a separate study to pinpoint notions of the Russian character. The participants described Russians as open-hearted, generous, bold. But according to the study of Putin, the new leader displays traits opposite of that ideal» (April 3, 2000 p. 19).*

Специальное исследование автостереотипов [Тер-Минасова, 2000: 128] показывает, что национальный русский стереотип о русском человеке как о носителе национального духа, обладателе загадочной души и особенного характера не отличается от представлений американских публицистов о русском характере. И американцы, и русские считают русских открытыми, щедрыми.

Однако в русской языковой картине присутствует понятие патриотизма (*love for Motherland* [любовь к родине]). Неизвестно, разделяют ли американцы такими свойствами русских, но употребляют для обозначения России слово *motherland*, по отношению к русским Россия – родина: «If the Russian diaspora of old was disaffected, today's community is more broadly representative of the *motherland*» (Feb. 3, 2003 p. 32). Из отрицательных черт русским, по мнению американцев, свойственна наглость. В русском национальном стереотипе о русском человеке отрицательные черты располагаются в конце списка, но обладают гораздо более отчетливыми негативными коннотациями (*fools* [дураки], *wicked* [злой], *narrow-minded* [ограниченный]; *gloomy* [мрачный], *fussy* [суетливый], *the mentality of a mob* [стадный инстинкт] и т.д.).

Русское величие – еще один компонент стереотипа о России, возникновение которого связано, очевидно, с бескрайними российскими просторами, а также с тем, что в течение долгого времени Россия оставалась одной из самых мощных держав. Стереотип о русском величии также реализуется в дискурсе «Newsweek»: «Though never a candidate for anything before, Putin now in his public statements speaks straightforwardly to the longing in his country for a restoration of «*Russian greatness*», one that will be accomplished in a way Russians are used to: it will be led by the state» (Jan. 17, 2000 p. 34).

Стереотипные представления о русском национализме: «*Russian nationalism usually wears a beard and carries a cross. Not these days*» (Dec. 22, 2003 p. 31). Русский национализм принимает обличье человека с бородой и крестом, очевидно церковнослужителя, «батюшки». Возможно, именно русская православная церковь является эталоном «русскости». В метафоре, персонифицирующей национализм, как крайнее проявление приверженности всему исконно русскому, «сталкиваются» православие и национализм. Однако отметим самокритичность стереотипа: времена меняются и национализм приобретает другие формы. Для русского языкового сознания также свойственно представление о национальной идентичности в связи с православием: «Но Россия знала времена и потяжелее. Мы снова выйдем на столбовую дорогу и устремимся вперед, если сохраним себя как нация, как народ Божий, если не будет утрачена наша национально-религиозная идентичность, если не распадется наша культурно-историческая общность» (Труд, 03.10.2000 по Колмагоров 2002:53).

Одной из реализаций стереотипа являются прецедентные феномены. При существенной разнице, которая заключается в том, что за стереотипом стоит абстрактный образ, а за прецедентным феноменом – некий конкретный, единичный референт [Красных, 2002: 193], это суть явления одного порядка. Прецедентные феномены основаны на вхождении в текст национально-культурного надындивидуального компонента, который определяет и отражает особенности национального языкового сознания, особенности того, что хранится в сознании человека говорящего и проявляется в коммуникации; своим наличием в тексте прецедентные феномены включают текст в систему координат не «закрытую» для читателей, всем знакомую, тем самым придавая ему общезначимый, одинаково понимаемый смысл, относящийся к национальной когнитивной базе. К числу прецедентных относятся феномены, хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном плане; апелляция к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Красных, 2002: 45]. Так, аллюзии к роману Н.В. Гоголя «Мертвые души» и представлению России в виде птицы-тройки стало стереотипным способом описания России, русской жизни, русской истории; одновременно роман – прецедентный феномен (прецедентный текст): «As Western businessmen descend anew on Moscow, seeking deals and a bed for the night, they would do well to remember Gogol's «Dead Souls» and its famous *evocation of Russia as a horse-drawn troika hurtling pell-mell through a forest, the world flashing by, ever faster, «the whole road flying, no one knows where, into the unseen distance»* (Oct. 13, 2003 p.33-36). Русское языковое сознание использует текст романа как прецедентный текст более свободно: «...доллар в опасности. *И у какого же русского не ёкнет сердце при таких словах? Ведь чунки и матрасы наших соотечественников давно уже набиваются зелеными бумажками»* (Деньги. 2002. № 39. 6 по Орлова 2002:97).

Основные выводы, которые можно сделать исходя из анализа материала, заключаются в следующем. Как для русского, так и для американского языкового сознания характерно использование стереотипов при восприятии и описании своей/чужой страны. В США в 20-30-е годы бытовало мнение о СМИ как об основном средстве оказывать влияние на общественное сознание социальных групп при помощи стереотипа. Так, давление на

массовое сознание осуществлялось через насаждение стереотипа и при помощи стереотипа же, бытовавшего в народе. Стереотип основан и держится на предрассудках, образе жизни, опыте социальных отношений в обществе, мнениях социальных групп. Привычки, стереотипы, ценностные установки коренятся в коллективном бессознательном человечества, это то, что несет общее или похожее значение для большинства людей. Символика - это способ выражения архетипических образов и сюжетов, его использование является в какой-то мере импульсом для бессознательной части нашего естества, эмоциональной сфере деятельности человека. Хороший символ является залогом успешной реализации коммуникативной интенции. Использование символов и знаков, осязаемое присутствие ментальных стереотипов в тексте СМИ позволяет в полной мере реализовать их главную функцию – «внесение корректировки в образ мира собеседника» [Леонтьев, 1997: 76].

Стереотипы о России, распространяемые американским журналом, практически не отличаются от русских национальных стереотипов. Очевидно, существуют стереотипы, носящие «надкультурный» характер: возникшие в какой-либо культуре, они распространяются и «живут», не претерпевая особых изменений. Миф о загадочной русской душе, о непредсказуемом русском характере и особой истории «кочует» из культуры в культуру, будучи простым и удобным способом объяснения непонятных, с точки зрения другой нации, явлений российской действительности, который трудно критиковать. Основные способы репрезентации стереотипов – устойчивые (*русская рулетка*) и частотные (*русская душа*) словосочетания, а также прецедентные феномены. К стереотипным представлениям о России относятся также такие, которые отмечены лексемами типа *usually, traditional*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бралина С.Ж. Стереотип в концептосфере фольклора // Мир человека и мир языка. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2. – Кемерово, 2003. – С. 333-338.
2. Денисова Ю.В. В защиту стереотипа. // Россия и Запад: диалог культур. – М., 1997.
3. Колмагоров И.В. Мифологические и метафорические особенности описания религиозных организаций в центральной российской печати // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie. – Landau. Verlag Empirische Padagogik, 2002. – С. 45-57.

4. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 624 с.
8. Орлова О.Г. Роль метафоры в осмыслении концептов «Россия» и «Америка» (на материале российских и американских печатных СМИ) // Вестник КемГУ. Серия «Филология». Вып. 4. – Кемерово, 2002. – С. 92-97.
9. Уфимцева Н.В. Русские. Опыт еще одного самопознания. // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
10. Хамидов А. Восток и Запад: мироотношение и мировоззрение // Шахар. – 1993. - №1. – С. 8-18.
11. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Volume 2. 1993. Merriam-Webster, incorporated. p. 1991. (Webster's).
12. A.S. Hornby. Oxford advanced Learner's Dictionary of Current English. Volume 2. 1982. Oxford University press, Oxford. p. 243. (OALDCE).
13. Longman Dictionary of Contemporary English. Moscow. Volume 1, 2. 1992. (LDCE).

© Орлова О.Г., 2004

**Пименов Е.А.,
Пименова М.В.**

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ (В ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕМУАРАХ)

В современном русском языке лексема *жизнь* имеет несколько определений:

Жизнь – состояние человека от рождения до смерти. Жизнь человека имеет начало (*Очевидно, такое начало жизни готовило из меня оптимиста*) и конец (*Во главе семьи, по смерти деда, осталась его жена, наша бабушка, Екатерина, сохранившая до конца жизни следы былой живости характера; Пламенный Макс кончил жизнь в ссылке, самоубийством, не вынеся монотонности одиночества в годы реакции; Кончина матери поставила под вопрос судьбу пушкинских дач, принадлежавших формально мне и служивших источником её средств*

существования; Он умер в глубокой старости, и кончина его была для меня настоящим горем).

Жизнь – период существования человека. Такой период характеризуется целостностью (*Можно примириться на том, что мне всю жизнь пришлось оставаться, так сказать, на «марже» событий и за это остаться себе верным; Эта сцена отложилась у меня в памяти на всю жизнь*).

Жизнь – образ существования человека (*Я отвечал, что карточку Дурново можно, вероятно, найти в любом художественном магазине, а образ жизни и внешность его мне неизвестны и я вообще с ним никогда не встречался; Остальные члены отряда, доктора, фельдшера и т.д. занимали менее приспособленные помещения в деревне, столовались особо и жили отдельной жизнью, – что немало обижало некоторых из них*). У П.Н. Миллюкова встретились разнообразные признаки образа существования человека: образы политической жизни (*Но ещё позже, гораздо позже, я всё же отдал предпочтение своему тихому источнику света перед «римским гражданином», мастером компромисса, прожившим под псевдонимом свою деятельную жизнь агитатора и организатора*), личной жизни (*Ему предшествовала репутация распущенной жизни; он у нас бывал редко, и нас к нему совсем не тянуло, – как и его к нам*), загробной жизни (*Помню, я написал у Миллера большой доклад о роли огня в развитии понятий о загробной жизни у примитивных народов – и уже считал себя оригинальным исследователем*), образы самостоятельной жизни (*Тогда она ушла из семьи и решила жить на свои средства, добываемые уроками*).

Жизнь – деятельность человека или общества (*Не тверди в унылом тоне: «Жизнь есть только сон пустой»; Умерла душа, коль снится Ей не то, что пред тобой. Перевод «Гимна жизни» Лонгфелло; Участок куплен в эти же годы финансового процветания*).

Жизнь – бытие; реальная действительность (*Жизнь реальна, жизнь серьёзна, И не гроб её конец. «Тлен ты был – и тленом станешь», – Не про дух сказал певец. Перевод «Гимна жизни» Лонгфелло; Дочь Крейна любила жизнь и воспользовалась ей полностью*).

Жизнь – оживление, возбуждение, вызываемое чьей-либо деятельностью (*Жизнь начиналась только к вечеру; А вот в статуях проявляется жизнь, дифференцируются выражения лиц, всё ещё строгие, как на византийских иконах... в жестах*

и позах – преувеличенное страсти; самые темы перестают братья из мифологии, появляется портрет и пейзаж, сложные сцены изображаются в мозаике) [См.: Словарь русского языка I: 484-485].

Жизнь в русском языке категоризуется как знание (*Это был экзамен степени моего вкуса и знания жизни, и я его выдержал*), опыт (*Через них и мне приходилось участвовать урывками в их обильном жизненном опыте*). Такой опыт определяется признаками собственности, имущества (*Я дал им объяснение, извлеченное из моего собственного жизненного опыта*), опыт накапливают всю свою жизнь (*Это были, в большинстве, не студенты, а взрослые люди, накопившие собственный жизненный опыт и пополнившие его серьёзным чтением*).

Другим основным способом категоризации жизни выступает путь. Это может быть реальная дорога, пройденная человеком в его жизни (*Оттуда мой путь лежал во Флоренцию, на которую, по её значению для раннего Возрождения и для его расцвета, я полагал от одной до двух недель, затем, с заездом в Сиену, где меня интересовал собор и особая школа живописи, я должен был направиться прямо в Рим, минуя Перуджу, для которой уже не хватало времени; Я затаил в себе это впечатление – и устремился дальше, в Пизу, к Андреа Орканья; В 1881 году я, конечно, не мог получить такого полного впечатления и после беглого дневного осмотра поехал дальше по берегу вдоль Сорренто). Человеку суждено освоить свой путь, определяя важное и нужное в этой жизни (*Немецкий и французский языки, начатые до гимназии, я гораздо лучше усвоил путём чтения*). Путь, который выбирает человек, имеет конечную цель (*Это не значит, конечно, что появились вопросы о цели жизни, или что-нибудь вроде того, что принято называть «мировоззрением»; Не печаль, не наслаждение Нам даны, как цель пути, И текущее мгновенье Нас должно вперёд вести. Перевод «Гимна жизни» Лонгфелло; Оставление в университете налагало обязанность подвергнуться магистерскому экзамену, открывавшему путь к профессуре*). Человек относится определённым образом к избранной цели (*Может быть, суть психической перемены можно определить так, что появилось целевое отношение к жизни*). На пути жизни человек встречается с людьми (*Кстати, припоминаю о единственной в моей жизни встрече с этим гасильником знания и идеала*) или явлениями (*Я чувствовал силу этого аргумента – и потом с**

ним не раз встречался и в жизни, и в литературе Америки, он попутно выполняет некоторые действия (Работы со всем этим было много, так как я решил попутно пополнить свои собственные пробелы и выработать общие курсы; Я требовал не только знания очередной части учебника, но спрашивал каждый урок весь класс по всему пройденному курсу). Люди, встреченные на пути, уходят своей дорогой (Он женился на грузинке, привёз с собой милovidную дочь, с огромными нерусским глазами, – потом скоро исчез с нашего горизонта; Но окончательно исчез из вида, и путешествовать по Италии, к моему великому удовольствию, мне пришлось одному). Необычные качества человека выдвигают его в лидеры на таком пути (При этом он отличался необыкновенной скромностью и никогда не выдавался вперёд). Важным способом жизни для П.Н. Милюкова выступает самостоятельность (Так он ставил нас сразу на собственные ноги в избранной им области); для него движение вслед за неким лидером невозможно (Этого рода «интуиция» нам была недоступна, и идти по следам профессора мы не могли). Некоторые события в жизни описываются метафорами преград (Переход в четвёртый класс стал перед ним непреодолимой преградой; все надежды он возложил на мою помощь, и мы стали заниматься вместе для экзамена; [Мать] тут же натолкнулась на решительное сопротивление и в первый раз почувствовала свой родительский авторитет поколебленным), препятствий (Передо мной открывалась безоблачная будущность; я не встретил препятствий на том пути, который сам себе наметил), некоторых конечных пунктов (Понемногу я это осознал, приближаясь к последним классам гимназии). На этом пути человеку встречаются неизвестные области жизни (Я любил эти встречи, вводящие меня, путём рассказов, в области жизни, мне мало известные). Движение по пути жизни часто похоже на действия слепого (Здесь, напротив, я нашёл поддержку и совет в гимназическом окружении, и, хотя и оступлю, вышел на большую дорогу). Не всегда движение возможно по проторенной дороге, человек бывает вынужден двигаться по выбранной тропе (Это было новым этапом в истории науки, и мы с увлечением пошли по указанной тропе), сворачивая в сторону с намеченного пути (Опять Тэн был прав; но пришлось сразу свернуть с избранной заранее дороги; Между прочим, у меня укрепился в мысли – не новый, конечно, параллелизм между роль Сократа на повороте от метафизики – и эволюцией

новой философии. Его *gnoti seauton* – «познай самого себя» – так наглядно соответствовало роли Канта на таком же пороге к философии нашего времени). Человеку свойственно оставлять после себя следы (Жизнь великих нам покажет, Как возвысит жизни тон И, покинув мир, оставит Долгий след в песке времён. Перевод «Гимна жизни» Лонгфелло).

Движение по пути жизни складывается из нескольких этапов (Очень жалею, что пропала моя гимназическая тетрадь: она установила бы этот переходный этап в развитии моего мировоззрения; Начинаясь новый этап моей жизни). В конце пути жизни человек подводит итоги (Надеюсь, что в общем итоге жизни это обвинение отпадёт). Путь жизни – это путь в гору (В условиях военного времени схватка с офицером, да ещё какого-то высокого положения, грозила кончиться весьма плохо). Прожив жизнь, человек спускается с горы, на которую он поднялся (На склоне лет прожитое должно было ему представляться в виде варианта пословицы: «*Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait*»). После сошествия с такой горы у человека остаётся часть жизни, который он доживает в мечтах (Весь остаток жизни он прожил в страстной мечте вернуться к власти, чтобы переделать во втором издании тот исторический момент, когда, по его выражению, его взяли «на затычку» и выбросили «хуже прислуги»).

У П.Н. Милюкова встречаются атрибутивные конструкции, в которых определяются те или иные значимые стороны жизни: личная (Перемены за время моих скитаний произошли также и в моей личной и семейной жизни), семейная (Я, со своей стороны, мог посвящать только урывки времени своей семейной жизни, которая прерывалась уже со времени моих сидений в тюрьмах и – тем более – моими поездками а границу), самостоятельная (Уже по своей привычке к самостоятельной жизни и по своим стремлениям к научным занятиям А.С. менее всего была склонна думать о замужестве), частная (Циником он был и в частной жизни, раскрывая перед нами картины быта, возбуждавшие в нас одновременно и любопытство, и гадливость), внутренняя (Не могу сказать, чтобы мы были представлены целиком себе; но свою внутреннюю жизнь и нам приходилось создавать в какой-то постоянной оппозиции родительским заботам).

Жизнь у П.Н. Милюкова описывается в рамках социальной классификации. Это может быть провинциальная жизнь (Эти

сведения мне пригодились, но только не для этой поездки, развернувшей передо мной, гимназистом старших классов, вместо мертвых цифр, живые картины провинциальной жизни), жизнь страны (Мой минус заключался в том, что на это самое десятилетие я был вычеркнут из круга наблюдателей и участников русской жизни; а она за это время не стояла на месте) культурная (..Но венецианцы не вмешивались в местную культурную жизнь, довольствуясь извлечением материальных выгод из своего господства), политическая жизнь (Я оставлял позади зародыши будущих разногласий с молодежью, как в культурной, так и в политической жизни). Политическая жизнь дополняется национальными признаками, актуальными являются признаки русской и английской политической жизни (За эти годы я многому научился; но в то же время русская политическая жизнь ушла далеко вперед; Однако же наиболее сильное впечатление на меня произвела, во время этой зимовки в Лондоне, не столько русская эмиграция в ее разнообразных представителях, сколько английская политическая жизнь, за которой я впервые мог наблюдать внимательно). Общественная жизнь определяется только одним актуальным отечественным признаком (Тяжёлая плита, наложенная им на русскую общественную жизнь и культуру, казалось, должна была сдвигаться).

Признаком свободы отмечается внутренняя жизнь (Но это был только внешний вид, соблюдение которого и давало нам свободу внутренней жизни), общественная жизнь (Она поэтому ограничивалась «ближайшими перспективами» и требовала выполнения «элементарнейших и необходимых предварительных условий свободной общественной жизни»), политическая жизнь (Это был метод, к которому я вполне мог присоединиться, как к первичной и переходной стадии политической организации, которую я считал неизбежным предварительным условием всякой свободной политической жизни), признаком лирики – личная жизнь (Они, конечно, ещё не касались личной жизни, лирики, которая в то время вообще отсутствовала). Внутренняя жизнь ассоциируется с чувствами (Вероятно, отчасти это объяснялось приливом новых интересов и усиленной работой интеллекта, которые отвлекали внимание от внутренней жизни чувства).

Жизнь социума складывается из периодов, начиная с древнейших времён (Прежде всего, я не разделял ученого предрас-

судка, что истинно научное изучение истории есть изучение древних периодов, от которых осталось всего меньше материалов для изучения). Это жизнь народа в целом (На мысль, чем должна быть история, действительно объясняющая жизнь народов, наводило уже направление, данное П.Г. Виноградовым). Жизнь связана с культурой и бытом (Новое поколение выросло и вступило в культурную и общественную жизнь в мое отсутствие – как раз с начала моих скитаний, с середины девяностых годов), с государством и обществом (Забастовка железнодорожных узлов наложила последний штрих; прервав саму возможность передвижения, она остановила деятельность всех отраслей государственной и общественной жизни), с политикой (Она прежде всего стремилась демократизировать политическую жизнь страны, привлекая к ней широкие массы населения).

Жизнь – это совокупность периодов сознательного и неосознаваемого существования. У П.Н. Милюкова отмечается дата начала сознательной жизни – запомнившееся событие в его жизни (Потрясение, произведённое на нас пожаром, было так сильно, что для меня пожар стал этапом, датой, с которой началась более сознательная жизнь). Неосознаваемое существование описывается метафорами глубины и мрака (Из самой глубины младенческого мрака у меня всегда запечатлелась (вероятно, ещё из лефортовских годов) такая картина). Сознательную и неосознаваемую жизнь делит временной промежуток (Можно даже определить хронологию этого промежутка, послужившего как бы **введением** в более сознательную жизнь).

С другой стороны, жизнь делится на периоды, которые выделяются на основании возрастных и иных факторов (Этот материал, всё равно, накапливался обрывками, и общие выводы из накопленного можно было сделать только уже в следующем периоде жизни). У П.Н. Милюкова выделены периоды перехода от детства к юности (С домом Арбузова у меня связывается целый период перехода от детства к ранней юности); этот период отождествляется с местом проживания (Я уже указал на важность этой третьей части моих воспоминаний о периоде жизни, связанном с домом Арбузова), период взросления, становления личности (Эти десять лет, охватывающие тот период жизни (30-40 лет), когда окончательно складывается личность человека и определяется направление и характер

его деятельности, – конечно, не могли пройти для меня без серьёзных перемен). Ещё один период трактуется как испытания (Период испытаний прошёл, однако, не без колебаний с её стороны). Другой период личной жизни обусловлен переменами в общественных отношениях (К концу этих годов относится и перемена в моей личной жизни, тоже связанная с расширением моих общественных отношений). Периоды жизни описываются пространственными метафорами границ (Первая [часть] будет касаться моей семьи и родных: она выйдет далеко за пределы описываемого периода).

Жизнь человека состоит из привычек (Не привычка ли к коллективному действию и взаимным идейным уступкам, индивидуальность ли личности, жизненных привычек и взглядов, – как бы то ни было), компромиссов (Во всех них идеал отодвигался в такую бесконечную даль, что между ним и его существованием образовывался громадный промежуток, в котором образовывался громадный промежуток, в котором оставалось место и для самых смелых исторических конструкций – в будущем, и для житейского компромисса – в настоящем), чувств и эмоций (Это было одно из самых тяжёлых переживаний моей жизни; Я переживал свои внутренние волнения в секрете, и познал их остроту только тогда, когда на следующую вакацию семья и. поселилась в Сокольниках, а мне пришлось, не помню почему, остаться в московской квартире), сотрудничества (Жизненное сотрудничество наше оставалось по-прежнему тесным и бесспорным; Повторяю, всё это не изменило, а скорее укрепило нашу идейную близость и наше жизненное сотрудничество), радостей (Я один из четырёх пережил всех, и как мне дорог до сих пор, в ореоле распускающейся юной радости жизни, образ нашего учителя, похожего на Сократа; Вечно в делах, окрылённый надеждами, жизнерадостный и вечный же неудачник, что его, однако, никогда не смущало). В течение своей жизни человек строит свою карьеру (Напомню, что то были годы безвременья и перехода от наших классиков, кончавших свою жизненную карьеру, к веяниям fin de siècle подросткового нового поколения), мечтает (Мне было очень больно слушать суждения, разбивающие лучшие мечты всей моей жизни; но верьте мне, что я не приму решения, с которым не мирится моя совесть, и, конечно, взвешу каждую мысль, которую вы мне высказали, и скажу вам, на что решусь; Эта роковая идея, как теперь известно, действительно

никогда не покидала царя: здесь он только повторял «любимую мечту всей своей жизни»).

Жизнь сопряжена с пространственными и временными характеристиками. Жизнь ограничена местом проживания человека или народа (*Разрыв произошёл на том, что я не хотел отдавать в распоряжение экспедиции снимки моим «кодаком» живых сцен местной жизни, считая, что они не относятся в археологии; ...Он признавал, что чувство это «вполне естественно при противоестественных условиях русской жизни»; Мы не знали ни всей досибирской деятельности Достоевского, ни его жизни на каторге, не читали «Записок из мёртвого дома»*). Жизнь описывается как время – ежедневно переживаемых событий (*Излишне повторять, какое впечатление производит этот застывший вид римского города и его колеями на лицах, водопроводами, обстановкой домов, избирательными плакатами на стенах и всеми подробностями ежедневной жизни*). Признаки времени и пространства у П.Н. Милюкова могут взаимодополнять друг друга (*В Ассизи я даже прожил несколько времени, благодаря любезному приглашению художника Лохова, известного копииста, влюблённого в Ассизи*). Пространственные метафоры, встреченные у П.Н. Милюкова, представляют жизнь как имеющую области (*А процессы в каждой отдельной области жизни, в их последовательном развитии, сохраняющем и объясняющем их внутреннюю связь, – их внутреннюю тенденцию; В области личной жизни я должен отметить кончину моей матери*), стороны (*Упрёки в умолчании о личных чертах моей биографии могут, конечно, относиться и к другой стороне моей жизни; Рассказывая о своей университетской деятельности. Я оставил позади другие стороны моей жизни, личной и общественной*),

Жизнь метафорически и метонимически представляется различными признаками. Отмечено несколько способов концептуализации жизни:

Жизнь – учитель. Антропоморфные метафоры используются П.Н. Милюковым для передачи значения поучения (*Наши встречи с ним, как и со старшим братом, были всегда спорадическими; но встречались мы всегда дружно, и жизнь всегда давала очередные темы для поучительной беседы*). Жизнь оказывает влияние на человека (*Третья [часть], по-моему, самая важная, постарается охватить влияния жизни, которые, помимо семьи и школы, врывались через все поры и щели; Это,*

впрочем, уже относится к внегимназическим влияниям жизни, о которых идёт речь в следующем разделе). Человек вынужден пройти некоторые испытания в своей жизни, которые он должен выдержать (*Мы выдержали это испытание вплоть до последнего дня перед свадьбой; После тяжких испытаний жизни это может показаться пресной моралью*). В этом случае жизнь принимает экзамен у человека. Выражение *выдержать испытание* в русском языке означает «сдать экзамен». Сама жизнь метонимически переосмысливается через признаки экзамена: жизнь – это испытание или ряд испытаний (*Если можно малое сравнить с великим, я ещё раз в жизни испытал подобное же впечатление*).). К самой жизни человек относится определённым образом (*Подлежит, напротив, сомнению проявление моего первого отношения к жизни: из океана забвения почему-то выплыл из памяти маленький эпизод*).

Жизнь – кристалл. На кристалле жизни остаются грани от произошедших событий (*Одно обстоятельство сделало из этой случайной даты глубокую грань в моей жизни*).

Жизнь – лист бумаги (*Утаивать приходилось бы, конечно, одному мне: жизнь молодой девушки была чиста, как белый лист бумаги. На моём листе было кое-что написано*). На этом листе бумаги записывается жизненный опыт. С этого листа может быть вычеркнут негативный опыт (*Я вышел из института, совершенно потрясенный этим опытом: какое громадное количество зла и страданий могло быть вычеркнуто этим способом из жизни!*).

Жизнь – картина (*Чтобы дополнить картину этой тихой жизни в скромной обители мисс Гловер, прибавлю, что я испытал здесь на себе последствие неприспособленности к зиме английских помещений*). Картина политической жизни рисуется красками разных оттенков (*В России эти оттенки часто сливались ввиду элементарности политической жизни*).

Жизнь – ткань. Традиционная русская метафора *жизненная канва* основывается на восприятии бытия человека как некой нити, с которой переплетаются жизни других людей. У П.Н. Миллюкова личная жизнь переплетается с политической (*Но моя личная жизнь всё теснее переплеталась с процессом русской политической борьбы, и обойти этой стороны моей биографии совершенно невозможно; Моё извинение заключалось в том, что за это время моя жизнь слишком тесно переплелась с моей политической деятельностью, чтобы оставалось мно-*

го места для моей личной жизни). Разные события в жизни человека переплетаются, образуя пёструю ткань (События идут здесь уже связными рядами; этих рядов становится всё больше, и они переплетаются).

Жизнь – театр. Театральной метафорой описывается личная жизнь, где человеку отводится некая роль (В моей личной жизни, во всяком случае, вся эта семья никакой роли не играла). Вариантом этой метафоры может быть жизнь – спектакль (Потом меня свезли в учреждение, покровительствуемое Крейном, где множество глухонемых девушек обучались этому искусству, возвращавшему их к участию в жизни). Человек занимает пассивную позицию наблюдателя, зрителя в этой жизни (За границей я очутился в роли наблюдателя политической жизни и внешней политики демократических государств), в том числе политической жизни (Я мог быть доволен тем, что в моем случае наблюдения над жизнью передовых демократий соединялось с предпосылками, вынесенными из изучения русской истории).

Жизнь – дом. У жизни-дома есть входы и выходы (Это был яркий тип годов дворянского «оскудения»: талантливый, предприимчивый, бросающийся во все стороны и научившийся знать все входы и выходы жизни). Метонимический перенос связывает такую жизнь с семьёй (Напротив, Владимир Аркадьевич вошёл довольно близко в нашу семейную жизнь). Жизнь переосмысливается как строение, здание (Но оно давало и новые возможности для устройства жизни: в том числе и преподавательскую деятельность). Метафорами здания описывается жизнь целого общества, его история (Мы видели на его примере, что и русская история может быть предметом научного изучения; но дверь в это здание оставалась для нас закрытой).

Жизнь – транспортное средство. Эта метафора используется для описания политической жизни (Эти общественный деятель даже пытаясь объединиться, разбились по кучкам и образовали ряд замкнутых политических клубов, которые не могли иметь влияния на ход политической жизни в стране). Вариант этой метафоры: жизнь – броневик. Данная метафора встречается у П.Н. Милюкова для описания внутренней жизни (Сколько я себя помню, у нас, детей, помимо соблюдения обязательного сыновнего повиновения, сложилась своя собственная внут-

ренняя жизнь, забронированная от родительского внимания и наиболее для нас интересная).

Жизнь – продукт. П.Н. Милюков использует кулинарную метафору для описания некоторых сторон своей жизни (*Но я должен идти на этот риск, так как в этой стороне моей жизни замешаны и другие лица.*

Жизнь – река. Река жизни течёт (*Это был человек глубоко культурный, насквозь порядочный и чистый, который умел среди безвременья удержаться на высоте тех идей, которые защищал в течение всей жизни.*) Течение жизни страны определяется национальными и социальными характеристиками (*Это были годы, когда политические течения в русской жизни быстро дифференцировались и выходили наружу.*

Таким образом, жизнь определяется признаками нерукотворного и рукотворного образования. Признаки нерукотворного образования «прочитываются» в метафорах реки, кристалла. Такие метафоры менее распространены в тексте «Воспоминаний» П.Н. Милюкова. Чаще встречаются признаки жизни как некоего рукотворного образования: дома, транспортного средства, продукта, листа бумаги, картины, ткани. Жизнь, по П.Н. Милюкову, это и учитель, и экзамен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). – М.: Современник, 1990. – 446 с.

2. Словарь русского языка: в 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус, яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

© Пименов Е.А., Пименова М.В., 2004

Руженцева Н.Б.

АРГУМЕНТАЦИЯ В PR-ЖАНРАХ

Под PR-жанром достаточно традиционно понимается «особого рода форма организации текстового материала, характеризующаяся общностью содержательных, структурно-композиционных и стилистических признаков» (А.Д. Кривоносов). Данное определение, по сути, ничем не отличается от известной бахтинской трактовки речевого жанра. Существующие классификации ПР-жанров (И.В. Алешина, И.М. Синяева, А.Н. Чумиков, А.Д. Кривоносов) имеют, как правило, смешанный характер и включают в себя тексты и политического, и коммерческого PR-а. Наиболее полная типология жанровых объединений

в политическом дискурсе дана О.П. Кудиновым, который делит жанровые формы по интенциональному основанию (информативные, разъясняющие, сравнительные, напоминающие, побуждающие).

Наши наблюдения над репертуаром текстов политического PR-а позволяют сделать вывод о том, что письменным PR-жанром в политическом дискурсе можно с достаточной долей уверенности считать текст убеждающего или побуждающего характера, в котором реализуется одна или две коммуникативные стратегии. Это стратегия дискредитации политического противника и стратегии презентации или самопрезентации политика. Кроме типологии PR-жанров по интенциональному основанию, существует и ряд других классификаций: по их первичности (необработанности) и вторичности, по признаку внешней и внутренней предназначенности, по способу доставки текстов адресату (А.Д. Кривоносов) и др.

Мы, со своей стороны, считаем, что жанром политического PR-а может стать любой традиционный журналистский жанр при манифестации в нем соответствующей тематики и коммуникативных интенций, в самом общем виде определяемых как игра на понижение (при дискредитации оппонента) и игра на повышение (при презентации и самопрезентации политика). Такие жанровые формы можно с известной долей допущения классифицировать по степени направленности на контакт с читателем. Это а) жанры монологические (с индивидуальным или групповым автором): статьи, заметки, передовицы, очерки, биографии и автобиографии, родословные, характеристики, газетные репортажи, программы, заявления и постановления, комментариев и др.; б) жанры диалогические: интервью, письменный вариант диалога в эфире, опрос-лист, ответы на вопросы и др.; в) глубоко диалогизированные письменные монологи: листовки, обращения, поздравления, письма к читателям или читателей и др. В корпус PR-жанров могут входить и синкретичные жанровые формы, так называемые «жанровые амальгамы», то есть тексты, не имеющие четкой идентификации и сочетающие в своей текстовой организации элементы самых разных жанровых форм.

Три стратегии PR-текстов реализуются в соответствующем наборе тактических схем. Реализация стратегии дискредитации политического противника предполагает использование множества тактических схем, под которыми мы понимаем формы высказывания, умаляющие в данном случае достоинство оппонен-

та. Реализация же стратегий презентации и самопрезентации предполагает преимущественное использование одной тактической схемы. Это КОМПЛИМЕНТАРНАЯ ТАКТИКА в ее логической, аналогической и паралогической аргументативной разновидностях.

Манифестация способов введения в речь комплимента отличается в политическом PR-е огромным разнообразием и тесно смыкается с теорией аргументации. Политический дискурс в самом общем виде является, с нашей точки зрения, совокупностью устных и письменных текстов-мнений, причем мнения очень часто обосновываются сами собой. Отсюда авторами PR-текстов используются самые разные приемы выдвижения прагматически значимой информации, фокусирующие внимание адресата на определенных элементах сообщений и призванные в максимальной степени сделать мнение автора достоянием читателя. Мы попытались установить определенную корреляцию между PR-жанром, реализующим стратегии презентации и самопрезентации, и конкретными способами аргументации, типами демонстрации информации, призванной играть на повышение репутации политика.

В самом общем виде в текстах российского политического PR-а преобладает аргументация *ad hominem* (к человеку) над аргументацией *ad rem* (к делу), и происходит это вследствие мифологичности нашего национального сознания. По другому основанию наблюдается резкое преобладание аргументации аналогической и паралогической над аргументацией логической. PR-жанр как текст-мнение, которое надо сделать достоянием адресата любой ценой, предполагает и многообразные способы демонстрации аргументов: аргументацию нисходящую и восходящую, одностороннюю и двустороннюю, индуктивную и дедуктивную, опровергающую и поддерживающую (И.А. Стернин). Приведем некоторые корреляции между способами убеждения адресата и жанровой разновидностью текста.

В жанре ИНТЕРВЬЮ презентация политика осуществляется с помощью вопросов, а самопрезентация с помощью ответов. Вопросы в интервью есть, по сути, основные аргументы в пользу положительной оценки личности. Они либо содержат эту положительную оценку, либо дают интервьюируемому возможность положительной самооценки и часто одновременной дискредитации оппонента. Традиционно в интервью выделяют два типа вопросов: ЧТО-вопросы и ЛИ-вопросы. Однако в политическом ин-

тервью можно выделить ряд более детальных формально-смысловых разновидностей вопросов, дающих политику широкую возможность саморекламы (приведенные ниже примеры взяты из уральской прессы осени 2003 года).

1. Вопросы достаточно общего характера, допускающие при ответе тактику избыточной аргументации. Последняя относится к области паралогики (ошибки при текстообразовании), но сознательно используется политиком с целью игры на повышение:

Вопрос: Кем вы хотели быть в детстве?

Ответ на вопрос: Разведчиком. В детстве перечитал все детективы.

Избыточная аргументация: А в пятом классе взял в библиотеке «Уголовно-процессуальный кодекс с комментариями» и выучил его почти наизусть. НАВЕРНОЕ, ЛЮБОВЬ К ЗАКОНОТВОРЧЕСТВУ У МЕНЯ С ТЕХ ПОР (из интервью с М. Серебренниковым)

2. Вопросы провокационного характера, допускающие при ответе опровержение мнения обобщенного оппонента и одновременную самопрезентацию.

Подобный вопрос может ставиться с применением паралогического приема - нарушения соотношения объемов понятий:

Вопрос: Мы не сомневаемся - ЧЕЛОВЕК ВЫ ХОРОШИЙ, НО ВЫ ЖЕ ВРАЧ, ЗАЧЕМ ВАМ БЫТЬ ЕЩЕ И МЭРОМ?

Ответ: А разве одно другому мешает? Тем более - главный врач, РУКОВОДИТЕЛЬ КОЛЛЕКТИВА, который в современных рыночных условиях должен быть еще и ЛУЧШИМ МЕНЕДЖЕРОМ, чем руководитель любого промышленного предприятия, не говоря уж о торговой конторе! Скажем, тот же кардиоцентр - это же целая фабрика здоровья... Наша продукция - самая нужная городу... Мы выпускаем самую важную и самую востребованную сегодня продукцию - ЖИЗНЬ (из интервью с Я. Габинским).

3. Смешение нескольких вопросов в одном предполагает намеренное использование паралогической ошибки, которая ведет к невозможности доказательства тезиса в результате одной логической процедуры. Следствием смешения вопросов является то, что аргументы, предлагаемые для ответа сразу на несколько вопросов, часто акцентируют один из аспектов тезиса или оказываются вовсе невразумительными и допускают огромную возможность ухода от темы в нужную для самопрезентации сторону:

Вопросы: КАК БУДЕТ СТРОИТЬСЯ ВАША КАМПАНИЯ? Считается, что нужно обязательно сдавать сдачу. Иначе противник посчитает вас слабаком и совсем обнаглеет. ТАК БУДЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТВОВАТЬ В «ЧЕРНОМ ПИАРЕ»?

Ответ на второй вопрос: Не думаю. «Черные технологии» разрушают в первую очередь того, кто к ним прибегает, делают его несчастным.

Самопрезентация вместо ответа на первый вопрос: Иисус на суде сказал Пилату: «Правду говорить легко и приятно»... Есть несколько истин, которым каждый человек должен следовать. В первую очередь, конечно, мужчина. НЕ УКРАДИ. НЕ УБИЙ, ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖЕН. ВСЮ ЖИЗНЬ ДЛЯ МЕНЯ ДЕРЖАТЬ РАЗ ДАННОЕ СЛОВО БЫЛО ДЕЛОМ ЧЕСТИ. И в моем возрасте уже поздно меняться (из интервью с Н. Тимофеевым).

В политическом интервью очень часто вместо вопроса используется формальное утверждение, которое дает политику огромную возможность развернуть ответ в нужном ему направлении. Это вновь связано с намеренным использованием аналогической аргументации и приемов паралогики. Приведем некоторые примеры.

1. Подмена тезиса.

Утверждение. Зарабатывать деньги - искусство. Тратить их - еще большее.

Ответ: Я больше овладел искусством зарабатывать. Тратить на себя не умею. Чаще раздаю тем, кто нуждается.

Подмена тезиса и развитие мысли в сторону информации-отчета о сделанном и декларации позиции: Но я против огульной благотворительности. Я помогаю только тем, кто действительно нуждается. Или когда это требуется многим людям. Например, помочь устроить ветеранам праздник, привезти в детский дом необходимые вещи... Надо делиться не только деньгами, но и мыслями, и проектами (из интервью с М. Серебрянниковым).

2. Утверждение вместо вопроса посредством конструкций с обобщенно-позитивным значением («говорят», «известно», «все знают» и др.), которое дает возможность при ответе применить аналогическую аргументацию атрибутивного типа, когда одному объекту приписываются свойства другого.

Утверждение: Говорят, человеку как минимум должно повезти в жизни с семьей и друзьями.

Ответ (используется прием переноса комплимента другим на себя):

У меня так и случилось. МАМА - ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК. ОТЦА СЧИТАЮ УМНЕЙШИМ И ТАЛАНТЛИВЕЙШИМ ЧЕЛОВЕКОМ. А какие у меня ДЕДЫ! ... Одни во время войны работали в поселке Совхозный. Так до сих пор там помнят о его КРИСТПЛЬНОЙ ЧЕСТНОСТИ. Другой дед БОРОЛСЯ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ... ВСЕМУ, ЧЕГО Я ДОБИЛСЯ В ЖИЗНИ, Я ОБЯЗАН СВОИМ ВОСПИТАНИЕМ.

Вопрос: А школа?

Я учился в 144-й английской школе. ОНА ДАЛА ОГРОМНЫЕ ЗНАНИЯ, КОТОРЫЕ УДИВИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ БЫЛИ УЛОЖЕНЫ В ГОЛОВУ... В ШКОЛЕ БЫЛИ НАСТОЛЬКО КЛАССНЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ, ЧТО ОБЩУЮ АУРУ МОЩНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НИЧТО НЕ МОГЛО ПОШАТНУТЬ

(из интервью с М. Серебренниковым).

3. Утверждения, позволяющие интервьюируемому намеренно расширить масштаб подачи предмета (отступления от закона тождества).

Утверждение: Насколько я знаю, вы делитесь деньгами с церковью...

Ответ, усиливающий масштаб личности политика в религиозно-этическом плане в сочетании с комплиментом архиепископу:

Не могу сказать, что я глубоко верующий человек. Все началось с общения с теми людьми, которые ко мне обращались за помощью. И прежде всего с архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским Викентием. ОТ НЕГО КАК БУДТО ИДЕТ СВЕТ. Он настолько мне импонирует, что я начал прислушиваться к его словам о церкви, о жизни, о человеке. И понял, как нам не хватает духовного. Я считаю, если Бог есть в душе, значит, и душа есть. Церковь часто оказывается последней инстанцией, куда обращаются страждущие. И ей надо помочь снова встать на ноги. Ведь через веру в бога можно прийти к вере в самого себя. Так я начал помогать церкви, чтобы люди находили свою дорогу к вере. А храм у каждого свой - у кого-то берег речки, у кого-то церковь (из интервью с М. Серебренниковым).

Таким образом в жанре политического интервью, как при постановке вопросов, так и при ответах, широко практикуется совокупность приемов аналогической и паралогической аргументации, и это можно, на наш взгляд считать, одним из существен-

ных признаков данной жанровой разновидности. Способы корректной демонстрации, предусмотренные теорией аргументации и четырьмя основными логическими законами, отходят на второй план, и это в целом закономерно для группы текстов-мнений, в которых априорное умозаключение часто обосновывается само собой.

Любой жанр политического PR-а призван внедрить в сознание читателя достаточно простое умозаключение: тот или иной политик (кандидат в политики) достоин (недостойн) занимать определенный пост, быть избранным на ту или иную должность. Однако тактические схемы, включающие и отбор фрагментов действительности в качестве аргументов «за», и их диспозицию и элокуцию, крайне многообразны. Иной, чем в жанре интервью, тип убеждения читателя часто реализуется в очерке. В основе очерка, как и в основе большинства жанров российского политического PR-а, лежит отечественная имиджевая модель политика (если же текст реализует стратегию дискредитации, то журналист строит антиимиджевую модель). PR-очерк есть, как правило, очерк биографического характера, но это биография инсталлированная, освобожденная от лишней информации и подчиненная сегодняшним политическим задачам. Отсюда каждый тематико-биографический блок очерка есть, по сути, фрейм, содержащий аргументы, играющие на повышение репутации политика. Часть таких фреймов- это информация о политике, характеризующая его по западной, но чаще отечественной имиджевой модели, включающей такие имиджевые черты, как харизма, интеллект, нравственный потенциал, отношение к стране, народу, соратникам, лидерское поведение и т.д. Однако очерковая форма в политическом PR-е включает и фреймы, содержащие аргументы к иным одобряемым нацией чертам личности, к национальному менталитету. Это:

- отношение к малой родине;
- самостоятельность мышления и принятия решений, свободомыслие;
- умение делать любую работу, не боясь трудностей (из очерка о Ю. Осинцеве: в школе подрабатывал сантехником, освоил специальности плотника, бетонщика, каменщика, сварщика, слесаря);
- уважение к простым людям (это особо подчеркивается!)
- креативность и некоторые другие личностные черты.

Иными словами, для политического очерка характерна, скорее, логическая аргументация с апелляцией к национальному менталитету. Она формирует архетип политика: благородного отца, царя или генсека, революционера, умника и др. Самый же распространенный архетип - это ХОЗЯИН в сочетании с имиджевыми чертами простого, хорошего, надежного человека.

В очерковых формах важным средством трансляции мнения являются такие категории, как тональность и текстовая модальность, придающие тексту эмоциональную окраску, пафосность и являющиеся дополнительными средствами аргументации:

(О Ю. Осинцеве): Этого человека слепила не власть. Но жизнь. И не из худшего материала: из мужской дружбы и верности делу, из уважения к прошлому, из неутомимой жажды познания, из стремления творить добро. Из всего, на чем Россия обязательно выстоит («Областная газета» 17.12. 2003).

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что в PR-жанрах реализуются два типа убеждающих стратегий, выделяемых по такому основанию, как направленность речевого воздействия. Первая развернута в направлении читателя-адресата (цель - транслировать точку зрения автора). Вторая развернута в направлении референта и представлена тремя стратегическими разновидностями: дискредитация, презентация или самопрезентация последнего.

Задачи «приобрести союзника» и «доказать правильность суждений» далеко не всегда находятся в PR-жанрах в согласии друг с другом. Цель вербовки союзников предполагает, на наш взгляд, следующие важнейшие задачи исследования PR-текстов:

- подразделение жанров политического и коммерческого PR-а;
- описание жанровых разновидностей политического и коммерческого PR-а, включая новые, появляющиеся формы;
- характеристика средств речевого воздействия, соотносимых с той или иной жанровой формой.

Все это может иметь прикладное значение и для журналистов в период проведения PR-кампаний, и для вузовского обучения в рамках специализации «Паблик Рилейшнз».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина И.В. Паблик рилейшнз для менеджеров. М.. 2002.

2. Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб, 2002.

3. Кудинов О.П. Основы организации и проведения избирательных кампаний в регионах России. Калининград, 2000.

4. Синяева И.М. Паблик рилейшнз в коммерческой деятельности. М., 1998.

5. Стернин И.А. Практическая риторика. Воронеж, 1996.

6. Чумиков А.Н. Связи с общественностью М., 2000.

© Руженцева Н.Б., 2004

Солопова О. А.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

В динамике общей стилистической картины современных публицистических текстов отчетливо проявляются две тенденции. С одной стороны, это стремление к высказыванию авторской точки зрения и самовыражению, а с другой стороны, — тенденция к максимальному вуалированию своей субъективности. Однако различные цели достигаются схожими методами: в частности, широко используется стилистический прием игры с прецедентными феноменами в расчете на появление у адресата нужных ассоциаций. Прецедентный текст сводит описываемую ситуацию к образу-стереотипу, замещающему в сознании носителя языка подробное описание. Любой обычный прецедентный текст явно умышлен, задуман для того, чтобы произвести впечатление на адресата, выполнить функцию воздействия. Проблема прецедентных феноменов (ПФ) является одной из самых актуальных в современной лингвистике (Н.Д. Бурвикова, И.В. Захаренко, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, Н.А. Кузьмина, И.М. Михалева, Ю.Е. Прохоров, Ю.А. Сорокин, А.Е. Супрун, Г.Г. Слышкин, С.И. Сметанина, А.П. Чудинов и др.). Показательно, что до настоящего времени наблюдаются заметные различия в терминологии: специалисты анализируют «прецедентные тексты» [Караулов, 1987; Сорокин, 1987; Сорокин, Михалева, 1993], «прецедентные высказывания» [Костомаров, Бурвикова, 1994; Захаренко, 1997], «текстовые реминисценции» [Супрун, 1995], «прецедентные текстовые реминисценции» [Прохоров, 1996], прецедентные феномены [Гудков, 1994; Красных, 1997]. За данными терминами скрываются понятия близкие, зачастую одной природы (хотя и не всегда). Такое положение

вещей объясняется тем, что ключевым термином (и понятием) в данном случае является слово «прецедентный», которое исследователи понимают и трактуют приблизительно одинаково. Различия касаются, в первую очередь, самих анализируемых феноменов и «степени» (в других терминах — «глубины») прецедентности [Красных, 2002:128].

Впервые определение прецедентного текста дал Ю.Н. Караулов, который рассматривал «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987: 216]. В.В. Красных, несколько модифицируя определение Ю.Н. Караулова, к числу прецедентных относит феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Красных, 2004: 170]. Г.Г. Слышкин полагает, что при исследовании прецедентных текстов сам термин «прецедентный текст» имеет смысл понимать несколько шире, сняв некоторые ограничения, введенные Ю.Н. Карауловым. В этом случае говорится о необходимости специального выделения прецедентных текстов, известных узкому кругу людей (малым социальным группам), а также текстов, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот) [Слышкин, 2000: 28]. По мнению Ю.А. Сорокина и И.М. Михалевой, прецедентные тексты — это «некоторые вербальные микро- и макроединицы плана/сценария, указывающие на когнитивно-эмотивные и аксиологические отношения в плане/сценарии, это некоторые избирательные признаки, сопоставляющиеся с другими "заимствованными" и оригинальными признаками для создания "эстетической видимости" / типологического образа» [Сорокин, Михалева, 1993: 100]. При этом в роли прецедентных текстов выступают также заглавия, цитаты, имена персонажей и имена авторов произведений. Ю.Е. Прохоров уточняет понятие «прецедентного текста», подчеркивая сле-

дующие свойства: «1) прецедентные тексты есть принадлежность языковой культуры данного этноса, использование которых связано с их реализацией в достаточно стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения [...]; 2) если сам текст входит в прагматикон личности, совокупность личных деятельностно-коммуникативных потребностей, то его использование в речи связано уже с лингвокогнитивным уровнем, т. е. системой знаний о мире и образа мира, которые реализуются в данной этнокультуре [...]; 3) отсылка к прецедентным текстам имеет как прагматическую направленность, выявляя свойства языковой личности, ее цели, мотивы и установки, ситуативные интенциональности, так и лингвокогнитивную, реализация которой включает личность в речевое общение именно данной культуры на данном языке» [Прохоров, 1996: 155—156]. По мнению В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, «прецедентный текст, храня определенный изначальный смысл, обладает способностью, попадая в поле человеческого восприятия, обновлять и приумножать этот смысл» [В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, 1996: 298].

В исследовании А.Е. Супруна рассматриваются текстовые реминисценции (ТР), которые понимаются как «осознанные/неосознанные, точные и преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), "крылатые слова", отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях» [Супрун, 1995: 17]. Рассматриваемые текстовые реминисценции являются, по сути, языковыми единицами, хотя они и «отличаются от обычных языковых единиц особенностями своей воспроизводимости» [Супрун, 1995: 28].

В концепции В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко и Д.В. Багаевой среди прецедентных феноменов выделяются *прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное имя и прецедентное высказывание*.

Прецедентный текст (ПТ) — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов

которого не равна его смыслу. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т. д. [Красных, 2004: 190]. Ср.: Дума превратилась в филиал филиала, если учитывать, что правительство также сегодня подчинено администрации президента. Поэтому роль парламента свелась к квартиру, я имею в виду центристское большинство, который, как ни рассаживай, все равно плохо играет (Газета, 28.11.03).

Прецедентная ситуация (ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу [Красных, 2004: 183]. Ср.: Вспомним: 7—8 ноября 1917 года. Весь гарнизон Петрограда присоединился к большевикам, за исключением нескольких казачьих сотен, юнкеров и женского батальона. Административный аппарат — в руках восставших. Временное правительство осаждено в Зимнем дворце. Оно давно было бы арестовано, если бы Военно-революционный комитет захотел прибегнуть к силе, но революция должна быть бескровной. Но на это можно только надеяться.

На следующий день на съезде Советов будет оглашена программа правительства большевиков...

Каким будет новое правительство? Безусловно, большевистским. Кадеты, то есть нынешние «Единороссы», СПС и ЛДПР, меньшевики, то есть нынешние «нардепы», «Партия Жизни» и весь социал-демократический «планктон», потерпели крах. К сожалению, нынешние кадеты и меньшевики пока на коне. И будут на нем уверенно гарцевать, пока трудящиеся сами не добьются окончательной победы народовластия (Советская Россия, 4.09.03).

Прецедентная ситуация может обозначаться не только прямо, но путем указания на место событий, их время, яркие признаки... Знаком прецедентной ситуации нередко оказываются предметы быта, иные артефакты, природные объекты [Чудинов, 2003: 49].

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная [Гудков, 1998: 83]. Это может быть имя (фамилия, прозвище и др.) известного

политика, военачальника, ученого, писателя, героя литературного произведения и т. п. Такое имя служит своего рода знаком определенных качеств, оно может символизировать тот или иной прецедентный текст или прецедентную ситуацию [Чудинов, 2003: 49]. Ср.: *Исподволь, под шумок Чеченской войны и Иракской кампании, среди катастроф и терактов, паводков и лесных пожаров, Путин по-сталински, осторожно решал кадровую проблему — проводил «чекистов» и «питерцев» в администрацию, в федеральные округа, в монополии, в армию, в прокуратуру. И когда в органах из сослуживцев и однокашников сложился «коллективный Ягода», а в прокуратуре «коллективный Вышинский», а олигархи, те, что покуда в России, и те, что уже в Лондоне и Тель-Авиве, сложились в «троцкистско-бухаринский блок», был нанесен удар сокрушительной силы, от которого вдребезги «размозжились о мостовую собачьи головы»* (Завтра, 5.11.03).

Прецедентное высказывание (ПВ) — репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само ПВ как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка [Красных, 2004: 209]. За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен — прецедентный текст и/или прецедентная ситуация, играющие важную роль в формировании смысла высказывания. Ср.: Вторую неделю по телевидению показывают предвыборные дебаты участников думской кампании — политический спектакль трех-четырех актеров, поддерживаемый небольшой массовкой в той же студии. Дебаты — это хорошо. Еще Петр Первый триста лет назад говорил: «Господам сенаторам речь в присутствии держать не по писаному, а токмо своими словами, дабы дурь каждого всем видна была». Вот она и видна (Новая газета, 20.11.03).

Материалом для настоящей статьи послужили 409 прецедентных феноменов из статей, посвященных выборам депутатов Государственной Думы. Для исследования привлечены материалы, которые были опубликованы в общероссийских газетах («Известия», «Российская газета», «Завтра», «Собеседник», «Советская Россия», «Новая газета», «Аргументы и факты», «Газета», «Совершенно секретно», «Версия», «КП») в сентябре

— ноябре 2003 г. В указанном корпусе обнаружено следующее соотношение между различными видами прецедентных феноменов.

Таблица 1.
Соотношение различных видов прецедентных феноменов

Типы ПФ	ПТ	ПС	ПВ	ПИ
Количество	19	56	206	128
%	4,6 %	13,7 %	50,4 %	31,3 %

Таблица позволяет заключить, что максимальное количество от общего числа прецедентных феноменов в российских публицистических текстах, посвященных ситуации, связанной с федеральными выборами в России, приходится на ПВ, что составляет 50,4 % от общего числа ПФ. Это объяснимо тем, что «прецедентное высказывание является феноменом собственно лингвистической природы. Оно обязательно *неоднократно* (выделено нами. – С. О.) воспроизводится в речи, и в этом заключается его специфика и отличие от других прецедентных феноменов, которые могут быть *потенциально частотными*» [Красных, 2004: 213]. Показательно, что в процентном соотношении ПИ (31,3 %) преобладают над ПС (13,7 %) и ПТ (4,6 %). ПТ составляют наименьшее количество от всех ПФ. Это происходит по двум причинам: во-первых, существуют ПТ, которые запоминаются целиком (детские стишки, анекдоты, тексты песен или рекламы и т. п.), такие тексты могут функционировать не только как ПТ, но и как ПВ; во-вторых, апелляции к ПТ могут осуществляться 1) через связанные с этим текстом ПВ, в том числе — «именования» ПС из текста; 2) с помощью прецедентных имен. Помимо этого на осмысление ПТ требуется определенное время, тогда как ПВ среди всех ПФ является самым доступным для восприятия.

В целом можно отметить, что ПФ достаточно частотны в текстах СМИ, посвященных ситуации федеральных выборов в России 2003 г., их использование отвечает специфике данного жанра с его подчеркнутой ориентацией на массовую аудиторию, на оперативность создания и восприятия, доступность изложения.

Прецедентные феномены становятся основой такого выразительного приема, как *цитатное письмо*. Суть цитатного письма в «интеллектуальной, эмоционально-оценочной, формальной переработке "чужого" текста-цитаты, осмысленного и освоенного в системе культуры, и повторное использование его в качестве

средства номинации по отношению к реальным ситуациям (лицам) при создании медиа-текста. Если традиционно цитата приводится для доказательства точности изложения, то здесь она появляется вместо точного, прямого наименования; если эффект цитаты опирается на авторитет автора или источника, то здесь отсылки к авторству, к имени оригинального текста не играют существенной роли» [Сметанина, 2002: 109]. В политическом дискурсе прецедентными могут быть высказывания, включенные в текст как в неизменном (цитация), так и в трансформированном, переиначенном виде (квазичитация), «поскольку они хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах» [Земская, 1996: 157]. Под прямой цитацией понимается «дословное воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в том виде, в котором этот текст (отрывок текста) сохранился в памяти цитирующего. Для цитации, основанной на прецедентном тексте, характерна имплицитность, т. е. отсутствие ссылки на источник цитирования». Под квазичитацией понимается «воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в умышленно измененном виде... Квазичитация — это всегда сознательная трансформация текста для достижения определенного перлокутивного эффекта» [Слышкин, 2000: 37–38].

В рассмотренном нами корпусе текстов прямая цитация составляет 66,9%, а квазичитация — 33,1%. Выделяются следующие варианты квазичитации (они перечисляются в порядке убывающей частотности).

1. Лексические трансформации:

1.1. Замещение. Ср.: *Письма предвыборного человека* (АиФ, 26.11.03; прототекст: *Письма мертвого человека*), *Нет, я не цензор, я другой* (Собеседник, 7.10.03; прототекст: *Нет, я не Байрон, я другой*), *В «семье» не без урона...* (Завтра, 11.11.03; прототекст: *В семье не без уroda*); *Янки при дворе царя Бориса* (Совершенно Секретно, 10.03; прототекст: *Янки при дворе короля Артура*).

Замена компонентов ПВ закрепляет его за конкретной речевой ситуацией, повышает выразительность высказывания, наполняет его новыми смысловыми оттенками, при этом исходное выражение и производное могут находиться в разных отношениях друг с другом:

А) синонимические отношения: *Руки прочь от КГРФ и Г. Зю-*

ганова! (Советская Россия, 23.10.03; прототекст: Руки прочь от Советской власти!).

Б) паронимические отношения: *С Новым Ходом!* (Завтра, 11.11.03; прототекст: С Новым Годом!); *«Единая Россия»* (Особенности политического рациона «медведей»-шатунов) (Завтра, 25.11.03; прототекст: «Единая Россия»).

В) антонимические отношения: *Как Григорий Алексеевич помирился с Анатолием Борисовичем* (Советская Россия, 30.10.03; прототекст: Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем); *«Отобрали, но – не поделили»* (Завтра, 25.11.03; прототекст: Отобрать и поделить); *«Головокружение без успехов»* (Завтра, 11.11.03; прототекст: Головокружение от успехов).

1.2. Усечение. Ср.: *Чья бы корова тут мычала...* (Газета, 6.12.03; прототекст: Чья бы корова мычала, твоя бы молчала); *Коты вокруг горячей каши...Путинская Дума оказалась в цейтноте* (Советская Россия, 30.10.03; прототекст: Как кот вокруг горячей каши).

Усечение фразы позволяет читателю создать, подключая фоновые знания, текст, более насыщенный смыслами и коннотациями, чем тот, что написал журналист.

1.3. Добавление (расширение состава): *Отдайте все и всем!* (Собеседник, 21.10.03; прототекст: «Отдайте все!» — последние слова Петра I); *«Поле Чудес», не паханное плугом...* (Завтра, 18.11.03; прототекст: «Поле Чудес»); *«Униженные и оскорбленные: у безработицы в России женское лицо»* (Советская Россия, 15.11.03; прототекст: Униженные и оскорбленные); *«Дума Inc. или Держи карман шире»* (Совершенно Секретно, 10.03; прототекст: Держи карман шире). В результате данной трансформации актуализируются семантические поля, способствующие пониманию смысла текста в целом.

1.4. Контаминация — сочетание двух видов квазицитирования, чаще всего замены и добавления, как в приведенном примере: *Сытый голодному не товарищ. Сытый голодному — вождь и учитель. Кукловод* (АиФ, 17.09.03; прототекст: Гусь свиные не товарищ); *Похитители голосов в законе* (Советская Россия, 6.11.03; прототекст: Воры в законе); *Александр Вешняков: Потусторонним силам вход на выборы запрещен* (АиФ, 10.09.03; прототекст: Посторонним вход запрещен) или усечения и добавления: *Референдум в отдельно взятой стране (Или голосуй — не голосуй, все равно получишь... ЕС)* (Завтра,

17.09.03). Контаминация касается не только лексических трансформаций, в приведенных ниже примерах лексические трансформации (в первом случае — замена, во втором — замена и усечение) сочетаются с синтаксической трансформацией (изменение функциональной модальности): *Да был же мальчик!* (Завтра, 17.09.03; прототекст: А был ли мальчик?); *Плюс фальсификация всех выборов?* (АиФ, 17.09.03; прототекст: Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны!). В основе действия данного способа квазицитирования — сравнение «данного» и «нового», причем «новое» рассматривается лишь как вариация, видоизменение «данного». Контаминация участвует в организации нового смысла, опираясь на фоновые знания читателя, и этим лукаво «заманивает» его в процесс сотворчества.

2. Синтаксические трансформации:

2.1. Использование приемов экспрессивного синтаксиса (парцелляция и др.). Ср.: *В социальной философии существует понятие «субъектность», то есть способность крупных социальных организмов, таких как государство, осознавать свою сущность. Определять свое место в истории. Планировать свое развитие. Предвидеть угрозы. Постоянно ощущать свое государственное «Я». Сознательно управлять собственной судьбой. Проектировать будущее. Определять свой исторический путь. Владеть своей историей. Этой «субъектностью» в высшей степени обладал Советский Союз, являясь великим «красным проектом», проектируя «альтернативную историю», реализуя альтернативную, по сравнению с прежней, программу развития человечества. Постепенная утрата «субъектности» обрекла СССР на уничтожение. Ввергла в управленческий и экономический коллапс. Сделала игрушкой в руках могучей цивилизации США, чья «субъектность» превзошла советскую* (Завтра, 17.09.03). Употребление данной синтаксической модели является отражением эмоций в формальной структуре высказывания.

2.2. Изменение функциональной модальности: *Дан приказ Шойгу на запад?* (Собеседник, 14.10.03); *Вопросы простодушного («иных времен татары и монголы?»)* (Завтра, 7.09.03). Открытая концовка, вопросительное предложение поощряют «смыслотворчество» читателя, заставляют его додумывать текст, разгадывать его тайные смыслы.

Таблица 2.

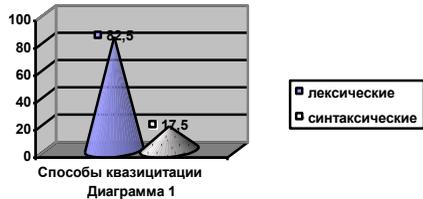
Способы квазицитации

№	Виды трансформаций		%
1	Лексические	Замена	38,3
2		Усечение	22,2
3		Добавление	11,7
4		Контаминация	10,3
		Итого:	82,5
5	Синтаксические	Парцелляция	10,2
6		Изменение функциональной модальности	7,3
		Итого:	17,5

Таблица позволяет заключить, что лексические способы трансформации (82,5%) значительно преобладают над синтаксическими (17,5%) (см. диаграмму 1).

При анализе данного языкового материала самым распространенным способом квазицитирования является замена одного или нескольких слов в исходном ПВ, что составляет 33,8 % от общего числа трансформированных ПВ. Достаточно частотной лексической трансформацией является добавление (22,2%). Легко заметить, что менее характерны для текстов СМИ такие лексические трансформации ПВ, как усечение (11,7%) и контаминация (10,3%). Если рассматривать синтаксически измененные ПВ, то, как видно из таблицы, парцелляция (10,2%) более частотна в сравнении с изменением функциональной модальности (7,3%). В целом же можно отметить, что несмотря на тот факт, что ПВ в неизменном виде (66,9%) встречаются гораздо чаще в текстах СМИ, чем трансформированные (33,1%), квазицитация является востребованным приемом изложения, которым пользуются журналисты при описании тех или иных событий и фактов, имеющих отношение к ситуации выборов в Государственную Думу 2003 г. в России.

Таким образом, современную публицистическую речь, отражающую политические события, характеризует обилие ПФ, ко-

которые используются как в неизменном, так и в трансформированном виде. Использование в СМИ ПФ — это и форма заявления своей позиции (культурной, социальной, политической, эстетической), и средство нацелить издание на определенную аудиторию, способную все эти ссылки распознать, и легкое развлечение для этой аудитории, и утверждение ценностей альтернативных, к числу которых относятся умение играть с формой текста и почти тотальная ирония. Как свидетельствуют приведенные примеры, употребление ПФ в большей степени характеризует стиль «массовых» газет, читатели которых в силу своей принадлежности к той или иной возрастной и социальной группе хорошо с ними знакомы. В таком кругу употребление данных ПФ четко позиционирует журналиста как «своего», что, в свою очередь, способствует сближению автора и адресата газеты и делает последнего более «открытым» для восприятия текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 4.
2. *Земская Е. А.* Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1.
5. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
6. *Красных В. В.* Свой среди чужих... М., 2004.
7. *Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3.
8. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
9. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
10. *Сметанина С. И.* Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX

века). СПб., 2002.

11. *Сорокин Ю. А. Михалева И. М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993.

12. *Супрун А. Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вопросы языкознания*. 1995. № 6.

13. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003.

© Солопова О. А., 2004

Чернякова (Сорокина) М.В.
ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ
В ПУБЛИКАЦИЯХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ,
ПОСВЯЩЕННЫХ ВОЙНЕ В ИРАКЕ

Дискуссии по проблеме сущности метафоры ведутся столетиями и не прекращаются по сей день, поскольку понимание сложности метафоры «заставило исследовательскую мысль двигаться в разных направлениях, рассматривать разные грани этого многогранного явления, устремляться вширь, сопоставляя его с другими, иногда весьма отдаленными явлениями и вглубь, расчлняя его структуры» [Скляревская Г.Н., 1988: 44]. В.Н. Телия пишет: «В лингвистической науке проблема метафоры - и как процесса, создающего новые значения выражений в ходе их переосмысления, и как уже готового метафорического значения – рассматривалась издавна и всегда скорее как стилистическое средство или художественный прием, реже – как средство номинации, еще реже – как способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов...» [Телия В.Н., 1988: 3].

С позиций когнитивистики метафора рассматривается как способ мышления, ментальная операция, в основе которой лежат не значения слов, а концепты, содержащие информацию о месте человека в окружающем мире и представления о самом себе. Метафоры отражают «когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши знания, представления о мире и создаем новые гипотезы» [МакКормак Э., 1990: 360].

Это свойство метафоры, позволяющее ей моделировать окружающий мир человека, наделяет ее большим манипулятивным ресурсом. Хотя термин «манипуляция» не имеет общепринятого определения, все исследователи этого феномена отме-

чают два существенных признака манипуляции: скрытый характер воздействия (Кара – Мурза, 2001; Доценко, 1996; Ермаков, 1995; Шостром, 1994; Гачев, Мельник// <http://dere.ru/library/grachov/zakl.html> и др.) и использование различного рода искажений действительности (Доценко, 1996, Кара – Мурза, 2001; Гачев, Мельник // <http://dere.ru/library/grachov/zakl.html> и др.). Таким образом, под манипуляцией понимается «способ, прием, действие, служащее для достижения каких-либо целей путем представления кого-либо, чего-либо в искаженном виде» [БТСРЯ, 1998: 519], «внедрение в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент [Доценко Е.Л., 1996: 58].

Именно манипулятивной прагматической направленностью метафоры объясняется активное использование различных метафорических моделей в американском и российском политическом дискурсе, посвященном войне в Ираке 2003 – 2004 г., причем одной из наиболее продуктивных моделей является театральная метафорическая модель.

В статье «Куклы в истории культуры» Ю.М. Лотман писал: «Каждый существенный культурный объект, как правило, выступает в двух обликах: в своей прямой функции, обслуживая определенный круг конкретных общественных потребностей, и в «метафорической», когда признаки его переносятся на широкий круг социальных фактов, моделью которых он становится. <...> Чем существеннее в системе данной культуры прямая роль данного понятия, тем активнее его метафорическое значение, которое может вести себя исключительно агрессивно, порой становясь образом всего сущего» [Лотман Ю.М., 1998: 645-646]. Метафора театра имеет структурообразующий характер, становясь для человека кодом восприятия действительности, поскольку «будучи семиотическим моделирующим образованием, театр позволяет кодировать информацию, передавать внутренний смысл явлений [Сулаберидзе Ю.С.//<http://www.politstudies.ru/fulltext/2001/4/11.htm>]. Хотя реабилитация метафоры «театр жизни», получившей распространение еще в эпоху европейского возрождения, а позднее отвергнутой в творчестве романтиков как фальшивая и неоправданно пафосная (процесс, наиболее полно проявившийся в культуре в 40-80 гг. XIX века, требовавшей «детеатрализации» жизни и «отказа от подчеркнуто знаковых систем поведения» [Павловец М.Г. //<http://www.mhpi.ru/tutor>

/personal_pages /pavlovez/articles/bottom.htm]) произошла в начале XX века, исследователи считают, что подлинное пробуждение театра, карнавала в современном мире связано с приходом постмодерна. Как отмечает французский ученый Ж. Дюмазедье, постмодерн «реабилитирует нашу чувственность, открывая дорогу спонтанности и скрытому в нас «карнавальному началу», оправдывающему название homo ludens (человек играющий)» [цит. По Панарин, 1998: 41]. И хотя культура Запада уже пережила период, который принято называть постмодерном (в то время как для России, по мнению Ч. Дженкса, пустившего в обиход сам термин «постмодернизм», эта эпоха началась только с октября 1993 г. [Гашкова Е.М., 1997: 94]), театр остается значимым культурным феноменом, моделирующим социальные процессы.

Таким образом, как культурно значимый объект театр обладает огромными возможностями по реструктурированию действительности. Желая подчеркнуть всепроникающий элемент театральности бытия, Н. Н. Евреинов утверждает, что «не столько сцена должна заимствовать у жизни, сколько жизнь у сцены» [цит. по: Гашкова Е.М., 1997: 91]. Об этом же пишет А. Арто, утверждая, что театр «приводит к снятию обычных человеческих ограничений и человеческих возможностей, а так же к бесконечному раздвиганию границ того, что зовется реальностью» [Арто А., 1993: 12].

Это свойство театра и театральной метафоры как средства моделирования окружающей действительности наделяет эту метафорическую модель огромными возможностями для манипуляции сознанием индивида. Именно поэтому и в американском, и в российском политическом дискурсе, посвященном войне в Ираке 2003 – 2004 гг. Активно функционирует театральная метафорическая модель, основной манипулятивный вектор которой заключается в создании иллюзии игрового, лицедейского характера происходящих событий, поскольку одним из основных свойств театра как культурно значимого объекта является «имитация форм жизни вне ее серьезности» [Г. Гачев., 1997 цит. по Е.М. Гашкова, 1997: 95]. Нужно отметить, что и в американских, и в российских СМИ данный вектор активно используется как про-, так и антивоенно настроенными политиками, журналистами и политтехнологами. Сторонники войны стремятся перевести восприятие войны в социально приемлемую игровую плоскость, представляя военный конфликт в театральных или кинемато-

графических образах, тем самым уподобляя войну любой социальной активности, в которой обязательно присутствует игровая компонента, так как «игра – это то состояние, которое приобретает всякая человеческая деятельность – умственная или физическая; более того, не только человека, но и активность любых живых существ и самонастраивающихся устройств, когда они выходят за рамки жестко запрограммированных действий» [Гашкова Е.М., 1997: 88]. Кроме того, категории театрального действия позволяют взглянуть на жизнь с позиций зрительской «внезаходности» [Гашкова Е.М., 1997: 89], что также диктует восприятие войны как очередной пьесы на мировых политических подмостках. Противники войны, используя театральную модель для формирования представлений о войне, подчеркивают искусственный, театрализованный характер происходящего, поскольку «прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности...» [Чудинов А.П., 2001: 114]. Таким образом, театральная метафорическая модель, к которой по жанровой смежности можно отнести также кинематографическую, эстрадную и цирковую метафору, эффективно используется журналистами, экспертами и политиками, выражающими разные политические взгляды, обретая конкретное манипулятивное значение в зависимости от общей смысловой направленности текста.

В дискурсе американских и российских СМИ периода войны в Ираке 2003 – 2004 гг. функционирует несколько фреймов театральной метафорической модели, каждый из которых понимается как «фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу)...». Фреймы, в свою очередь, состоят из слотов, понимаемых как «элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации» [Чудинов А.П., 2001: 44-45]. Так, театральная метафорическая модель включает следующие фреймы: фрейм «Вид зрелища и жанр представления», состоящий соответственно из слотов «Вид зрелища» и «Жанр представления», фрейм «Участники представления», включающий слоты «Актеры», «Авторы сценария, постановщики зрелища» и «Зрители», фрейм «Элементы представления» и фрейм «Театральное здание и театральный реквизит», включающий слоты «Элементы театрального здания» и «Театральный реквизит».

Итак, в дискурсе американских и российских СМИ, посвященном войне в Ираке 2003-2004 гг. военная действительность метафорически характеризуется как та или иная разновидность зрелищных искусств: театр, кино, цирк, концерт, эстрадное шоу. Ср.: *Пол Бремер устроил в Ираке настоящий театр, сообщив солдатам, что у него имеется для них послание от президента и что его прочитает одно из высших официальных лиц США.* (Фрейм «Вид зрелища и жанр представления», слот «Вид зрелища») [«Индейка приземлилась или как Буш отблагодарил своих солдат»// http://iraqwar.ru/iraq-read_article.php?articleId=..., источник <http://www.obozrevatel.com.ua>, 28 ноября 2003 г., 09:38].

Избавиться от ощущения, что все происходящее в Ираке - блестяще срежиссированное кино, не помогли даже нарочитые напоминания репортеров, что картинки за их спиной только внешне выглядят как кино. (Фрейм «Вид зрелища и жанр представления», слот «Вид зрелища») [А. Титова, «Формирование внешнеполитической модели США»// <http://www.pereplet.ru/text/titova.html>, 10 марта 2004 г.].

If the war to disarm Iraq were already over, with the point driven home that rogue-state nuclear threats trigger dire consequences, North Korea would not have seized this moment to renew its blackmail. We find ourselves in this three-ring circus today because we have been slow-walking needed action in the Persian Gulf. [Если бы разоружение Ирака было уже завершено благодаря пониманию страшных последствий угроз применения ядерного оружия со стороны «красных» государств, Северная Корея не смогла бы воспользоваться моментом для возобновления шантажа. Сейчас мы оказались в «цирке с тремя аренами» из-за нашей медлительности в Персидском заливе.] (Фрейм «Вид зрелища и жанр представления», слот «Вид зрелища») [William Safire “Three-Ring Circus”, The New York Times, January 3, 2003 // <http://www.frontpagemag.com/Articles/Printable.asp?ID=5370>].

Военные события в Ираке часто обозначаются как тот или иной зрелищный жанр: фарс, шоу, трагедия, драма, карнавал, мыльная опера, сериал детектив. Ср.: *Что же касается решающего момента, то в самый канун войны в Ираке (сейчас кажется, что с тех пор прошла эпоха) «Журнал» попытался предположить, как поведет себя в критической ситуации Саддам. К счастью, иракский диктатор предпочел фарс трагедии и не стал, вопреки своим многолетним угрозам, стоять*

до конца, скрывшись вместо этого. (Фрейм «Вид зрелища и жанр представления», слот «Жанр представления») [Александр Туров, «Хитрец из Пхеньяна»// Еженедельный журнал 6.3.24 №109// <http://prev.ej.ru/083/life/profile/01/index.html>].

Fair-weather allies won't run the show in Iraq [Ненадежные союзники не будут «вести шоу» в Ираке] (Фрейм «Вид зрелища и жанр представления», слот «Жанр представления») [Prince Charles, “Fair-weather allies won't run the show in Iraq”, “Chicago Sun-Times”, April 11, 2003// www.freerepublic.com/focus/f-news/891093/posts].

Участники политического события представлены тремя основными группами-слотами. Политические актеры, клоуны и лицедеи играют роли в соответствии со своим амплуа, исполняют арии, танцуют, показывают фокусы, жонглируют, поют дуэтом, подпевают, а наличие массовки, статистов и хора придает зрелищу размах и масштабность. Ср.: Сам же диктатор и возглавляемая им группа зловещих клоунов в черных беретах исчезли со сцены, не откланявшись, озадачив мировую общественность неординарной абсурдностью своих заключительных реприз...Иракские клоуны вновь, как и 12 лет назад, обещали море крови. (Фрейм «Участники представления», слот «Актеры») [Марк Миллер, «Радость победы и злорадство рабов», АиФ Новости, 22 апреля 2004 г.// <http://news.aif.ru/news.php?id=11153>].

Наши социал-демократы и их союзники саридисты (не считающие себя социалистами) знают и то, что Белый Дом в силах продиктовать государству Израиль свою политику, тогда как Израиль плюс евреи США никак не могут продиктовать свою волю Белому Дому. Знают, но и они вместо того, чтобы благодарить Буша за разгром иракского агрессора, поют те же арии, что сенатор Керри, мусульмане Европы, антиглобалисты и "автономы" (мюнхенские, римские и прочие). (Фрейм «Участники представления», слот «Актеры») [Георг Мордель, «Сказка про белое молчало», 12 марта 2004 г.// http://georg-mordel.narod.ru/Art2004/A04_0211.html].

After weeks of internal wrangling, the United Nations yesterday voted to lift crippling sanctions imposed on Iraq in 1990 and give the UN a key role in rebuilding the devastated country. [Вчера, после нескольких недель внутренних споров, ООН проголосовала за снятие калечащих санкций, наложенных на Ирак в 1990 и предоставление ООН главной роли в восстановлении разоренной страны.] (Фрейм «Участники представления», слот «Актеры»)

["UN lifts sanctions, to play key role in Iraq", United Nations, Reuters, Gulf News, May 23, 2003// www.gulfnews.com/Articles/news.asp?ArticleID=88392].

Senators unlikely to echo House on Iraq war [Сенаторы вряд ли будут «подпевать» Палате представителей по вопросу войны в Ираке] (Фрейм «Участники представления», слот «Актеры») [Bruce Dunford, "Senators unlikely to echo House on Iraq war", Honolulu Star-Bulletin, Associated Press, March 1, 2003 // www.kalanienglish.com/news_starbulletin_030301.html].

За игрой актеров всегда стоит работа автора сценария и постановщика зрелища: продюсера, сценариста, режиссера, дирижера, которые готовят сценарий, ангажируют артистов, распределяют роли, дирижируют, оркеструют, устраивают репетиции и прогоны. Ср.: Временная коалиционная администрация, созданная США, и Управляющий совет, в который входят некоторые иракские руководители, не смогли выработать сценарий политического перехода в стране от нынешней ситуации к переменам в иракском обществе от авторитарного к более открытому демократическому обществу (Фрейм «Участники представления», слот «Авторы сценария и постановщики зрелища») [Александр Горелик, «Роль ООН в послевоенном урегулировании в Ираке», 9 марта 2004 г.// http://www.vor.ru/Iraq/Exclusives/exc.next_523_1251.html].

Некоторые эксперты считают, что ангажированность «верховного муфтия» в сотрудничестве с Ираком могла быть весьма интересной для спецслужб США. (Фрейм «Участники представления», слот «Авторы сценария и постановщики зрелища») [«Архивы иракской госбезопасности по всей видимости являются в данный момент предметом торга между Саддамом Хусейном и американцами», 17 марта 2004 г.// <http://irak.ru/news/analitika/2003/4/15/3065.html>].

Tommy Franks implementing his policy on the battlefield, rewrote the book on modern armed conflict, overseeing an effort defined by lighter equipment, astonishingly fast advances, overwhelming use of air power and a brilliantly orchestrated all-points attack. [Томми Фрэнк, применяя свои методы на поле сражения, переписал учебник по современному ведению войны, учитывая роль более легкой техники, удивительно быстрые наступательные маневры, чрезвычайно активное использование воздушных сил, и блестяще оркестрованные масштабные атаки.] (Фрейм «Участники представления», слот «Авторы сценария и постановщики зре-

лица») [Prince Charles, "Fair-weather allies won't run the show in Iraq", "Chicago Sun-Times", April 11, 2003// www.freerepublic.com/focus/f-news/891093/posts].

И, наконец, ни одно представление не обходится без зрителей, которые аплодируют, рукоплещут, обеспечивают аншлаг или свистят и кричат, что означает провал пьесы. Ср.: *Если же ОМП у Ирака все-таки имеется, Америка выступит лишь в роли хорошего сталинского пионера, который разоружил "шпиона" - под облегченные рукоплескания мирового сообщества.* (Фрейм «Участники представления», слот «Зрители») [Кирилл Якимец, «Мир в рецептивной позиции», 6 Февраля 2003// www.russ.ru/politics/20030206-red.html].

Дружные аплодисменты и единодушно скандируемые евро-проклятья оставим для стран блока CNN. (Фрейм «Участники представления», слот «Зрители») [Глеб Павловский, «Американский способ собрать доказательства», 6 Февраля 2003// www.russ.ru/politics/20030206-pavlovski.html].

The State of the Union speech President Bush delivered Tuesday was aimed at three constituencies: members of Congress, the American public, and a global audience concerned about war with Iraq. [Доклад Конгрессу о положении США, сделанный президентом Бушем во вторник, предназначался для трех видов аудитории: членов Конгресса, американской публике и всем зрителям, озабоченным войной в Ираке] (Фрейм «Участники представления», слот «Зрители») [David T. Cook, "Bush defends Iraq policy in speech", January 30, 2003 // <http://www.csmonitor.com/2003/0130/p25s01-woiq.html>].

Война, как и зрелищное представление, состоит из отдельных этапов, частей и эпизодов. Для их метафорического наименования используется соответствующая лексика театральнoй понятийной сферы: акт, действие, сцена, реприза, антракт, выход на бис, пролог и др. Ср.: Сам же диктатор и возглавляемая им группа зловещих клоунов в черных беретах исчезли со сцены, не откланявшись, озадачив мировую общественность неординарной абсурдностью своих заключительных реприз. (Фрейм «Элементы представления») [Марк Миллер, «Радость победы и злорадство рабов», *АиФ Новости*, 22 апреля 2004 г.// <http://news.aif.ru/news.php?id=11153>].

On board the USS Abraham Lincoln on May 1, President Bush hailed "the battle of Iraq" as "one victory in the war on terror." So what does the president, basking in his war-hero role, plan for an

encore? [*Первого мая на борту американского военного корабля «Авраам Линкольн» президент Буш объявил «битву за Ирак» победой «в борьбе с террором». А что же наслаждающийся ролью героя войны президент планирует исполнить на бис?.*] (Фрейм «Элементы представления») [*Daniel Schorr, "Iraq down, what's the encore?", May 9, 2003// <http://www.csmonitor.com/2003/0509/p10s02-cods.html>*].

Пространственная организация войны соответствует организации театрального представления: войну можно планировать из-за кулис, вести на арене или сцене, а наблюдать из ложи, партера или галерки. Ср.: *Московская кисломолочная критика США идентична европейской в одном: это выкрики с галерки личной неуязвимости.*

(Фрейм «Театральное здание и театральный реквизит», слот «Элементы театрального здания») [Глеб Павловский, «Американский способ собрать доказательства», 6 Февраля 2003// www.russ.ru/politics/20030206-pavlovski.html].

If the war to disarm Iraq were already over, with the point driven home that rogue-state nuclear threats trigger dire consequences, North Korea would not have seized this moment to renew its blackmail. We find ourselves in this three-ring circus today because we have been slow-walking needed action in the Persian Gulf. [Если бы разоружение Ирака было уже завершено благодаря пониманию страшных последствий угроз применения ядерного оружия со стороны «красных» государств, Северная Корея не смогла бы воспользоваться моментом для возобновления шантажа. Сейчас мы оказались в «цирке с тремя аренами» из-за нашей медлительности в Персидском заливе.] (Фрейм «Вид зрелища и жанр представления», слот «Вид зрелища») [William Safire "Three-Ring Circus", The New York Times, January 3, 2003// <http://www.frontpagemag.com/Articles/Printable.asp?ID=5370>].

Играть военный спектакль участникам представления помогают декорации, занавес, костюмы, маски, грим и другой театральный реквизит. Ср.: *Предотвратить мародерства и полное уничтожение «иракской хроники» можно было при посредстве нескольких храбрых морских пехотинцев. Однако они появились только под занавес, когда уже охранять было нечего.* (Фрейм «Театральное здание и театральный реквизит», слот «Театральный реквизит») [Самвел Мартиросян, «Обнуление счетчика по англо-американски», 6 мая 2003 г.// http://www.centran.ru/cgi-bin/index.pl?text_id=70838&all=yes].

The first slip of the mask was the manipulation of intelligence data to justify the war against Iraq. [Первым «сползанием маски» была манипуляция данными разведки для оправдания войны в Ираке.] (Фрейм «Театральное здание и театральный реквизит», слот «Театральный реквизит») [Richard Girard, “The Masque of the Green Death”, June 25, 2003 // http://www.democraticunderground.com/articles/03/06/25_masque.html].

Таким образом, в дискурсе российских и американских СМИ, посвященном войне в Ираке 2003-2004 гг., активно функционирует большое количество метафор, имеющих большой манипулятивный ресурс, причем одной из наиболее продуктивных моделей является театральная метафорическая модель, что объясняется существенностью понятия «театр» для американской и российской культурной системы, и, как следствие, большим потенциалом метафорического моделирования действительности. Диктуя особый код восприятия действительности, театральная метафора активно используется как противниками, так и сторонниками иракской войны 2003-2004 гг. для реализации специфических манипулятивных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арто А. Театр и его двойник. М.: «Мартис», 1993.
2. БТСРЯ 1998 Большой толковый словарь русского языка/ Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998.
3. Гачев Г. Театральность нашей жизни и театр// Свободная мысль. № 1, 1997, с.47-54
4. Гашкова Е. М. От серьеза символов к символической серьезности (театр и театральность в XX веке // Метафизические исследования. Выпуск 5: Культура. Альманах Лаборатории Метафизических исследований при Философском факультете СПбГУ, 1997.
5. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно – психологического воздействия// <http://dere.ru/library/grachov/zakl.html> и др.).
6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1996.
7. Ермаков Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2001.
9. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб. 1998.

10. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры//Теория метафоры: Сб./ Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.:Прогресс,1990.
11. Павловец Г. М. Моделирующая метафора «театр жизни» в драме М. Горького «На дне» //http://www.mhpi.ru/tutor/personal_pages/pavlovez/articles/bottom.htm
12. Панарин А. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI в. – М.: 1998.
13. Складаревская Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики (на материале русского языка): в 2 ч./Академия наук СССР; Институт русского языка; отв. редактор Ф. П. Сорокалетов. М., 1988. Ч.2.
14. Сулаберидзе Ю. С. Грузинский политический театр: сценарии, режиссеры, актеры// <http://www.politstudies.ru/fulltext/2001/4/11.htm>
15. Телия В. Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира// Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
16. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография/ Урал. гос. пед. ун–т. - Екатеринбург, 2001.
17. Шостром Э. Анти – Карнеги, или Человек – манипулятор/ пер. с англ. А. Малышевой. – Минск: Полифакт, 1992.
- © Чернякова (Сорокина) М.В, 2004.

Чудакова Н.М.

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

В ДИСКУРСЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

По мнению сторонников когнитивного подхода, метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов, активно участвует в формировании личностной модели мира, играет важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия [Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г., 1996; Петров В.В., 1990; Чудинов А.П., 2001].

В процессе получения и осмысления нового знания человек выходит за рамки того, что опосредовано его опытом, прибегает к языку образов и символов. В основе процесса метафоризации лежат ассоциации, представляющие собой специфическое отражение концептуальной модели мира, имеющей антропоцен-

трическую и прагматическую направленность. Интерпретация субъектом окружающей действительности обязательно сопровождается определенной оценкой, так как «языковое отражение объектов и явлений есть процесс выбора и определения ценностей в соответствии с человеческими потребностями и интересами» [Бородулина Н. Ю., Коломейцева Е. М., 2000: 46].

1. Как известно, политический дискурс, а следовательно, и дискурс средств массовой информации, актуализирует ценностные ориентации, которые в современном русском общественном сознании чаще всего представлены оппозициями [Методология исследования политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов, 1998: 220].

Так, например, дискурсу СМИ характерно оценочное противопоставление концептов *воздух* и *вакуум*. Ассоциативное восприятие свободы в качестве *воздуха* объясняется «генетической памятью» подсознания, в которой воздух является «сферой божественного дыхания, символом одухотворенности» [Жюльен Н., 2000]. Ср.: *В серебряные годы перестройки демократическая печать начала дышать животворящим воздухом свободы, активно расчищала выгребные ямы прежнего режима (А. Яковлев // Новое время. 2000. №15). Очарованные плодами Запада и жадно желающие ими овладеть, наши скифские правители с высокомерным презрением отвергают корни западной цивилизации, ее воздух, ненавистный им воздух Свободы и Человеческого Достоинства (А.Пионтковский // Новая газета. 2004. №23). Я перестала смотреть НТВ. Ощущение неуверенности, спертого воздуха, глухого страха перед будущим сегодня значительно ярче, чем год назад. Воздуха на канале не осталось, поэтому смотреть канал тяжело (И. Лесневская // Новое время. 2001. №7).*

Отсутствие жизни, пустота в духовной, интеллектуальной, правовой, политической и других областях метафорически характеризуется концептом *вакуум* (от лат. *vacuum* – *пустота*) – состояние газа при давлениях значительно ниже атмосферного, нередко его относят к газу, находящемуся в свободном пространстве [Рудин А.М., 1971]. Ср.: *Вакуум власти или мирный процесс? Менеджмент мира (Б. Кагарлицкий// Новая газета. 2002. №40). Перераспределение вакуума. Судя по фокус-группам, можно прогнозировать увеличение числа сторонников СПС и «Яблока». Это эффект политического вакуума (С.*

Белановский // Консерватор. 2002. №13). *Сейчас в нашей стране существует некий идеологический вакуум, который не заполняет и современная литература* (Л. Столяренко// Новая газета. 2002. №46). *Идейный и политический вакуум стал главной проблемой для Петербурга* (С. Шелин// Новое время. 2003. №39). *Мешает делу информационный вакуум* (И. Иванов // Россия. 2003. №15).

Можно сказать, что значимость метафорических концептов *атмосфера* и *воздух* развивается и поддерживается контекстуальным противопоставлением «воздух – вакуум», благодаря чему в дискурсе СМИ возникает бинарная оппозиция «свобода – несвобода», актуализирующая ценностные ориентации современного русского общественного сознания.

Концепты *потепление* и *оттепель* в источниковой сфере характеризуют тепловое состояние чего-либо: потепление – наступление теплой погоды, переход к более теплой температуре воздуха; оттепель - теплая погода (зимой, ранней весной) с таянием снега, льда. Дискурс СМИ использует позитивный потенциал концептов: улучшение международной обстановки метафорически обозначено концептом *потепление*; вера в будущее, ощущение свободы - концептом *оттепель*. Ср.: *Потепление в отношениях между Россией и Грузией вполне выглядело таковым лишь два дня. И начало, и конец краткого потепления были связаны с одним и тем же информационным поводом – экстрადицией из Грузии 13 чеченских боевиков. «Глобальное» же потепление между Россией и Грузией не может состояться* (К. Казенин // Консерватор. 2002. №7). *В глазах многих американцев российские государственные и предпринимательские структуры выглядят коррумпированными. В такой ситуации трудно рассчитывать на скорое и значительное потепление двусторонних отношений* (М. Голдман // Век. 2001. №22). *Оттепель – это всегда временно* (Т. Болотовская // Консерватор. 2003. №1). *Как бы сегодня ни складывались отношения между Россией и Западом, становится очевидно, что «оттепель», переходившая порой в любовь в период после распада СССР, не была взаимной* (Е. Мячин // Век. 2000. №48). *В начале 90-х годов мы верили, что от нашего голосования зависит наша жизнь. Тогда была весна. Точнее, нам казалось, что была весна. На самом деле это была лишь оттепель* (Б. Вишневецкий// Новая газета. 2004. №6). *Сегодня многое напоминает то, что было 40 лет назад, во времена хрущевской оттепели. Ощу-*

щение такое, что сейчас заканчивается вторая оттепель, которая была более длительной и глубокой, но которая уже прошла (Н.Донсков // Новая газета. 2003. №71).

Вместе с тем, как видно из примеров, эмотивные смыслы «чего-то приятного, надежды, свободы, ослабления гнета», актуализированные фоновыми знаниями (хрущевская оттепель), не всегда поддерживаются окружающим контекстом. Это происходит за счет указания на краткость, недолговременность (*погрепление краткое, всегда временно, выглядело таковым два дня, заканчивается, прошло*) или невозможность осуществления (*не может состояться, трудно рассчитывать, не была взаимной*).

Особенно ярко метафорический потенциал анализируемых концептов проявляется в противопоставлении «оттепель – заморозки»: подчеркивается невозможность предотвратить ход истории, несмотря на то что этот ход в своем движении очень часто направлен назад. Ср.: *Неосоветизм по-своему неизбежен. И дело здесь не только в том, что вслед за реформами и «оттепелями» неизбежно следуют реставрации, откаты, «заморозки», «стабилизации»* (А. Альтер// Новое время. 2000. №10). *Это не было неожиданностью. Мы все время ждали чего-то в этом роде. Мы твердо знали, что оттепели в России кончатся морозом. Слишком хрупка и слишком уж подарочна была перестроечная свобода, слишком мала была чайная ложечка, с которой ее давали* (В. Новодворская// Новое время. 2001. №33). *Отец оттепели и сторонник заморозки спорили о вольном русском слове. Сошлись на том, что свобода неприкосновенна, но закон есть закон* (И. Мильштейн// Новое время. 2001. №9).

Подобные метафорические употребления актуализируют характерную для дискурса СМИ ценностную бинарную оппозицию «свобода – несвобода», выраженную в данном случае концептуальными метафорами «свобода – это оттепель», «несвобода – это заморозки».

Развивают и усиливают созданную оппозицию концепты *похолодание, холод, мороз, вечная мерзлота, ледниковый период* и др., представляющие в источниковой сфере очень холодную погоду, с низкой температурой. Область цели данных концептов - ситуация в стране, которую можно охарактеризовать как ситуацию ограниченной свободы и вследствие этого опасную. Ср.: *Точка замерзания. Мороз как главная угроза национальной*

безопасности (Новое время. 2001. №4). С таким жерновом на шее, как наши спецслужбы, нам не вернуться «с холода». С нашей вечной мерзлоты (В. Новодворская// Новое время. 2001. №35). Правительство не уверено в элементарном исполнении бюджета. Морозы сделали его поистине отморозенным (Д. Орлов// Новое время. 2001. №2–3). 15 лет назад перемены в нашей замороченной и замороженной коммунизмом стране начались с того, что всего-то высвободили Слово – это называлось здорово, но непонятно: Гласность (А. Пумпянский// Новое время. 2001. №15). Мы находимся в состоянии государственной монополии на информацию. Не думал, что это будет так стремительно; думал, похолодание будет постепенным, но ледниковый период наступил практически мгновенно (Н. Донсков// Новая газета. 2003. №71).

Однако данные метафорические концепты не всегда выражают отрицательную оценку: некоторая жесткость, ограничения, в которых проявляется твердость характера главы государства, иногда могут давать и положительные результаты. Ср.: *В конце 90-ых люди начали понимать: для того чтобы делать свою работу хорошо и эффективно и чтобы власть тебя слышала, общественным организациям надо консолидироваться, создавать неиерархические сети, которые поддерживали бы друг друга. И вот эти Путинские заморозки, мнимые или реальные, это его строительство вертикалей резко ускорили процесс консолидации (Н. Овсянян// Новое время. 2002. №14).*

Таким образом, в дискурсе СМИ особо значимой становится бинарная оппозиция «свобода – несвобода», созданная при помощи метафорического противопоставления концептов *оттепель - заморозки*. Прагматический смысл можно сформулировать следующим образом: кризисные ситуации в стране неизбежны, даже в какой-то степени закономерны, однако человек может и должен влиять на них, ориентируясь на ценности свободы, права, порядка и др.

Не меньшую значимость в дискурсе СМИ имеет противопоставление стоячей и текучей воды. *Стоячая вода – зловонное, гнилостное, гниющее, зыбкое, вязкое, едва колышущееся болото; наполненная тухлой водой бочка - концептуализирует застой, нечто, лишенное развития, прогрессивного движения. Ср.: Если сравнить культуру с водоемом, то существуют полноводные реки, ручейки, впадающие в океаны. А есть еще дубовая бочка, расположенная на вы-*

ходе из сауны, в которую прыгают распаренные людишки. Полноводная река нашей культуры остановилась и тухнет в этой бочке (С.Бугаев // Новая газета. 2003-04. №97). В болоте браваурных американских сводок новостей...раздался гнилостный всплеск. По стоячей воде пошли круги – и зачихли. Болото умеет хранить тайну. Неудобная новость глушится, обесмысливается, запутывается в паутине полуправды (С..Голиков // Консерватор. 2003. №12).

Известно, что текучая вода – река, ручей, океан, море, поток, волна, водопад - не может не работать: образовав единый поток, она начинает перемещать вниз по течению все, что попадает ей на пути. Сначала сила потока невелика, но после того как поток сливается с другими, его энергия невероятно возрастает. Так, концепт *текучая вода*, проецируемый на понятийные области политики и экономики, вызывает следующие ассоциации: значимость, непрерывное движение, устремленность вдаль, сила, трудолюбие, беспокойный характер. Ср.: *Традиция, обычай – самоопределение народа в условиях полной и тотальной неопределяемости. Народ течет в традициях, как река по руслу. Они – его коллективное право, его самовыражение. Может река выйти из русла в половодье, так и народ может выйти из традиции – в период, скажем революции, но все равно все вернется на круги своя. Высохнут, заболотятся революционные разливы, закваскают лягушки, а народ – вона, течет себе по основному руслу. Поставьте народу камень, напишите на нем «закон» - обогнет народ камень и потечет дальше (А.Новиков// Новое время. 2002. №16).*

В дискурсе средств массовой информации водный поток/текучая вода выступает прежде всего как актант: РЕКА *владеет, льется, течет по руслу, течет медленно, но в одну сторону, может выйти из берегов; обильные, бурные и мощные ПОТОКИ никогда не иссякнут, протекают, утекают, хлещут, могут хлынуть, побежать быстрее; ВОДОПАДЫ обрушатся, хлынут, льются и т. д.*

Таким образом, в СМИ посредством противопоставления концептов *воздух – вакуум, оттепель – заморозки, стоячая вода – текучая вода* реализуются бинарные оппозиции «развитие – застой» и «свобода – несвобода», актуализирующие ценностные ориентации современного русского общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1.Бородулина Н. Ю., Коломейцева Е. М. Аксиологичность метафоры (на примере французских экономических текстов). Тамбов, 2000. С. 46.

2.Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск, 2000.

3.Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

4.Методология исследования политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Выпуск 1. Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998. С. 220.

5.Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. №3.

6.Рудин А.М. Вакуум // Большая советская энциклопедия (в 30 томах) / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3. . 4. М., 1971.

7.Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000). Екатеринбург. 2001.

© Чудакова Н.М., 2004

Чудинов А.П.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ОПИСАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Исследование метафоры продолжается уже более двух тысячелетий и библиография по этой проблеме практически необозрима. Многообразие возможных подходов к пониманию сущности метафоры отражает сборник «Теория метафоры» [1990] под редакцией Н.Д. Арутюновой. Детальный обзор самых современных публикаций по теории метафоры представлен в монографиях О.Н. Лагуты «Метафорология: проникновение в реальность» [2003] и «Лингвометафорология: основные подходы» [2003]

Одним из наиболее перспективных направлений в современной метафорологии стала когнитивно-дискурсивная теория метафоры, которая возникла и развивается в рамках когнитивной лингвистики. Важно подчеркнуть, что новая теория не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Она просто предложила использовать при исследовании метафор принципы когнитивной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани в, казалось бы, хорошо известном феномене. Современная когнитивистика (М. Джонсон, Ф. Джон-

сон-Лэрд, Е. Киттей, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, В.В. Петров, Т.Г. Скребцова, А.П. Чудинов и др.) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира, ввести новую категоризацию в представление, казалось бы, хорошо известных феноменов.

Выделим важнейшие признаки когнитивного подхода к изучению метафоры. Во-первых, метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания, концептуализации и категоризации мира: в процессе мыслительной деятельности аналогия играет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-то более знакомой и понятной сферы. При метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы. Метафора — это не средство украшения уже готовой мысли, а способ мышления, повседневная реальность языка.

Во-вторых, сам термин **«метафора»** понимается (в соответствии с общими принципами когнитивистики) как своего рода гештальт, сетевая модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости. Как известно, в лингвистике иногда разграничивают разные аспекты метафоры и даже разные значения рассматриваемого термина. Метафора может осознаваться и как слово, имеющее образное значение, и как процесс метафорического развития словесной семантики в языке или в конкретной коммуникативной ситуации; метафорой называют и целую группу слов с однотипными метафорическими значениями (военная метафора, зооморфная метафора, метафора в медицинском дискурсе и др.), метафора может пониматься также как форма мышления или как когнитивный механизм коммуникативных процессов, механизм получения выводного знания. Кстати, именно наличием

подобных вариантов объясняется отсутствие общепринятого определения рассматриваемого термина. В настоящем исследовании в зависимости от контекста **метафора** содержательно соотносится и с механизмом, и с процессом, и с результатом в его единичном или обобщенном виде, и с формой мышления. Такой подход оказался удачным способом своего рода объединения относительно автономных явлений с яркими чертами фамильного сходства. При необходимости конкретизации используются составные наименования — метафорический процесс, механизм метафоризации, метафорическое значение и др.

В-третьих, для когнитивной теории характерен широкий подход к выделению метафоры по формальным признакам. Например, если в других теориях среди компаративных тропов отчетливо разграничиваются сравнение, то есть троп, в котором имеется формальный показатель компаративности (*как, будто, похож, словно* и др.), и метафора, признаком которой считается отсутствие указанных показателей, то при когнитивном подходе обе рассматриваемые разновидности относятся к числу широко понимаемых метафор. Еще менее важно для когнитивной лингвистики разграничение глагольных и именных, предикативных и генитивных, а также иных видов метафор, выделение которых основано на собственно языковых признаках. В соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык — это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, фразеологию, морфологию и синтаксис. Иначе говоря, смысловое уподобление воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия. Разумеется, специфика названных выше видов метафоры не отрицается, но внимание исследователя бывает сосредоточено на совершенно иных аспектах изучения рассматриваемого феномена.

В-четвертых, для когнитивной теории характерен широкий подход при выделении метафор по содержательным признакам. По мнению Н.Д. Арутюновой, метафорой в широком смысле «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова Н.Д., 1990: 296-297]. В этом случае не акцентируются, в частности, семантические, стилистические, эстетические и иные различия между метафорой и сравнением (имплицитность и эксплицитность аналогии, лаконичность и развернутость конструкции, степень прозрачности смысла и его двойственность, «смешивание», «скрещивание» смыслов и др.). При

широком понимании в качестве метафоры рассматриваются не только сравнения, но и другие феномены с элементом компаративности: метаморфоза, гипербола, некоторые перифразы, фразеологизмы и др. Например, в следующем фрагменте сосредоточены фитоморфные (по сфере-источнику) образы, обозначающие политические реалии:

В минувший год НПСР был похож на дерево, охваченное бурей, которая ломала ветки и сдирала листву. Эта буря унесла много желтых листьев, незрелых плодов, чахлых, нестойких побегов. Под этим потрепанным деревом по сию пору никому не нужные лежат Подберезкин, Лапшин и Тулеев. И их начинает точить червь забвения. Но дерево в своем стволе, корнях и ветвящейся кроне не сломалось. Стремительно набирает новые соки, одевается свежей листвой, обретает новую высоту и ширь (В. Чикин, А. Проханов).

Нетрудно заметить, что текст начинается со сравнения (НПСР был похож на дерево), в котором представлены все основные компоненты: то, что сравнивается (*политическое движение НПСР*), то, с чем сравнивается (*дерево, охваченное бурей*), показатель сравнения (*похож*) и даже символ сравнения, признак, по которому сопоставляются НПСР и охваченное бурей дерево (как буря ломает и уносит ветки и листву, так минувший год привел НПСР к потере некоторых членов). Далее следуют собственно метафоры: можно догадываться о содержании, которое несут метафорические образы (например, покинувшие НПСР политики, видимо, представлены как *сорванные бурей желтые листья, незрелые плоды, чахлые нестойкие побеги*, а сама организация представлена как *дерево, которое в своем стволе, корнях и ветвящейся кроне не сломалось... стремительно набирает новые соки, одевается свежей листвой, обретает новую высоту и ширь*). Однако в собственно метафорических образах нет сравнительных связей (показателей сравнения) и других необходимых для типичного сравнения компонентов. Отметим также, что именно такой путь (от сравнения к собственно метафоре) типичен для развертывания метафоры, он показывает динамику развития метафорического образа и отражает процесс «вызревания» метафоры. Представляется, что при восприятии рассматриваемого фрагмента однотипность модели развития смысла значительно важнее различий в форме выражения уподобления (использование собственно метафор или образных сравнений). Как справедливо отмечает И.М. Кобозе-

ва, при анализе политической метафоры имеет смысл признавать «метафорами, или, выражаясь более осмотрительно, метафороподобными выражениями, все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [Кобозева И.М., 2001: 136-137]. Вместе с тем едва ли имеет смысл относить к числу метафор элементы, совершенно лишенные образности, например некоторые сопоставления [там же]. Ср.: Политическая программа «Яблока» очень напоминает программу «Союза правых сил»; Партии «Яблоко» и «Союз правых сил» во многом похожи.

В подобных случаях нет реально того феномена, который Аристотель называл перенесением имени «с вида на вид», нет представления одного фрагмента действительности с использованием концептов, относящихся к иной сфере. По-видимому, не обладают образностью и генетические (мертвые, стертые, конвенциональные) метафоры (*глава государства, партия идет в правильном направлении, левое и правое политические движения* и др.), однако следует помнить, что в определенных контекстуальных условиях мертвые метафоры могут «воскреснуть», и их «стертая» внутренняя форма начинает восприниматься как достаточно заметная. Способы контекстного оживления стандартных политических метафор при помощи их развертывания и конкретизации в тексте подробно рассматривают А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов [6].

В исследовании Х. де Ландшер [7] при подсчетах степени метафоричности текста индивидуально-авторские креативные метафоры учитываются как в три раза более значимые, чем стертые метафоры. При всей условности подобных вычислений очевидно, что именно яркие метафоры привлекают к себе внимание читателя. Ср.:

Путин... подковал и поставил в стойло иноходцев-губернаторов, назначив над ними семь строгих конюхов, но те лузгают семечки, а иноходцы прогрызают стены конюшни... Он разгромил две виртуальные империи — ОРТ и НТВ. Прогнал под дождь нашкодившего от возбуждения Доренко и вырвал клыки саблезубому тигру Киселеву, вставив ему в челюсти клочки промокашки, но вся русофобская тля, как и прежде, облепила экраны (А. Проханов).

Метафоре традиционно противопоставляется метонимия, к которой при широком подходе относят также синекдоху и литоту. Специалисты отмечают, что метонимия в отличие от метафоры

представляет собой перенос наименования по смежности (временной, пространственной, каузальной и др.). Вместе с тем необходимо отметить, что в политической речи метонимические переносы не менее значимы, чем метафорические. Показательно, что в последние годы наряду с моделями концептуальной метафоры все чаще и чаще описываются метонимические модели, которые также рассматриваются как своего рода схемы человеческого мышления. Так, Дж. Лакофф [8] отмечает, что война Соединенных Штатов против Ирака в 1991 году метонимически представлялась в политической речи как война против 1) президента Саддама Хусейна, 2) против Багдада, 3) против народа Ирака, 4) против иракской армии, 5) против арабов. Каждое из этих наименований имеет смысловые нюансы и представляет собой специфическую категоризацию одного и того же противника. Использование потенциала метонимии — один из эффективных способов прагматического воздействия, ведущего к преобразованию существующей в сознании адресата политической картины мира.

Использование предложенной Е.С. Кубряковой когнитивно-дискурсивной методики предполагает изучение метафоры с учетом многообразных взаимоотношений между языком, мышлением и коммуникацией, между спецификой политического дискурса и состоянием общества. Метафора в политической коммуникации не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира. Дискурсивный подход к изучению политической метафоры означает исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами. Метафора изучается с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста читателями, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в социальной жизни страны.

При таком подходе предметом исследования становится не отдельная метафора, а система метафорических моделей. Метафорическая модель — это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы-магнита. При таком моделировании обычно сохраняются и эмотивный потен-

циал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу читателя в процессе коммуникативной деятельности.

В соответствии со сложившейся традицией для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать ее следующие признаки:

1. Исходную понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-источник, сферу-донор) метафорической экспансии.

2. Новую понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-мишень, сферу-магнит, денотативную зону, рецепиентную сферу, направление метафорической экспансии).

3. Относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу).

4. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации.

5. Компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) компоненты охватываемых данной моделью единиц. Это позволяет выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих концептов, почему понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы.

При дальнейшей характеристике метафорической модели обычно можно определить ее типовые сценарии, ведущие концептуальные векторы, продуктивность и частотность, выявить прагматический потенциал рассматриваемой модели, то есть типовые особенности воздействия на адресата, а также "тяготение" модели к определенным сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям и т.п.

Если взять за основу понятийную дифференциацию сфер-источников метафорического моделирования, то можно выделить четыре основных разряда моделей в современных российских СМИ.

1. Антропоморфная метафора. При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятиям сферам "Анатомия", «Физиология», "Болезнь", "Секс",

"Семья" и др. В данном случае человек моделирует социальную реальность исключительно по своему подобию.

2. Натуроморфная метафора. Источниками метафорической экспансии в этом разряде служат понятийные сферы "Животный мир", "Мир растений", «Мир неживой природы (ландшафт, метеорология, стихии и др.)», то есть социальные реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.

3. Социоморфная метафора. Исследуются концепты, относящиеся к понятийным сферам из социальной сферы: "Преступность", "Война", "Театр (зрелищные искусства)", "Игра и спорт".

4. Артефактная метафора. Исследуются такие понятийные сферы, как "Дом (здание)", «Транспорт», "Механизм", «Домашняя утварь» и др. В данном случае политические реалии представляются как предметы, созданные трудом человека.

Названные разряды метафор можно схематично представить как "Человек и Природа", "Человек и Общество", "Человек и результаты его труда", "Человек как центр мироздания".

Важно подчеркнуть, что в основе каждой понятийной сферы лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. Именно поэтому выделяется, например, понятийный разряд "Человек и природа", а не категория (или семантическое поле) "Природа". В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира. Всякий концепт является не изолированной единицей, а частью домена (ментального пространства, понятийной сферы). Концепты, как и домены в целом, отражают не научную картину мира, а обыденные ("наивные") представления человека о мире (В.Гумбольдт и неогумбольдтианцы, американская этнолингвистика, гипотеза лингвистической относительности Сэпира-Уорфа, а также современные публикации Дж.Лакоффа и М.Джонсона, Ю.Д.Апресяна и др.). Вместе с тем следует согласиться с мнением Е.С.Кубряковой о том, что для современного человека характерен «известный отход от наивной модели мира, или, во всяком случае, переход от этой модели мира к более изощренной, происходящий под явным воздействием прогресса науки и возникновения новых высоких технологий, развития промышленности и индустрии и т.д.» [Кубрякова Е.С., 2004: 11].

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование политического языка.

Способность к развертыванию в тексте — важнейшее свойство концептуальной метафоры. Например, если в тексте появляется та или иная концептуальная метафора (например, **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА**), то можно ожидать ее развертывания по самым разнообразным направлениям и соответственно фреймам и слотам. Политические войны, как и настоящие боевые действия, ведутся по определенным законам, в них есть победители и побежденные, каждая армия иерархически организована, в ее составе выделяются батальоны, полки, дивизии и другие структурные подразделения, участники боев имеют разнообразные воинские специальности (диверсанты, разведчики, пехотинцы и др.), в штабах разрабатывается стратегия и тактика военных действий, участники боевых действий атакуют и защищаются, они применяют различные виды вооружений и т. д. Примером такого развертывания модели в пределах относительно небольшого фрагмента текста может служить отрывок из статьи М. Соколова:

Представьте себе армию, где вовсе нет младших офицеров, где старшие офицеры проводят все время в грызне между собой, пришельцы со стороны соглашаются поступать на службу лишь в чине не меньше генерал-лейтенанта, где на время скоротечных перестрелок спешно нанимают немного ландскнехтов, а бодрый главнокомандующий все время орет: «Вперед, чудо-богатыри!» Эта победоносная армия — наша нормальная российская партия (Известия. 2001. 26 апр.).

В пределах последующего текста статьи продолжается развертывание концептуальной метафоры **ПАРТИЯ — это АРМИЯ**. В более объемном тексте нередко обнаруживается взаимодействие метафорических моделей с однотипными сферами-источниками, сферами-магнитами и концептуальными векторами.

Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры предполагает особую роль изучения закономерностей функционирования метафорической модели в политическом нарративе, то есть комплексе разнообразнообразных текстов, связанных с отражением одной и той же политической ситуации [10, 11, 12]. Такое иссле-

дование позволяет рассмотреть метафорическую модель в тесной взаимосвязи с ситуацией создания текста, способствует выявлению закономерностей взаимодействия между политическим событием и способами его метафорического моделирования с учетом коммуникативных условий создания и восприятия текста. При подобном подходе нарративный анализ оказывается одним из эффективных приемов современной когнитивной лингвистики. Для лингвистического мониторинга общественного сознания в этот период очень показательны способы метафорического представления действительности, которые находили различные по творческой манере и таланту авторы при описании одних и тех же героев и событий в произведениях самых различных жанров и стилей, предназначенных для изданий, которые представляют весь спектр политической жизни страны.

Важнейший признак нарратива — это возможность существования в нем множества повествователей, каждый из которых ориентирован на свой круг адресатов и в зависимости от ситуации может использовать тексты различных стилей и жанров. Политический нарратив объединяется политической ситуацией (событием, проблемой), которую он отражает и интерпретирует. Важно подчеркнуть существенное отличие политического нарратива от художественного. Для политического текста, как правило, нехарактерно существование нескольких повествователей, сложное соотношение образа автора и образа повествователя и соответственно выражение в пределах текста нескольких разнообразных точек зрения. Вместе с тем «информационный повод» и состав описываемых событий нередко совпадают во множестве указанных текстов, что позволяет рассматривать их как определенное содержательное единство.

Политический нарратив всегда существует в определенной политической ситуации и завершается вместе с изменением ситуации. В качестве примера политического нарратива можно привести комплексы разнообразных текстов, связанных с российскими президентскими выборами 2000 года или с кампанией за возбуждение процедуры импичмента президента Б. Н. Ельцина в 1999 году. Для политического нарратива характерны следующие признаки:

- тематическое единство;
- общность основных «героев» (конкретных политиков, партий и др.);
- общая событийная канва (литературоведы назвали бы ее сю-

жетом, или фабулой);

- локализованность во времени (например, политический нарратив «Президентские выборы-2000 в России» начал свое существование незадолго до официального объявления о назначении выборов, а закончил вскоре после избрания В. В. Путина);

- локализованность в пространстве (например, для региональных выборов — это регион, для федеральных — страна в целом);

- многоголосие участников политической борьбы, интересы которых отражаются в соответствующих текстах;

- множественность повествователей и соответственно разнообразие рациональных и эмоциональных оценок.

Каждый из повествователей выделяет в своем тексте те или иные события и, возможно, оставляет за пределами своего внимания какие-то иные факты, по-своему структурирует соответствующую событийную канву, создавая тем самым в своих текстах оригинальную политическую картину мира. Каждый из составляющих нарратив текстов имеет те или иные интенции и ориентирован на определенную аудиторию. Отметим также, что пространственная и темпоральная локализованность нарратива не абсолютны: так, последние в XX веке российские президентские выборы обсуждали не только в России и это обсуждение продолжается (преимущественно в научной литературе, в мемуарах) до сих пор, но это уже дальняя периферия рассматриваемого нарратива.

Для дискурсивного исследования особенно значимо развертывание нарративного сюжета. Сюжет политического нарратива — это последовательность основных событий. Например, сюжет рассматриваемого ниже политического нарратива — это назначение на март 2000 года выборов президента Российской Федерации и некоторые предшествующие ему факты (уход Б.Н. Ельцина с поста президента России в последний день 1999 года и последующее исполнение В.В. Путиным обязанностей президента), выдвижение кандидатов, агитационная кампания, голосование, подведение его итогов, их обсуждение в средствах массовой информации, на съездах и пленумах политических организаций и т. п.

Развитие политических событий отражается во множестве текстов, которые созданы кандидатами на пост Президента, членами их «команд» и политическими оппонентами, журналистами без ярко выраженной политической позиции, политическими аналитиками, поддерживающими одного из кандидатов, и

др. Некоторые из этих текстов имеют большой общественный резонанс, на их основе возникают вторичные политические тексты (отклики, критические статьи и т. п.), а некоторые оказываются на периферии общественного внимания и поэтому мало заметны в составе нарратива.

Для каждого повествователя характерен свой «голос» — своя точка зрения, специфическая рациональная и эмоциональная оценка политических событий и отражающих их элементов нарратива (эта оценка способна развиваться вместе с событиями); существуют также коллективные «голоса» — официальные политические оценки, которые создаются от имени партии или иной организации и принимаются как официальные документы. Со временем та или иная оценка политических событий может стать, по существу, общенациональной — принятой большинством граждан государства (например, оценка политического события «Великая Отечественная война»).

Определенные типы политических нарративов (например, отражающих парламентские выборы) имеют общие черты: в частности, замечено, что во время избирательной кампании особенно обостряются противоречия между партиями, тогда как парламентарии более толерантны к убеждениям коллег. Однако «нельзя войти дважды в одну и ту же воду» — каждый новый политический нарратив (например, российские парламентские выборы 1995 и 1999 годов или российские и американские президентские выборы 2000 года) имеет специфические признаки, отражающие особенности политической ситуации: состав «героев» и «повествователей», находящиеся в центре внимания проблемы, стратегия и тактика борьбы, типовые оценки тех или иных фактов и др.

Герои политических нарративов часто обрисовываются повествователями не столько как конкретные люди со своими идеями и характерами, сколько в виде неких условных образов, среди которых выделяются ДОБЛЕСТНЫЕ ГЕРОИ и ЗЛОДЕИ, ВОЖДЫ и ВЕДОМЫЕ (слуги, свита, воины), НАРОДНЫЕ ЗАСТУПНИКИ, ХАРИЗМАТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ и ХОЗЯЙСТВЕННИКИ, СВОИ и ЧУЖИЕ, ЖРЕЦЫ, СПЕЦИАЛИСТЫ-ТЕХНОКРАТЫ и РАБОЧИЕ ЛОШАДКИ. В свое время В.Я. Пропп создал морфологию волшебной сказки, выделив в ней 31 семантическую функцию. По-видимому, определенное количество основных семантических функций можно установить и для героев политического нарратива «Выборы».

В современной теории текста важную роль играют текстовые категории — ведущие признаки, которые, собственно, и позволяют воспринимать текст как некоторое единство. К числу общепризнанных текстовых категорий относятся **целостность** (когерентность), **связность**, **законченность** и **модальность** (Л.Г. Бабенко, И.Р. Гальперин, А.А. Леонтьев, Э.А. Лазарева, Л.М. Майданова, Т.М. Николаева, Е.А. Реферовская, Г.Я. Солганик и др.). Можно заметить, что все эти категории в той или иной мере присущи и нарративу, хотя очевидно, что нарратив (как и газетный номер, комплекс политических лозунгов или близких по теме художественных произведений) — это все-таки не текст в его классическом понимании.

В целом когнитивно-дискурсивный подход к исследованию позволяет по-новому взглянуть на многие аспекты порождения и функционирования политической метафоры. Поскольку метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания, концептуализации и категоризации мира, то особую значимость приобретает ее когнитивная функция. При этом метафора понимается как своего рода гештальт, сетевая модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости. Поскольку для когнитивной теории характерен широкий подход к выделению метафоры по формальным и семантическим признакам, то смысловое уподобление квалификации данного феномена воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия. В наиболее полном виде метафора должна рассматриваться как составляющая национальной парадигмы метафорических моделей и в то же время как единица нарратива и дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория метафоры: Сб./ Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. Вступит. ст. и сост. Н.Д.Арутюновой. М: Наука - 1990.
2. Лагута О.Н. Метафорология: проникновение в реальность. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. ун-та - 2003
3. Лагута О.Н. Лингвометафорология: основные подходы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. ун-та - 2003
4. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сб./ Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. Вступит. ст. и сост. Н.Д.Арутюновой. М: Наука - 1990.

5. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2001, № 6.

6. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. - М: Русский язык - 1994.

7. De Landtsheer Ch. Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // Communication and cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4.

8. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Galf // D.Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.

9. Кубрякова Е.С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. Материалы 1 междунар. научн. Конф. 22-24 апреля 2004 года. Том 1. Москва – Тамбов, 2004.

10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.- Волгоград, 2000.

11. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003.

12. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003.

© Чудинов А.П., 2004

Шаповал В.В.

ВЛАСТЬ КАК ЛЕКSIКОГРАФ (ЦЫГАНСКОЕ СЛОВО В СЛОВАРЕ БЛАТНОГО ЖАРГОНА)

Цыганских слов в словарях русских жаргонов много. Больше, чем польских, татарских, немецких. Ни одному экзотическому языку не «повезло» так, как цыганскому. Однако основная масса слов не имеет отношение к жаргону. Это более или менее случайные записи слов и фраз, которые, раз попав в словарь, потом переписываются из издания в издание.

Не все ясно в интересующем нас вопросе, но можно утверждать, что в конце XIX века на российской почве мы уже имеем дело со сложившимся мифом. В самом деле, основательных работ по цыганскому языку в России еще практически нет. Да и русский жаргон еще толком не исследован. Но многие уже заранее уверены, что в тайном языке преступников должны быть и в значительном количестве цыганские слова. Откуда взялась эта уверенность, еще предстоит выяснить. Во всяком случае, нельзя

не обратить внимание на категоричность суждений общего характера. Вот одно из них, высказанное полицейским чиновником: «Ознакомившись даже бегло с языком наших русских преступников, нетрудно заметить, что он носит характер интернациональности: в нем попадаются слова из языков всех народов, среди которых преступники проявляют свою деятельность, в особенности же много в нем слов и выражений, заимствованных из языка тех племен, которые, как и бродяжничающий повсюду класс профессиональных преступников, волею судеб осуждены влачить жалкое существование, не имея отечества, промышляя также среди других народов, а именно цыган и евреев» [Лебедев, 1909: № 22. – С. 456-458 (а-к); № 23. – С. 477-478 (л-п); № 24. – С. 499-500 (р-я); цит. по: Козловский, 1983: 198]. И, что характерно, больше ни слова ни о цыганах, ни о евреях во всем тексте пространного и неспешного предисловия. Не удивительно, что и в словаре В. Лебедева мы напрасно будем искать слова цыганского происхождения.

За такими категоричными суждениями, как приведенные выше, стоит не научный анализ, а расхожее представление о том, что цыганский язык придуман, чтобы скрывать «преступные мысли и дела» [Друц, Гесслер, 1985: 5; Баранников, 1931: 144. Ср. суждение 1613 г.: «Lingua fictitia Zingarorum quam Rotwelsch vulgo vocant» – «Вымышленный язык цыган, который Rotwelsch (воровской жаргон, нем.) по-простонародному называется» (Kluge, 1901: 128)]. Спорить с ним бессмысленно. Здесь более любопытно присмотреться к тому, как подспудное убеждение власти трансформируется в лексикографические описания в служебном словаре, как голос власти вплетается в научный текст.

Лишь десятилетия спустя к этому процессу приложила руку и большая наука. Правда, она была не первой, материал для анализа был собран до научного анализа представителями правоохранительных органов. Но тем не менее в лингвистической литературе вопрос о словах цыганского происхождения в русском жаргоне был поставлен. В 1931 г. вышла статья акад. А.П. Баранникова «Цыганские элементы в русском воровском арго» [Баранников, 1931: 139-158].

Основные выводы статьи А.П. Баранникова таковы:

1. «Число выделенных цыганских элементов [в криминальном жаргоне] превышает две сотни» (С. 145).

2. «Цыганизмы [в криминальном жаргоне] «составляют в нем своеобразно законченную группу, давая наиболее употребительные глаголы, имена существительные, почти все числительные, некоторые из личных местоимений и особенно часто употребительные прилагательные и наречия» (С. 158).

3. «Из всех русских аргó цыганские элементы выступают полноценным компонентом только в воровском языке» (С. 139).

Эти выводы были более или менее полно приняты и развиты специалистами [Костов, 1956: 411-425; Бондалетов, 1967: 235-243; Horbatsch, 1978: 10-11; Грачев, 1997: 82-85; Елистратов, 2000: 643-645]. Попытки кардинально уточнить выводы А.П. Баранникова или даже аргументировано оспорить – единичны [Шаповал, 1997: 62-63; Деметер, Бессонов, Кутенков, 2000: 148-152, 314, 328]. Обратимся к детальному анализу выводов А.П. Баранникова.

Вывод 1. «Число выделенных цыганских элементов [в криминальном жаргоне] превышает две сотни» (С. 145). Однако Олекса Горбач насчитал в работе А.П. Баранникова около 120 слов [Horbatsch Olexa. Op. Cit: 10]. Я в списке Горбача насчитываю 116 слов и словосочетаний, квалифицированных А.П. Баранниковым (но далеко не всеми специалистами) как цыганизмы. Если учитывать варианты слов отдельно, то набирается 125 единиц. Это никак не «превышает две сотни». Итак, акад. А.П. Баранников не слишком точен в этом отношении.

В том же сборнике в первой (и программной) статье отдела о русском жаргоне Б.А. Ларин писал: «В русском аргó мы находим несколько меньше гебраизмов и значительно больше цыганизмов, чем в старом и особенно немецком аргó» [Ларин, 1931: 115 (113-130)]. Что же заставило автора «округлять» 125 кое-как (о чем ниже) выявленных цыганизмов до 200 с лишним, а редактора – подчеркнуто выдвигать основанный на этой спорной цифре вывод как один из основных в своей статье? Похоже, что это был вопрос политический, за этим видна какая-то неакадемическая тенденциозность. Позиция Н.В. Бессонова по этому вопросу такова: «Причина, по которой А.П. Баранников вводил читателя в заблуждение, скорее всего, кроется в исторической обстановке. В начале тридцатых годов цыган пытались сделать колхозниками. Нужно было идеологически подготовить общество к идее, что будет гораздо спокойнее, если прикрепить кочевой народ к земле. Естественно, для этого требовалось «научно» обосновать уже существовавшее мнение об их предельной

криминальности. Академик А.П. Баранников, индолог по научной специализации, выполнил социальный заказ – причём не только в указанной, но и во всех остальных работах по цыганской тематике» [Деметер, Бессонов, Кутенков, 2000: 152].

Действительно, в журнале «Романы зоря» (№ 3-4, август 1930 г.) колхозная тема – главная: А.С. Тараново «Ваш колхозно строительство» (С. 1-3), Д. Саввов «Рома и коллективизация» (С. 6-9). Однако несуразности в статье можно критиковать и с иных, лингвистических позиций. Эта сделано и в упомянутой выше «Истории цыган», где авторы убедительно показывают, что некоторые рассуждения и доказательства А.П. Баранников настолько странны, что не вызывают доверия у любого сколько-нибудь внимательного читателя.

Правда, акад. А.П. Баранников при характеристике источников и сам *честно намекает*, если можно так выразиться, что с источниками не все в порядке: «При рассмотрении цыганских элементов в русском воровском аргю основными пособиями для меня служили следующие собрания по русским аргю:

1. В. Ф. Трахтенберг. Блатная музыка («Жаргон тюрьмы»), под редакцией и с предисловием проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб., 1908.

2. М. В. Попов. Словарь воровского и арестан[т]ского языка. Киев, 1912.

3. С. М. Потапов. Словарь жаргона преступников, М., 1927.

4. Картотека по русским аргю Б. А. Ларина» (С. 145).

Далее он указывает на типичные ошибки, затрудняющие опознание цыганизмов: 1-2) ошибки в записи и/или ошибки в произношении, 3) невнятное толкование, 4) русифицирующая народная этимология – и добавляет отдельным абзацем. «Названными недостатками особенно часто страдает третье из названных собраний, наиболее богатое цыганскими элементами» (С. 146). Так автор сообщает читателю, что источники существенно различаются по главному параметру, ради которого написана статья. После этого читатель-специалист ждет сравнительной характеристики остальных источников. Это как дважды два. Но автор сказал «а» и поставил точку. А дальше идет разговор о средней температуре по госпиталю. Можно попытаться сделать за автора его работу: первые три источника опубликованы.

Количество цыганизмов в 4 источниках (в соответствии с этимологиями А.П. Баранникова) [Включение данных слов в

таблицу не означает, что автор статьи во всех случаях разделяет мнение акад. А.П. Баранникова]:

1. Трахтенберг: **8** слов (*ракол* – босяк, *ляреа* – проститутка, *тырить* – воровать, *ухрять* – убежать, *хавир* – простак, *харить* – трахать, *чирик* – 25 руб., *шкары* – карманы);

2. Попов: **12** слов (*ракло* – босяк и проч. [см. выше], а также: *же* – пароль вора, *хавать* – есть, *шкары* – карманы / брюки, *шухер*, *шухор* – опасность и др.);

3. Потапов: **125** слов и выражений;

4. Ларин: **не менее 1** слова (*дарашля* – иди подальше).

У нас только 1 неизвестное – картотека Ларина [Хранится в Петербурге, но после 1931 года пополнялась]. Поскольку в 3 опубликованных источниках нет только одного слова, из разобранных А.П. Баранниковым, (*дарашля* – иди подальше), то именно картотеке его можно приписать. При оценке выводов А.П. Баранникова «нельзя игнорировать диспропорцию между до- и послереволюционными источниками» [Шаповал, Дьячок: 62]. Разница слишком велика. Словарь С.М. Потапова 1923 г. [Потапов, 1923: 80 с.; цит. по: Козловский, 1983: 161-226], не учтенный А.П. Баранниковым, добавляет: «*мента* – задний ход» (в словаре 1927 г. *менжа*), но дает ошибочно *хватать* вместо *хавать*. И лишь в переиздании 1927 г. вдруг появляется более 100 несомненных цыганских слов, правда, со всеми особенностями рабочей фиксации. (В словари последующих лет попала только их меньшая часть) [Шаповал, Дьячок: 62. Таким образом, данные словаря Потапова 1927 г. нельзя автоматически переносить на дореволюционное аргю, как это делает М.А. Грачев, см.: Грачев М.А., 1991: 128. Например: «акто – восемь» взято в словарь (С. 21), но «актодыша – 80» не взято, однако оба слова впервые включены в словарь русского жаргона Потаповым в 1927 г. Я считаю, что это цыганские вкрапления случайного характера, не имеющие отношения к русскому жаргону. Но М.А. Грачев верит, что это настоящие воровские слова. Тогда почему материал отбирается по стандартам, скрытым от читателя?].

Таким образом, «*третье из названных собраний, наиболее богатое цыганскими элементами*», (формулировка А.П. Баранникова) является в этом отношении уникальным: ни до, ни после 1927 г. ничего подобного не публиковалось. Позднейшие словари робко воспроизводили часть цыганских записей из словаря Потапова 1927 г. Но ни один словарь не решился повторить все его несуразности. Только в словаре Потапова

представлены: *лак мищано от ружинды* 'воровать от своей шайки цыган' (С. 80) = цыг. *лав мищ(ч)ипо о ромындыр* 'беру добро у цыган' [Баранников: 146]; *хапанье* 'кровь' С. 177) = цыг. *[h]о паны* 'вода'; *джуга мартхаш тыни* 'выпить самогонки' (С. 44) = цыг. *чув гамара тхэ аштыни* 'ставь гамару и остатнюю'. Ср. *гамара, гамыра* 'самогонка, спирт' (С. 35). Похоже, что это фразы из диалекта украинских цыган (сэрвов). О диалектной привязке говорит и А.П. Баранников, однако из его статьи остается неясным, отчего остальные диалекты цыганского языка России не представлены так богато «в жаргоне». Мое объяснение таково: в словарь 1927 г. попали записи речи цыган именно этой диалектной группы. И эти невероятные по качеству материалы могут быть объяснены только одним способом: это агентурные записи цыганской речи, сделанные однократно и без всякой попытки разобраться в структуре фраз, или образцы цыганской речи, надиктованные подследственным малограмотному служаке.

При этом «голос власти» слышен в толкованиях так же отчетливо, как в протоколе. Говорят, что на допросах ответ типа «Я не знаю Иванова» записывался в виде: «Не желаю сознаваться в связях с врагом народа Ивановым». Вот так же редактировались в духе протокольной криминализации толкования к цыганским фразам. Например, человек сказал: **битинде грастен* – продали лошадей. А в протоколе появилось что-то, что вскоре было прочитано потом как «*Батенни грас жен* – приемщик краденых лошадей» (Потапов, 1927, с. 12). Эту запись не решились повторить позднейшие словари для служебного пользования. Тем не менее, проф. М.А. Грачев в 1997 г. без разъяснения смысла и структуры словосочетания объявил запись «*батенни грас жен* 'приемщик краденых лошадей'» устаревшим термином конокрадов. И от себя восстановил целых три ударения [Грачев, 1997: 14, 97, 118].

Вывод 2. Цыганизмы «составляют в нем [в криминальном жаргоне] своеобразно законченную группу, давая наиболее употребительные глаголы, имена существительные, почти все числительные, некоторые из личных местоимений и особенно часто употребительные прилагательные и наречия» (С. 158).

Ограничимся минимальным числом примеров. Видимо, дело было так. У человека спросили: как по-вашему брат, сестра? Ответ записали: **пхрал, пхень* – брат, сестра. Потом разнесли по алфавиту так, что С.М. Потапов опубликовал: «*пхень* – брат, се-

стра» (с. 132); а А.П. Баранников отредактировал, чтоб выглядело правильнее: «*пхень* – сестра; брат» (с. 154).

Но некоторые слова даже акад. А.П. Баранников не узнал: «*уэрбайу* – ардом» (Потапов, 1927, с. 170). Это *у *кхэр барру*, точнее о *кхэр барро* – тюрьма, арестный дом, букв.: «дом большой» (о – артикль м.р.). Судя по специфическому отражению гуттурального *pp* в виде *й*, запись речи на влашском диалекте. Уникальна и трактовка акустического впечатления от придыхательного *кх* как зияния.

Звучало в этом большом доме скорби и сэрвитское *граh зурало* – конь сильный. Начальник пометил себе: «Ракзура – во!». Ученый опубликовал уже без эмоций: «*ракзура* – жеребец» (Потапов, 1927, с. 134).

Но особенно хороши «почти все числительные»: «*бешпан* – 5» (Потапов, 1927, с. 13). Это татарское *беш* и цыганское *панч*. Записано явно под диктовку от какого-то барышника: *беш (татарск.) – панч (цыганское) – пять. Еще Патканов опубликовал образцы счета на конной ярмарке: «Для курьеза приведем употребительнейшие из выражений и денежный счет конных барышников, представляющие смесь цыганского с русским и татарским» [Цыганский язык., 1900: 148]. Но в 1927 г. грамотные люди еще переживали проблемы с отменой конечного -ъ. Запись *бешпанч* заподозрили в том, что она имеет в конце не -ч, а старорежимный знак -ъ, и эту невинную конечную -ч ликвидировали как класс. Так возникла запись *бешпан*, где последние три буквы цыганские. Но что в них толку, если числовой ряд, вообще говоря, существует только в цельном виде. Поэтому «почти все числительные» свидетельствуют о том, что в словарь 1927 г. попали случайные цыганские названия чисел, а не устойчивые ряды. Там же читаем офенское: *марник-трефелка* – гривенник с копеечкой, *марник-зюга* – 12 коп., *марник-стремница* – 13 коп., *марник-киссер* – 14 коп. и т.д. и т.п. Этим можно считать. А вот когда *биштопайч* – 25, а *деш-опачу* – 14, а не 15, а между ними прогалы в пять-шесть слов, то этим считать нельзя. Конечно, за анализом такого качества слышится желание попасть в тон власти. В год разгона и посадки первого Союза цыган (общественной организации) такое желание в общем объяснимо.

Вывод 3. «Из всех русских аргос цыганские элементы выступают в качестве довольно полновесного компонента только в воровском языке» (С. 139).

Даже если бы все этимологии А.П. Баранникова были бесспорными, то все равно то, что было из цыганской речи перенесено в словарь 1927 г., не становится от этого частью русского жаргона. Это все халтура под грифом Научно-Технического отдела ОУР ЦАУ НКВД. Разговорили пару цыган. Средства были. Да и напихали в словарь все, что только можно, для объема. И академику тоже было почему-то не с руки заявить прямо, что это малограмотный бред. Но при этом все же было (но только для своего читателя) «честными намеками» показано, что главный источник шит белыми нитками. Однако и коллега Б.А. Ларин, сильный филолог, всегда осторожный в работе с источниками, цитирует выводы А.П. Баранникова вполне сочувственно [Возможно, имело место не влияние А.П. Баранникова, а влияние на него: уже в 1928 г. Б.А. Ларин писал о лексике жаргонов: «[Р]аньше малоизвестные иностранные языки (как древнееврейский, новогреческий, или цыганский) и крестьянские диалекты были основными источниками для их пополнения...» (Ларин, 1977: 183)].

Все же статья А.П. Баранникова может быть прочитана двояко. Возможно, до самого опубликования сохранялась надежда на то, что можно будет поменять знаки на диаметрально противоположные и, поставив десяток «не» в выводах, получить совсем другую статью. Но имеем мы то, что имеем.

В общем, цыганский список 1927 г. – это загадка. Вначале его самым безграмотным образом публикует один из самых грамотных, серьезных и успешных криминалистов с прекрасной дореволюционной подготовкой – С.М. Потапов. В предисловии он, объективно говоря, обращает внимание читателя на безобразное качество словаря: «Следует, однако, отметить, что по сравнению со словарем культурных языков «блатная музыка» имеет некоторые особенности, которые по неведению могут быть приняты за недостатки издания» [Потапов, 1927: 4]. Короче, бандиты виноваты, не грамотные. И все признаки того, что корректуру своего словаря Потапов доверил кому-то другому: не мог человек с университетским образованием *хвастун* писать как *хвостун*, *кампания* вместо *компания*, «*крикун*, *борщик*» вместо *крикун*, *спорщик*, и еще: *рецедивисты*, *кошевар*, с *обоих сторон* и т.д. Это даже в толкованиях, а не в записи жаргонных слов. Потом цыганский список 1927 г. толкует с явно обвинительным антицыганским уклоном все-таки, как ни крути, один из лучших индологов СССР. И этот исследователь как-то нарочито

проговаривается: цыганские фразы "настолько исковерканы, что трудно считать их постоянными компонентами арг" [Баранников, 1931: 158]. Однако с таким запалом притягивает за уши любые слова в цыганский список, словно ему И опять есть признаки того, что корректуру своей статьи А.П. Баранников тоже не держал: *балабае* вместо *балабас* или *балабаз* (цыг. *балавас* – сало) и проч. Вот почему для меня цыганский список 1927 г. остается загадкой. А еще за этим списком можно разглядеть и драмы людей, которые попали в колеса государственной машины и речь которых была в общем-то случайно запротоколирована в весьма специфическом словаре.

Уже десятилетия статья 1931 г. остается образцом и важнейшим источником по вопросу о влиянии цыганского языка на русский жаргон. По ней и в ее свете судят о вкладе цыганского языка в русский жаргон. И вклад этот представляется весьма солидным. И никто не хочет признать, что если бы в конце нэпа где-то в «большом доме» не раскрутили на откровенный разговор пару сэрвов или влахов, то не было бы этой сотни с лишним слов в словаре Потапова. Тогда нечего было бы толковать А.П. Баранникову. И науке бы уже не казалось, что цыганских слов в жаргоне – хоть косой коси.

Охарактеризую несколько работ по данной теме, вышедших в последующие годы. В целом отношение к работе А.П. Баранникова было положительным. Да и выбора, как будто, не было. Болгарский специалист Костов Кирилл активно привлекает его материал в параллелях к цыганизмам в болгарских жаргонах [Костов, 1956: 411-425].

В 1967 г. В.Д. Бондалетов опубликовал статью «Цыганизмы в составе русских условных языков» [Бондалетов, 1967: 235-243], в которой был введен новый материал, толкуемый в основном вслед за А.П. Баранниковым, но в ряде случаев были подвергнуты осторожной критике и гипотезы последнего.

Олекса Горбач сделал краткий, но очень емкий обзор выводов А.П. Баранникова в 1978 г. [Horbatsch, 1978: 10-11].

В заметках 1988 г. М.Т. Дьячка и В.В. Шаповала «Русские арго-готические этимологии» [Дьячок, Шаповал, 1988: 52-60] нашел отражение все тот же, ставший уже традиционным подход, который впервые практически реализован в работе А.П. Баранникова. Сегодня мне как одному из соавторов представляется необходимым уточнить и даже пересмотреть многие предположения с учетом более тщательной комплексной критической переоцен-

ки источников. Однако авторам удалось наметить некоторые направления дальнейших исследований в 1997 г. [Дьячок, Шаповал, 1997: 62-63].

В 1991 г. известный исследователь воровского аргю М.А.Грачев опубликовал «Словарь дореволюционного аргю», в котором учтен широкий круг источников. Однако в состав слов цыганского происхождения попали несколько лексем, представленных в данной форме и с данным значением даже не в словаре Потапова 1927 г. (*санакуни* – золото, *вана* – он, она), а в пересказе А.П. Баранникова 1931 г.: *сунакуни* – золото, *вана* – они. В цыганском же *совнакуни* – золотая, а запись «*вана* – он, она», думается, получена путем некорректного разнесения по алфавиту рабочей записи типа (украинского) *вин, вона* – он, она, и к цыганскому языку отношения не имеет. М.А.Грачев пишет о дореволюционном аргю: «В арготическом языке <...> имелись заимствования как из языков народов, населявших царскую Россию, так и из языков Западной Европы: <...>

ж) цыганского, например: **балабас** (цыг. *balavas* «свинья, боров») «сало»,... **лярва** (цыг. *larva* «проститутка») – «проститутка»... (с. 15).

Цыганское *балавас* (м.р.) – сало, ветчина [Цыганско-русский словарь, 1938: 15], а не «свинья, боров», как в приведенной выше цитате, и не совсем «свинья, свинина», как у Потапова (с. 10, где слово стоит не по алфавиту, видимо, исходная запись была *балэвас*). Не останавливаясь здесь на сомнениях по поводу цыганского происхождения латинского слова *лярва* (это нас далеко заведет), подчеркну, что даже если бы словарь 1927 г. был безупречен в отношении отражения лексики цыганского происхождения, автоматический перенос его данных на предреволюционный период потребовал бы отдельного обоснования.

На этом фоне приятным контрастом радуется новаторский в российской цыганологии критический анализ работ А.П. Баранникова о криминальности цыган в «Истории цыган», о котором уже говорилось выше.

Голос власти в жаргонном словаре, как и желание потрафить ему в научной статье, объективно оказываются фактором фальсификации невиданной силы.

Сегодня, когда пресса пугает гипнотизерками и гадалками, не стесняясь определять национальную принадлежность по интуиции, трудно поверить, что в СССР вплоть до конца 1980-х годов названия народов, и среди них «цыгане», в публикациях

криминальной тематики опускались [Например: Спекуляции бой, 1985: 45, Гомонов, 1988: 2]. Известно, что и в более позднее время политкорректность доходила до того, что тихо и эффективно клали под сукно толковые диссертации по этнической преступности. Проще говоря, дружба народов цвела. Кто бы мог подумать, что в это время готовился другой документ «нечеловеческой силы». И тоже в рамках дела «власть как лекикограф».

Вот так или примерно так я начал бы рассказ о втором списке цыганизмов в русских словарях жаргона, впервые опубликованном в открытой печати в 1992 г. Но нет у второго списка своего Баранникова. Так никто и не попытался доказать, что это цыганские слова. Хотя отсутствие научного анализа не отменяет самого факта, что эти слова когда-то были услышаны в цыганских диалектах. После 1992 г. в авторитетных словарях воровского жаргона каждый желающий может прочесть: *ангрусти* – кольцо; *бали* – свинья; *бар* – камень; *баро* – большой, старший; *бахт* – счастье; *биби* – тетка; *бут* – много. Покажите эти слова цыгану, и он подтвердит, что это действительно цыганские слова. Больше того, приведены слова только на первые две буквы, а уже впечатляет количеством.

Ну, конечно, будут и замечания. Большинство цыган, живущих в России, скажут: «Слова похожи, но мы не так говорим». Русские цыгане (северно-русский диалект) скажут: *ангрусты*, *балычны*. Да и другие найдут отличия. Что-то не так в этом списке.

Да, в этом списке кое-что не так. Я не все слова привел. Дополняю: *ак* – глаз (похоже на русско-цыганское *якх*); *алав* – платье; *амен* – мы (а не «нас»); *бафен* – пить (не похоже на *пьяв* – пью?); *бере* – год (очень мало похоже на *бэрш*); *бильбальдо* – еврей (похоже на *биболдо* – некрещеный); *бинг* – черт (похоже на *бэнг*); *бино* – вина; *блока* – (похоже на венгерское *облок* «окно»); *бреко* – грудь (похоже на *бэрк* «пазуха»); *букло* – висячий замок; *вальши* – венерический больной; *вудер* – зверь (похоже на *удэр* – «дверь»). Вот теперь уже абсолютно ясно, что слова взяты не у российских цыган.

Да и авторы этих словарей ничего не сообщают о том, какие цыгане так говорят, и вообще не утверждают, что это цыгане. И это еще не все. Авторы словарей рассказывают об этих словах настолько по-разному, что приходится внимательно разбираться в том, кто и что первым сказал, и как это потом было переименовано.

Дело в том, что в 1992 году вышло сразу два словаря русского жаргона, в которых списком даны такие вот экзотические слова, как приведенные выше. И еще под 600 слов. Выбирать их из словаря не трудно: в словаре Льва Мильяненкова [Мильяненков, 1992] они приведены с пометой «мн.» (международное), а в «Словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона» [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона, 1992] – с пометой «ин.» (иноязычное).

В словаре Мильяненкова помета «мн.» (международное) толкуется таким образом: 1) существовал некогда некий международный жаргон, им пользовались международные преступники; 2) но в СССР этот международный жаргон не применялся, потому что были трудности с выездом за границу; 3) но мы эти слова любознательному читателю покажем и включим их в общий алфавитный порядок слов русского жаргона; 4) однако, чтобы дорогой читатель помнил, что эти слова особенные, в СССР не известные, мы их пометим буквами «мн.», что значит не «множественное число», а «слово международного жаргона». Жизнь показала, что это было неосторожное решение. Как понимать помету «мн.», было рассказано мелкими буквами в предисловии. Но люди имеют склонность брать сведения из самого словаря, а не из предисловия. Последствия наступили почти мгновенно.

В тот же год вышел в свет «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона» Д.С. Балдаева, В.К. Белко, И.М. Исупова, в котором примерно тот же список экзотических слов был уже представлен с пометой «ин.» (иноязычное). Здесь представлена другая версия: 1) 40 лет энтузиаст собирал слова жаргона, работая в системе исправительных учреждений СССР; 2) наряду с разными другими словами он записывал и слова, пришедшие в жаргон из языков народов СССР; 3) они включены в общий алфавитный порядок слов русского жаргона; 4) но, чтобы любознательный читатель видел, что эти слова особенные, взятые из языков народов СССР, мы их пометим буквами «ин.», что значит не «иностранный», а «иноязычный».

Итак, первый шаг в эволюции заблуждения можно реконструировать очень легко. В предисловии у Льва Мильяненкова говорится как о хорошо известном в науке явлении о международном жаргоне преступников. Однако для читателей остается загадкой, какая именно концепция "международного" жаргона имеется в виду. Сам же автор так краток, чтобы его данные нельзя

проверить. Скорее всего, его и не проверяли. Коллективу в составе Д.С. Балдаева, В.К. Белко, И.М. Исупова надо было делать свой словарь. Замечание Л. Мильяненкова касательно международного жаргона трудно не понять: "Существовал и международный жаргон, воровской, но он как-то совсем не приживался, особенно в последнее время, когда были такие сложности с выездом за границу" (с. 74). Но оно было проигнорировано. В алфавитном ряду словаря русского жаргона все те же невиданные и неслыханные слова были оставлены. Правда, теперь они уже были выданы за счастливые находки на территории нашей страны.

Второй шаг в эволюции заблуждения был сделан в 2000 году, когда все тот же список, хоть и с известными потерями, но уже без всяких оговорок был включен в "Большой словарь русского жаргона" [Мокиенко, Никитина, 2000]. Теперь эти слова уже предложены читателю как законная часть русского уголовного лексикона.

Таким сложным путем слова, в первый раз представленные российскому читателю как неизвестный у нас в стране жаргон, а во второй раз предъявленные публике как результат труда неутомимого отечественного собирателя, стали, наконец, просто фактом русской жаргонной лексикографии. В самом деле, три солидных словаря, второй – даже в двух изданиях, толкуют, что такие слова есть. И друг на друга ссылаются. Круговая порука.

Теперь каждый желающий может открыть словарь и прочесть, например, *бере* – год. После стольких «перетырок» доказать, что это слово имеет отношение к цыганскому языку трудно, но можно. В словаре немецкого жаргона написано: *Bers* "Jahr" [год]. Но словарь немецкого жаргона – это такой музей, куда полицейские складывали всякие подозрительные слова столетиями. Во времена еще Австро-Венгрии попало туда и цыганское слово в венгерской записи: *Bers* – читай [бэрш]. Потом некто в Советском Союзе сел писать реферат или диссертацию. Например, про то, как в немецкоязычных странах в прошлые века боролись с международной преступностью. Вот откуда международный жаргон: Австро-Венгрия, Пруссия, Германия и т.д. – разные страны. А из немецкого словаря этот старательный некто сделал выписки с переводом. Этот человек не знал, откуда взялось это слово в немецком словаре, но, раз слово из немецкого словаря, то он и прочитал по-немецки: *берс*. Потом читали и переписывали уже не словарь, а картотеку этого безвестного ав-

тора. И переписывали невнимательно: было *берс*, а стало *бере*. Далее Мильяненков дает это слово как слово международного жаргона: *бере* – год, «я в Союзе не слышал». Трио авторов в тот же год корректирует: *бере* – год, «мы лично в Союзе записали, из какого точно языка – не скажем». И уже в конце тысячелетия: *бере* – год, «уверяем вас, что уголовники только так и говорят».

Вот почему словари в один голос уверяют, что в русском уголовном жаргоне имеются такие слова: *вудер* – зверь, *гав* – деревья. Это похоже на цыганское: *удэр* – дверь, *гав* – деревня. Нетрудно и в словаре немецкого жаргона найти соответствующие цыганские слова. Только с правильными толкованиями. Значит, вывод прост: толкования были неправильно переписаны уже по-русски. В речи слово, которое обозначает деревню, может перейти на город, но не на деревья.

Существенно помогают понять историю списка 1992 г. те цыганские слова, которые в России не известны.

У нас можно услышать в разных цыганских диалектах, например, *урняла* или *урял* – летает. С начала XIX в. в Германии выходили книги, в которых описывался цыганский язык. Там встречается слово с тем же корнем, что наше *урняла*: *Wurawel*. И толкование на латыни: *volat* [летает]. Это замечательное слово позволяет доказать, что немецкие полицейские не услышали его от цыган, а выписали из книжки. Дело в том, что в этой книжке объяснялось, откуда это цыганское слово взялось. И нам сейчас не важно, прав был автор или нет. Нам важно, что там упоминался такой редкий язык – лужицкий. А по-немецки это было записано сокращенно: *Laus[itiz]* – типа «луж[ицкий]». А полицейские, списывавшие слово *Wurawel* из умной книжки в свою, решили, что *Laus* – это толкование. Поэтому слово *Wurawel* в тех случаях, если его списали, имеет толкование не «летает», а *Laus*, что значит по-немецки «вошь».

Эта история доказывает, что не только отечественные, но и немецкие специалисты не стеснялись брать в свои словари любые цыганские слова из любых источников. Видимо, надеялись, что когда-нибудь слово понадобится.

Но вернемся к русским словарям. Есть ли там слово, похожее на *Wurawel*? Вот оно, пожалуйста: *вуравель* – "вошь". Значит, из того же источника. Дважды так ошибиться невозможно. Следовательно, несуществующее слово *вуравель* – "вошь" было списано из немецкого словаря.

Все эти несуразницы ясно говорят о том, что цитаты из не-

мецкого словаря криминального жаргона в количестве примерно 670 слов были переведены на русский, часто уже с ошибками. Потом они неоднократно переписывались, пока не были включены в состав ряда русских жаргонных словарей. Цыганские слова включались в немецкие служебные словари из академических изданий, а не записывались от цыган, обвиняемых в каком-либо преступлении. Эти слова в силу определенных различий между диалектами цыганского языка позволяют убедительно доказать факт плагиата.

Если верить словарям жаргона, сегодня в России можно услышать цыганское *ефта* в значении "неделя" (а не только в значении "семь"). Однако значение «неделя» у слова *ефта* было зафиксировано только в одном диалекте цыганского языка. Вторичное значение 'неделя' известно только из книги с описанием цыганского языка и чешского жаргона Антона Пухмайера 1821 г. Наши словари твердят, что русские уголовники знают такое слово: *драо* – "яд". В таком виде цыганское *драб* 'зелье' было представлено только в испанском жаргоне, записано в позапрошлом веке. Вот и возникает вопрос: где Россия, где Чехия, а где Испания? Ну, и как же это все вместе сошлось? Ответ простой, но несколько неожиданный: у Мильяненкова читаем «*драо* – яд, употребляемый цыганами» (с. 116), а в немецком словаре «**Drao** *m* ein geheimnisvolles Gift der Zigeuner, mit dem sie angeblich Krankheit und Tod herforrufen koennen [таинственный яд цыган, при помощи которого они умеют якобы вызывать болезнь и смерть]»; у Мильяненкова читаем *ефта* – неделя (с. 119), а в немецком словаре «**efta** sieben [семь]... *Efta* Woche [неделя]» [Wolf, 1956: № 1082, № 1146]. Это все сошлось вместе в словаре немецкого жаргона, откуда и было переписано в русские словари.

Скорее всего, со стороны авторов словарей в данном случае имело место добросовестное заблуждение, как мне кажется. Даже если эти выписки из немецкого словаря и сделали столь примечательную карьеру и дослужились до академических изданий, то не потому, что кто-то так уж хорошо их подделывал. Их никто не проверял. Так что вывод прост: *Список цыганских слов с пометами «мн.» и «ин.»*, опубликованный в русских жаргонных словарях после 1992 г., в основе своей представляет собой безграмотные выписки из немецкого жаргонного словаря, включенные в текст русского словаря без всякого соотношения с данными русской (в том числе и жаргонной) речи.

Оба случая с включением записей цыганской речи в жаргонный словарь высвечивают одну общую проблему. В 1927 г. какой-нибудь ростовский опер записал как умел речь цыган, в 1970-е – 1990-е какой-то студент-юрист выписали цыганские слова из немецкого словаря. Как эти записи делают невиданную карьеру? Почему они потом цитируются учеными мужами? Потому что власть не фиксирует истину в словаре, а создает ее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев В. Словарь воровского языка // Вестник полиции. – 1909. – № 22. – С. 456-458 (а-к); № 23. – С. 477-478 (л-п); № 24. – С. 499-500 (р-я)
2. Козловский В. (сост.) Собрание русских воровских словарей. В 4-х тт. – New York, 1983. – Т. 1.
3. Друц Е., Гесслер А. Сказки и песни, рожденные в дороге. – М., 1985.
4. Баранников А.П. Цыганские элементы в русском воровском аргю // Язык и литература. – Т. VII. – Л., 1931.
5. Kluge F. Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprache von Fridrich Kluge, Prof. an der Universitat Freiburg i. B. — I. Rotwelsches Quellenbuch. – Strassburg, 1901.
6. Костов Кирил. Цыгански думи в българските тайни говори // Известия на Института за български език. Кн. IV. София, 1956.
7. Бондалетов В.Д. Цыганизмы в составе русских условных языков // Язык и общество. – Саратов, 1967.
8. Horbatsch Olexa. Russische Gaunerschprache / Hg. von Olexa Horbatsch (=Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 16). – Frankfurt am Main, 1978.
9. Грачев М.А. Русское аргю: Монография. – Нижний Новгород, 1997.
10. Елистратов В.С. Словарь русского аргю: материалы 1980-1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиомат. выражений. – М.: Русские словари, 2000.
11. Шаповал В.В., Дьячок М.Т. О цыганизмах в русских аргю-тических словарях первой трети XX века //Русское слово. Материалы межвузовской конференции (Орехово-Зуево, 14-15 ноября 1997 г.). – Орехово-Зуево, 1997.
12. Деметер Надежда, Бессонов Николай, Кутенков Владимир. История цыган – новый взгляд. – Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000.
13. Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского во-

ровского аргю // Язык и литература. – Т. VII. – Л., 1931.

14. Потапов С.М. Блатная музыка. Словарь жаргона преступников/ Сост. С.М. Потапов. – М., 1923

15. Грачев М.А. Словарь дореволюционного аргю. – Нижний Новгород, 1991.

16. Грачев М.А. Русское аргю: Монография. – Нижний Новгород, 1997.

17. Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению речи современных русских цыган. Составил Истомин П. (Патканов). – М., 1900.

18. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М., 1977.

19. Костов Кирил. Цыгански думи в българските тайни говори // Известия на Института за български език. – Кн. IV. София, 1956.

20. Бондалетов В.Д. Цыганизмы в составе русских условных языков // Язык и общество. – Саратов, 1967.

21. Horbatsch Olexa. Russische Gaunerschprache / Hg. von Olexa Horbatsch (=Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 16). – Frankfurt am Main, 1978.

22. Дьячок М.Т., Шаповал В.В. Русские арготические этимологии // Русская лексика в историческом развитии/ Сб. научн. трудов. – Новосибирск: НИИ ИФФ СО АН, 1988.

23. Дьячок М.Т., Шаповал В.В. О цыганизмах в русских арготических словарях первой трети XX века // Русское слово. Тезисы межвузовской конференции. – Орехово-Зуево, 1997.

24. Цыганско-русский словарь / Сост. Баранников А.П., Сергиевский М.В. – М., 1938.

25. Спекуляции бой // Сов. милиция. – 1985. – № 3.

26. Гомонов А. От жаждущих покоя нет // МК. – 1988. – 6 марта.

27. Мильяненко Л. А. По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. – СПб., 1992.

28. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы / Авт.-сост.: Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – Одинцово: Края Москвы, 1992.

29. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб: Норинт, 2000.

30. Wolf S.A. Woerterbuch des Rotwelsch. Deutsche Gaunerschprache. Mannheim, 1956.

© Шаповал В.В., 2004

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дударева З.М.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРОМЕЖУТКОВ ВРЕМЕНИ В БАШКИРСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

В лингвистических исследованиях последних десятилетий достаточно четко обосновано представление о том, что «национально-специфические особенности семантического пространства языка хорошо выявляются при контрастивном изучении разных языков» [Попова, Стернин, 2002: 35]. Данная работа посвящена рассмотрению слов с семантикой «короткий промежуток времени» в башкирском и русском языках. Как справедливо указывает Е.С. Яковлева, «показатели кратковременности в большой степени отражают специфику восприятия времени носителями русского языка», поскольку с каждым словом «ассоциируется своя семантика времени» и что в целом «семантика рассматриваемых слов образует законченный фрагмент наивной картины восприятия времени в русском языке» [Яковлева, 1994: 102]. В неменьшей степени национальная специфика восприятия времени свойственна и башкирским словам сопоставимой семантики (лексемы *мел*, *музгел* и заимствованные из русского *минут* и *секунд*). Отметим, что русские заимствования в башкирском языке по сравнению с арабскими и персидскими заимствованиями не претерпели существенных семантических изменений. Это обстоятельство, по мнению Э.Ф.Ишбердина, «связано с постоянным общением башкир с русскими, что «сдерживает» семантическое развитие слова» [Ишбердин, 1986: 133]. И в башкирском, и в русском языках в рассматриваемой группе к обозначениям физического («механического») времени относятся слова *минута*, *секунда* (башк. *минут*, *секунд*), которые соотносятся с остальными «как объективные показатели (точного, «квантифицированного») времени с показателями субъективными, не имеющими объективных характеристик длительности» [Яковлева, 1994: 102].

Лингвистические данные говорят об универсальности предложенной оппозиции точных (объективных) и неточных (субъективных) единиц времени, но при этом определители краткости, быстроты в языках могут различаться. Е.С.Яковлева подчеркивает, что в русском языке «таким «определителем» является акт однократного мигания, и слова, называющие это действие (исконно отглагольные существительные) заняли место соответ-

вующих единиц в системе обозначений времени» [Яковлева, 1994: 103].

Словосочетание **мгновение ока** В.М.Мокиенко называет универсальной человеческой категорией времени, которая есть и в немецком, и французском, и английском языках [Мокиенко, 1990: 57]. Фразеологизму **в мгновение ока** почти дословно соответствует башкирское **куз асып йомфансы** и его вариант **куз асып йомфан арала**. Таким образом, мы фиксируем факт наличия универсальных феноменов в сопоставляемых языках. Но, если в русской лексической системе имеются производные существительные, называющие действие однократного мигания (**миг, мгновение**), то в башкирском языке подобные формы отсутствуют. Однако следует заметить, что в обстоятельном значении в башкирском языке используется еще одна фразеологическая единица, которая в качестве «эталоны» быстроты использует речевой акт: произнесение частицы **е**, ср. башк. **е тигенсе** 'очень быстро'.

Итак, мы отметили отсутствие в башкирском языке эквивалентов к лексемам **миг** и **мгновение**. Нет в башкирском языке и однозначного соответствия русскому понятию **момент**. Но подобные понятия не являются лакунарными, так как соответствующие значения выражаются темпоральными показателями **мел** и **мизгел**, которые в башкирском языке могут обозначать временные интервалы различной протяженности. Башкирско-русский словарь (БРС) определяет значение слова **мел** как 'время, пора', слова **мизгел** как 'время (определенный промежуток времени); сезон' [БРС, 1996: 430, 431]. Отметим, что ни в том ни в другом случае словарь не фиксирует обозначение семантики 'короткий промежуток времени'. Дифференциация обозначения (**мел** – момент; **мизгел** – миг, мгновение) может быть объяснена, в частности, этимологией слова **мел**, которое, по толкованию Р.Г.Ахметьянова, восходит к древней литературной форме **меһел** в значении «время, пора, ситуация» и которое в каракалпакском, например, языке употребляется именно в значении «момент» [Ахметьянов, 2001: 14].

Наши данные свидетельствуют о том, что башкирское **мел** по характеру обозначения длительности соотносимо с русским словом **момент**, о семантике которого говорится, что «длительность **момента** носителями русского языка определяется весьма произвольно, она субъективна и всецело зависит от масштаба предмета описания» [Яковлева, 1994: 116].

Проиллюстрируем сказанное примерами из повести Мустая Карима «Озон-озак бала сак» («Долгое-долгое детство»), где автор употребляет слово из темпорального лексикона **мел**.

<p>Ни эшлептер, <u>нек ошо мелде</u>, ер уянып, ор-япынан йешей башлафан бер мизгелде, минеп кеуектерзеп донъя менен алыш-бирештере йышырак озоле.</p>	<p>Почему-то <u>именно сейчас</u>, когда земля просыпается и начинает жизнь заново, именно <u>в эту прекрасную пору</u>, у нас, таких, как я, и обрываются бессильные торги с жизнью.</p>
<p>Атайым ойле намазына киткес, <u>кондоп ип изге меленде</u>, мин баксафа сыгып, сетлеуек кыуафы алдына тезленем.</p>	<p><u>В самый благочестивый час</u>, когда мой отец уходит на полуденный намаз, выхожу я в огород и становлюсь перед орешником на колени.</p>
<p><u>Аулак мелде</u> тура килтереп, Оло инейемде аласыкка сакырып сыгарзым.</p>	<p>Я выбрал <u>момент</u>, когда <u>Старшая Мать была одна</u>, и вызвал её в сарайчик.</p>

В первом из приведенных примеров слово **мел** (и его контекстный синоним **мизгел**) обозначает весеннее время года, названное в переводе «прекрасной порой», во втором случае, соотнесенное со словом *кон* ('день'): *кондоп ип изге меленде* – лексема *мел* указывает на определенный промежуток времени ближе к полудню, когда благоверные мусульмане собираются на намаз. Третий пример, в котором *мел* переведено на русский язык словом 'момент', демонстрирует ситуацию, при которой *мел* обозначает очень короткий промежуток времени. Такое положение дел сопоставимо с тем, что отмечает М.В.Всеволодова, характеризуя русское **момент**. Она относит его к словам, конкретное значение которых возможно выявить лишь в контексте, и по этому признаку **момент** противопоставляется словам **миг** и **мгновение**, которые указывают лишь на короткие промежутки времени [Всеволодова, 1975: 29].

Подобная многозначность приводит к тому, что в одном контексте возможно встретить лексему **мел**, которая будет по своему значению относиться к разным разрядам темпоральной лексики. С одной стороны, **мел** входит в группу слов, обозначающих короткий промежуток времени, момент, с другой – является обозначением промежутка времени неопределенной длительности, о чем свидетельствует, например, следующий контекст: *Емеш кескей сактан ук ут хунген мелде яратмай торфайны, сонки тондо ул ен-перейзер, дейеузер, унан башка тафы елле ни*

хетле билдеһез йен эйелере менен тулы кот оскос хетер, серле бер мел итеп куз алдына килтере... ине (З.Биишева). – «Емеш с детства не любила момент выключения света, так как представляла ночь жутко опасной, таинственной порой, полной бесов, чертей и другой нечистой силы». Лексема мизгел в группе слов, обозначающих короткий промежуток времени, занимает особое положение. Соотносимая с лексемами русского языка **миг**, **мгновение**, она является малоупотребительной, что говорит о нехарактерности единицы с подобным темпоральным значением для башкирской языковой картины мира.

Е.С.Яковлева отмечает, что «переход на язык **мгновений** всегда свидетельствует о повышении «эмоционального градуса» повествования» [Яковлева, 1994: 120]. Исконно же образ жизни башкира-кочевника был спокойным и размеренным. Применяя к представителю башкирского народа понятие «традиционный человек и размышляя о менталитете башкира, З.Н.Рахматуллина пишет: «Традиционный человек самодостаточен, духовно наполнен в отличие от индустриального человека, поэтому он не стремится самореализовываться и самоутверждаться в будничных заботах, мелочных делах повседневности» [Рахматуллина, 2000: 183]. Возможно, именно это обстоятельство: образ жизни, определяющий менталитет, – и способствовало тому, что в башкирском языке нет самостоятельных лексем, актуализирующих обозначение короткого промежутка времени.

Лексема **мизгел**, называя короткий промежуток времени (точнее **мгновение**), связана с обозначением жизни, её эпизодов, которые по отношению к длительности человеческого существования, действительно, можно образно представить себе в качестве **мгновение**, ср.: *Бехет осон ҫумер тугел, мизгел керек* (М.Карим). – «Для счастья не жизнь нужна, достаточно мгновения». И еще один пример сочетания слов **мизгел** и **ҫумер** представлен в названии книги Мустая Карима «Ҫумер мизгелдере» («Мгновения жизни»).

Как и в русском языке, лишь лексемы **минут** и **секунд** способны быть в башкирском языке единицей счета, измерения времени. Ни русские **момент**, **миг**, **мгновение**, ни башкирские **мел** и **мизгел** эту функцию выполнять не могут. Рассмотрим несколько примеров: *Шулай йыл кеуек минут утте* (З.Биишева). – «Так прошла минута длиною в год»; *Унып*

тураһында бер гене секунд булһа ла насар фекерзе булмай (А.Тагиров). – «Она ни одной секунды не думала о нем плохо».

Лексемы **минут** и **секунд** могут употребляться с показателями неопределенности, ср.: *Мин бер нисе гене минутка инеп сығырға тейешмен* (А.Тагиров). – «Я должен зайти на несколько минут»; *Бындай карашты Еклиме һуңфы кондерзе тоя башлафайны инде. Тик ул бер нисе секундка ғына һузыла ине* (Ф.Исангулов). – «Такое отношение Аклима уже начала чувствовать в последние дни. Но это чувство длилось всего несколько секунд». Отношение к считаему времени лексемы **минут** и **секунд** передают также в сочетании с разрядом числительных приблизительного счета, например: *Биш-ун минут эсенде унтер-офицерзеп һалдаттарзы тентеп боторзолер* (А.Тагиров). – «За пять-десять минут унтер-офицеры закончили обыск солдат»; *Ике-ос секунд уттеме, юкмы* (М.Карим). – «Прошло не более двух-трех секунд». Хотя, как мы отметили выше, другие из обозначенных нами лексем с семантикой 'короткий промежуток времени' не могут соотноситься со считаемым временем, башкирское **мизгел** способно сочетаться с глаголом **һанау** 'считать', ср.: *Мин һурелдем инде мизгел һанап, / Осрашыузар котоп тополдом* (Л.Ситдикова). – «Я угасла уже, считая мгновения, / Ожидая встреч, потеряла надежду».

Рассмотрев таким образом функционирование слов, обозначающих короткий промежуток времени, мы фиксируем с формальной точки зрения наличие линейных (минута – минут; момент – мел) и векторных соответствий (миг, мгновение – мизгел) в русском и башкирском языках. С семантической точки зрения лексемы **минута** и **минут** являются лексическими эквивалентами, остальные же рассматриваемые лексемы можно считать переводными соответствиями, поскольку мы имеем дело с единицами, имеющими определенную общность семантики и используемыми для перевода в определенных контекстах (Попова, Стернин 2002: 37). Для обозначения семантики 'короткий промежуток времени' в русском языке используются специальные обозначения **миг**, **мгновение**, производные от глагола **мигать**, который является определителем краткости и быстроты. В башкирском языке отмечается наличие двух определителей: акта мигания и речевого акта, – однако при отсутствии производных существительных, к обозначению указанной семантики привлекаются существительные **мел** и **мизгел**, которые могут обозначать временные промежутки различной длительности. Пред-

ставленные наблюдения могут служить еще одной иллюстрацией общих и особенных свойств в восприятии категории времени в русской и башкирской картинах мира.

ЛИТЕРАТУРА

1.Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань, 2001.

2.Башкирско-русский словарь. М., 1996.

3.Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.

4.Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986.

5.Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М., 1990.

6.Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.

7.Рахматуллина З.Н. Башкир: каков его менталитет? // Ватандаш, 2000, №2

8.Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

© Дударева З.М., 2004

Илюшкина М.Ю.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПЕЧАТНОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

В современном обществе реклама стала неотъемлемой частью повседневной жизни и движущей силой экономической активности.

С филологической точки зрения, реклама представляет собой особую сферу практической деятельности, продуктом которой являются словесные произведения – рекламные тексты [Сычёв, 2001: 351]. Отметим, что мы уделяем основное внимание вербальной стороне печатной рекламы.

Как отмечают Н.Л.Мусхелишвили и Ю.А.Шрейдер: «Воспринятый текст (целиком или фрагментарно) остаётся в сознании адресата и затем включается во вновь порождаемые тексты в виде трансформации или прямых цитат, являясь при этом предметом рефлексии» [Мусхелишвили, Шрейдер, 1997: 86-87]. Сохраняющиеся в сознании тексты и формируют текстовую концептосферу той или иной культурно-языковой группы. Подобные тексты определяются в современной лингвистике как «прецедентные тексты».

Термин «прецедентный текст» был впервые введён в научную практику Ю.Н.Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 г., и активно используется многими исследователями [Апулаева, Вепрева, 1996; Баженова, 1998; Гудков, 2000; Дмитриева, 1998; Евтюгина, 1995; Захаренко, 1999; Костомаров, Бурвикова, 1994; Красных и др., 1997; Купина, 1995; Макаров, 2001; Постнова, 2001; Ростова, 1993; Слышкин, 2000; Шестаков, 1996 и др.]. Ю.Н.Караулов называет прецедентными тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987: 216].

Г.Г.Слышкин понимает прецедентные тексты шире, сняв некоторые ограничения, выделенные Ю.Н.Карауловым. Во-первых, по мнению Г.Г.Слышкина, можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей – для малых социальных групп (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.д.). Во-вторых, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот) [Слышкин, 2000: 28].

Е.А.Земская считает, что прецедентными могут быть тексты, включенные в текст в неизменном виде (цитация) и в трансформированном, переиначенном (квазичитация), поскольку они хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах [Земская, 1996: 157].

Н.Д.Бурвикова и В.Г.Костомаров говорят о том, что прецедентные высказывания, являясь в структуре исходного текста заголовком (названием), инициальным предложением фрагмента, абзаца, текста, конечным предложением текста, аккумулируют его прецедентность, свёртываясь до соответствующей сильной позиции: до заголовка, до этапного предложения, до конечного предложения. Этот процесс свёртывания авторы называют текстовой редукцией [Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д., 1994: 74].

Кроме присутствия в сильной позиции (что является для высказывания в большинстве случаев прекрасной возможностью остаться в культурной памяти) желательно ещё, чтобы, как подчёркивают авторы, высказывание относилось к разряду «универсальных». Универсальные же высказывания – как форма проявления категории обобщённости – самодостаточны для понимания, автосемантически. Отражая общеизвестные истины, они естественно и легко изымаются из контекста; универсальные высказывания обычно афористичны, ближе всего стоят к пословицам [Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д., 1994: 74].

Диапазон прецедентных текстов очень широк. Это и стихотворные и прозаические цитаты, названия художественных произведений, кинофильмов, половицы и поговорки, крылатые выражения, строки из известных песен, названия популярных песен, фразы из кинофильмов, спортивные лозунги, библейские выражения.

Материалом для исследования послужили печатные издания: «Отдыхай!», «Туризм и отдых» (ТиО), «Досуг», «Туризм и спорт», «7 Дней», «Планета красота», «Культ личностей» и другие за 1990-2003 гг.

Какая же разновидность прецедентных текстов используется в российской печатной рекламе чаще всего? По нашим наблюдениям, первое место занимают строки из известных песен: песни из кинофильмов и мультфильмов. Приведём несколько примеров, чтобы показать, как прецедентные тексты вовлекаются в рекламный текст.

В печатной рекламе используются строки из песен популярных фильмов «Цирк», «Карнавальная ночь», «Небесный тихоход»: «В дальнюю дорогу с компанией «Эльдорадо» (реклама туристической фирмы – «Отдыхай». 1998. №10; ср.: «Пора в путь-дорогу! В дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идём», автор слов С.Фогельсон).

Приведём ещё несколько примеров: «Думайте сами, решайте сами» (реклама автобусного тура по Европе – «7 Дней». 1998. №10 – из к/ф «Ирония судьбы», автор слов А.Аронов).

«Как прекрасен этот мир!» (реклама Международной выставки туризма и спорта). Изменённый вариант этой же цитаты: «Нам доступен этот мир!» (реклама «Аэрофлота» - «Туризм и Отдых». 1996. №12).

Названия кинофильмов (как отечественных, так и зарубежных) – не менее часто используемый материал для печатной

рекламы. Так, названием известного фильма «Девушка моей мечты» породило ряд вариаций: «Вена – это город моей мечты» («Досуг». 1999. №12); «Отель вашей мечты» («Досуг». 2000. №2).

Прозаические цитаты и их трансформации в печатной рекламе используются значительно реже. Как правило, цитата должна быть хорошо известна, лаконична и афористична, чтобы быть узнаваемой и тем самым создать необходимый эффект. Вот ряд иллюстраций: «В отеле всё должно быть прекрасно!» (реклама отеля ALINDA – «Туризм и спорт», 1999. №2; ср. чеховское: «В человеке всё должно быть прекрасно»).

В редких случаях используются перифразы из Библии. Наиболее часто встречаются различные трансформации Книги Экклезиаста: «Время ехать в отпуск» («Туризм и Отдых». 2000. №3); «Время стать красивой» («7 Дней». 1999. №5); ср.: «Всему своё время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное» (Ветхий Завет. Книга Экклезиаста. 3.1-2).

Трансформация обычно имеет вид замены одного из слов ключевым словом для рекламного текста. Трансформация названия книги Д.Рида «10 дней, которые потрясли мир» используется часто – «10 дней, которые не потрясут ваши кошельки» («7 Дней». 1997. №6).

Пословицы, поговорки, крылатые выражения также представляют собой особый вид прецедентных текстов, используемых в печатной рекламе. Они используются и в «чистом» и в трансформированном виде. Обычно узуальный переносный смысл выражения сохраняется: «Хороший отдых – залог крепкого здоровья» (реклама санатория – «7 Дней». 1999. №9).

Типы прецедентных высказываний, используемых в печатной туристической рекламе.

Для того, чтобы приступить к интерпретации смыслового образа, создаваемого рекламными текстами, на начальном (классификационном) этапе мы должны описать типы использованных прецедентных феноменов.

Вербальными называем прецедентные феномены, имеющие словесное выражение. Представляется интересной классификация вербальных и вербализируемых прецедентных феноменов, используемая группой исследователей во главе с В.В.Красных и Д.Б.Гудковым, которые выделяют:

1) Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; полипредикативная единица; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества; в когнитивную базу видит инвариант его восприятия. [Гудков и др., 1997: 107].

2) Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. [Красных и др., 1997: 65].

3) Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная [Гудков, 1998: 83].

4) Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу [Красных, 2002: 46].

Кроме того, есть основания ввести в список вербальных прецедентных феноменов устойчивые словосочетания – фразеологизмы и более подробно описать, в каких языковых формах могут быть представлены остальные вербальные прецеденты.

Наша задача рассмотреть прецедентные высказывания. Высказывание можно считать «речевым знаком, означающим которого является лексико-грамматико-интонационная структура предложения, а означаемым – соотносящийся с ним отрезок действительности со всеми его элементами, характеристиками, связями, условиями общения и т.п.» [ЛЭС, 1990: 90]. Среди прецедентных высказываний следует выделить: цитаты, фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова и другие устойчивые речевые формулы.

Более подробно рассмотрим фразеологизмы. Фразеологизмы – семантически связанные сочетания слов и предложений, которые не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-семантического состава [ЛЭС, 1990: 559]. Именно воспроизво-

димось фразеологизма, употребление его в «готовом виде» (при узואально фиксированном диапазоне видоизменения) как проявление устойчивости в речи позволяют отнести фразеологизмы к прецедентным текстам [Караулов, 1987; Макаров, 2001].

Прежде чем рассматривать вопрос о функционировании фразеологизмов в печатной рекламе, целесообразно определиться в понимании границ фразеологии. Обобщая многообразие мнений, можно выделить две основные точки зрения о понятии «фразеология».

Согласно первой, наиболее распространённой точке зрения, к фразеологии относится любое словесное сочетание, обладающее той или иной степенью устойчивости. «Фразеология обычно начинается там, где свободное лексическое значение слова заслоняется фразеологически связанным, понятным из всего словосочетания, и тогда, когда какое-либо словосочетание становится повторяемым, общеизвестным, «крылатым», отличающимся образностью, возможностью переносного употребления и т.д.» [Ефимов, 1952: 63]. Итак, к фразеологическим средствам относятся идиомы, устойчивые сочетания, устойчивые формулы и обороты научно-терминологического характера, некоторые канцелярские штампы, производственно-технические выражения, поговорки, пословицы, афоризмы писателей, исторических личностей и других деятелей культуры.

По В.В.Виноградову, объём фразеологии составляют те явления языка, которые возникают в результате специфического семантического развития лексических средств в определённых синтаксических и стилистических условиях. На основе семантического анализа словосочетаний он устанавливает следующие структурные категории фразеологических явлений:

- 1) фразеологические сращения – неразложимые застывшие словосочетания, эквивалентные слову;
- 2) фразеологические единства – продукт семантического или иного преобразования словосочетаний;
- 3) фразеологические сочетания – реализация в словосочетании слов с несвободным значением [Виноградов, 1977: 54]. Мы придерживаемся первой точки зрения, наиболее распространённой.

В современной печатной рекламе можно выделить ряд вариантов использования фразеологических средств. Говоря обобщённо, фразеологические единицы представлены в современной печатной рекламе в двух основных вариантах: дослов-

ное воспроизведение и воспроизведение с известными модификациями.

1. Дословное воспроизведение фразеологических единиц (нетрансформированные цитаты)

В печатной рекламе узуальный переносный смысл пословиц, поговорок, крылатых выражений обычно сохраняется. Например: «Все дороги ведут в Рим!» (реклама розыгрыша призов, где главный приз – поездка в Италию – ЗР. 1999. №1); «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» (газета «Из рук в руки». 2000. №18).

2. Модификация фразеологических единиц

1) Усечённые цитаты: «Ученье – свет!» (реклама гуманитарного университета – 7Д.1997. №9; ср.: «Ученье – свет, а неученье – тьма»).

2) Замена опорного слова фразеологизма: «С чего начинается Турция?» (реклама тура – «7 Дней». 1998. №6; ср.: «С чего начинается Родина?» из к/ф «Щит и меч», автор слов М.Матусовский).

3) Замена одной из частей фразеологизма. В печатной рекламе наблюдаются единичные случаи модификации, когда замене подвергается одна из частей фразеологизма. Песни из мультфильмов цитируются обычно в изменённом виде, как правило, заменяется одно-два слова на ключевое, важное для понимания рекламного текста: «Хоть всю Землю обойдёшь – лучше цен ты не найдёшь!» (реклама горящих путёвок – «Туризм и спорт». 1999. №1; ср.: «Хоть полсвета обойдёшь – лучше дома не найдёшь!» из м/ф «Три поросёнка»).

4) Рекламист предлагает свой вариант фразеологизма. В единичных случаях рекламист предлагает свой вариант фразеологизма: «Бережёного страховка бережёт» (реклама тура, включающего медицинскую страховку – «Туризм и Отдых». 1994. №8; ср.: «Бережёного Бог бережёт»).

К классу фразеологических единиц исследователями причисляются пословицы, поговорки, крылатые слова нередко [ЛЭС, 1990: 559; Телия, 1996: 58], а, следовательно, могут быть описаны как знаковые феномены. Пословицы и поговорки – фольклорные жанры, представляющие собой краткие, устойчивые в речевом обиходе, как правило, ритмически организованные изречения назидательного характера, в которых зафиксирован многовековой опыт народа [ЛЭС, 1990: 389]. Крылатые слова определяются как речения афористического характера,

восходящие к определённому автору или анонимному источнику [ЛЭС, 1990: 559]. «Афоризмы отражают человеческий опыт как знаки, т.е. комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе» [Верещагин, Костомаров, 1976: 175].

По форме данные прецедентные высказывания (половицы, поговорки, крылатые слова) отвечают всем требованиям рекламного слогана. Слоган, как известно, должен быть кратким, легко произносимым и понятным, а также должен отражать желания покупателя. Поэтому нередко половицы, поговорки и крылатые выражения занимают в рекламе сильную позицию – позицию слогана.

В качестве аргумента в пользу предлагаемой услуги в региональной рекламе фирмы «ПСК-страхование» приводится поговорка «Бережёного бог бережёт» [Даль, 1984: 143].

В рекламном тексте туристической фирмы «Форсаж+» представлен вариант реинтерпретации крылатой фразы: «Пришёл, увидел, отдохнул», которая является трансформацией слов Юлия Цезаря, которыми он известил о быстро одержанной им победе над понтийским царём Фарнаком «Veni, vidi, vici» [Ашукин, 1987: 284] (словарь крылатых слов). Латинское: «Veni, vidi, vici» [КЛИ, 1993: 26].

Ещё одна разновидность прецедентного высказывания – устойчивая речевая формула, связанная обычно с какой-либо типичной ситуацией. В языке, речевом поведении, устойчивых формулах общения отложился богатый народный опыт, который ярче всего проявляется в речевом этикете.

Этикетные речевые стереотипы являются знаками неконфликтного, вежливого речевого поведения и знаками принадлежности человека, их произносящего, к определённой речевой культуре. Их включение в рекламный текст способствует установлению соответствующей доброжелательной тональности.

Рекламный текст фирмы «Эльдорадо-тур» завершается распространённым в речевом обиходе пожеланием: «Отдыхайте на здоровье!» («Туризм и отдых». 2000. №2) Очевидно, рекламодатель предугадывает, что потребитель может отреагировать на рекламируемый продукт только положительно.

В заключении исследования необходимо отметить, что в наших материалах наиболее активно представлены прецедентные высказывания как виды прецедентных феноменов. К ним относятся фразеологические единицы, которые представлены в современной печатной рекламе в двух основных вариантах: до-

словное воспроизведение и воспроизведение с известными модификациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке//Избранные труды. М., 1977. С.54
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976. С.248
3. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка. //Язык, сознание, коммуникация. М., 1998. Вып.4. Филология. С.82-92
4. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний//Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. №4. С.106-118
5. Ефимов А.И. Об изучении языка художественного произведения. М., 1952. С.63
6. Земская Е.А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет//Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М.,1996. С.157-168
7. Кара-Мурза Е.С. «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты//Словарь и культура русской речи. М., 2001. С.164-186
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С.263
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994. С.248
10. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными //РЯЗР. 1994, №1. С.73-76
11. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. Спб., 2001. С.72
12. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002. С.284
13. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации//Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 1997. №3. С.62-75
14. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.682

15. Лотман Ю.М. Знаковый механизм культуры//Сборник статей по вторичным моделирующим системам /Под ред.Ю.Лотмана. Тарту, 1973. С.195-199

16. Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Значение текста как внутренний образ. *Вопр. Психологии.* 1997. №3. С.86-87

17. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ. Автореф. дисс. ...канд.филолог.наук. Екатеринбург, 2003. С.23

18. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. Автореф.дисс. ... канд.филол.наук. Волгоград, 1999. С.18

19. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. С.128

20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С.288

© Илюшкина М.Ю., 2004

Кушнерук С.Л.

ДЕНОТАТИВНЫЙ И КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РЕКЛАМЕ

Антропоцентрическая парадигма научного знания поставила перед филологами задачи, связанные, в первую очередь, с осмыслением языка в связи с его создателем и пользователем – человеком. Первоосновы данной научной парадигмы заложены в трудах В. фон Гумбольдта. В труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» ученый высказывает мысль о неразрывной связи человека, языка и культуры: «Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [Гумбольдт, 2000: 48]. Возникший несколько столетий назад, интерес лингвистов к проблемам взаимодействия языка и культуры заявил о себе с новой силой в конце прошлого века.

К изучению способов, которыми язык воплощает, хранит и транслирует культуру, в той или иной мере обращаются ученые, занимающиеся проблемами русской языковой личности и рус-

ского национального характера (Ю.Н. Караулов, И.А. Стернин), концептуального анализа (Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, А. Вежбицкая, М.В. Пименова, Ю.С. Степанов), лингвокультурологии (С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Е.О. Опарина, В.Н. Телия), лингвострановедения (Н.Д. Бурвикова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ю.Е. Прохоров), когнитивной лингвистики (Л.И. Гришаева, Е.С. Кубрякова, Т.Г. Скребцова, Е.В. Рахилина), этнопсихолингвистики (В.Н. Базылев, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин), межкультурной коммуникации (Д.Б. Гудков, П.Н. Донец, О.А. Леонтович, С.Г. Тер-Минасова), политической лингвистики (А.Н. Баранов, М.Р. Желтухина, О.И. Иссерс, Н.А. Купина, П.Б. Паршин, А.П. Чудинов). Выявление и классификация единиц, в наибольшей степени наделенных «культурно-значимой информацией», связаны с именами Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаевой. В соответствии с их концепцией, ядерными элементами русского языкового сознания являются прецедентные феномены (ПФ), которые «знакомы большинству лингво-культурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [Гудков, 1999: 2]. В ряду ПФ рассматриваются прецедентное имя (ПИ), прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентная ситуация (ПС).

Основываясь на положениях данного научного направления, сконцентрируем внимание на ПИ, которые, по мнению Д.Б. Гудкова, в наибольшей степени отражают систему эталонов культуры ЛКС, задают определенную ценностную шкалу и парадигму социального поведения [Гудков, 1999, 2003]. Очевидно, что разные ЛКС обладают разными КБ, что связано с «различиями в «языковых картинах мира», разным членением и классификацией окружающей нас действительности» [Гудков, 2003: 98]. Из этого следует, что и системы ПФ будут отличаться, задавая образцы, обладающие национальной спецификой. В таком случае, проведение сопоставительных исследований, посвященных изучению различных аспектов функционирования ПФ, становится особенно актуальным.

Цель настоящей статьи – выявить специфику функционирования ПИ в российской и американской рекламе. Выбор материала обусловлен тем, что реклама стала неотъемлемой частью сферы повседневного общения, она отражает «различные формы жизни общества, его нормы, ценности, взгляды» [Терпугова, 2000: 5], и важную роль в этом процессе играют ПИ, апелляция к

которым осуществляется как в российской, так и в американской рекламе. ПИ называют индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных. Например, *Айболит*, *Гарри Поттер* (Harry Potter), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная. Например, *Ю. Гагарин, братья Райт* (Orville and Wilbur Wright); имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств. Например, *В.И. Ленин, Б. Клинтон* (B. Clinton). ПИ относятся к индивидуальным именам, образуя особую группу внутри этого класса - статусом прецедентных обладают те имена, которые входят в когнитивную базу, т.е. «инвариантное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов лингво-культурного сообщества» [Гудков, 2003: 146]. ПИ обладают определенной структурой: ядро составляют дифференциальные признаки (ДП), а периферию – атрибуты. ДП могут включать характеристику предмета по внешности, чертам характера, или актуализироваться через ПС. Атрибутами являются «элементы», тесно связанные с означаемым ПИ, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации [Красных, 2002].

Анализ фактического материала позволяет выявить несколько интересных особенностей функционирования обсуждаемых феноменов в российской и американской рекламе. Так, ПИ в РТ функционируют а) денотативно, или экстенционально (по терминологии Д.Б. Гудкова), т.е. именуют предмет, указывая непосредственно на денотат (ДП оказываются не релевантны); б) коннотативно, или интенционально, т.е. используются для характеристики объекта (апелляция к ДП обязательна).

1. ПИ, функционирующие денотативно, или экстенционально

Важно отметить, что ПИ, функционирующие денотативно, тяготеют к функции семантического субъекта:

Обувь VICINI: *«Она делает походку супермоделей летящей...Ее носит Мадонна. Она – образец высокой моды, объект восхищения и подражания! В роскошной и изысканной обуви VICINI вы всегда будете в авангарде мировой моды и стиля»* (Стиль, 2002, №5). Пластическая хирургия: *«Таркан также достиг своей неземной красоты не без помощи скальпеля. Он убирал морщины на лбу, корректировал верхнюю губу – чтобы улыбка была не просто очаровательной, а идеальной.... Улучшив свои внешние данные, вы обретете уверенность в себе, а*

значит, перед вами откроются новые горизонты» (Aorigi, 2003, №10). Салоны мебели: «Если же вас тянет к бессмертию, купите диван кого-нибудь из известных дизайнеров – например, «Бродвей» Владимира Кагана, работавшего с Мэрилин Монро» (Календарь, 2004, №6).

Случаи денотативного употребления ПИ являются не столь характерными для российской рекламы по сравнению с американской, в которой подобного рода примеры многочисленно представлены. Американские рекламисты охотно обращаются к именам известных индустриальных магнатов (*Vanderbilt, Morgan*), президентов (*B. Clinton, T. Roosevelt, J. Bush*), эстрадных исполнителей (*H. Williams*), актеров (*M. Ryan, J. Roberts, R. Zellweger*), писателей (*T. Williams*), супермоделей, секретных агентов, спортсменов и др. Обратимся к примерам.

Часы OMEGA: *“The Omega Constellation is a rare blend of style and elegance, a superb example of the watchmaker’s art. This is no wonder, since Cindy Crawford assisted Omega in its design, creating the only watch she is proud to wear”*(OMEGA Constellation – редкое сочетание стиля и изящества, великолепный образец мастерства часовой сборки. Это неудивительно, потому что Синди Кроуфорд помогала OMEGA в разработке дизайна, создавая единственные часы, которые она с гордостью носит) (Time, 14.10.2002).

В другой рекламе OMEGA: *“Bond. James Bond. This typically suave greeting by everybody’s favorite secret agent is arguably one of the most easily recognized lines in cinematographic history. OMEGA has built up a lasting relationship with secret agent 007 and is proud to celebrate Bond’s 40th anniversary with an exclusive special edition of his trusty companion – the Omega Seamaster”* (Бонд. Джеймс Бонд. Это привычно учтивое приветствие любимого всеми секретного агента бесспорно является одной из самых легко узнаваемых строчек в истории кинематографа. OMEGA создала прочные взаимоотношения с секретным агентом 007 и с гордостью отмечает 40-ю годовщину Бонда специальным эксклюзивным выпуском его верного спутника – часов Omega Seamaster) (Time, 22.07.2002).

Обилие таких примеров в американской рекламе, на наш взгляд, объясняется спецификой выбора способов (стратегий) речевого воздействия, т.е. приемов «выбора, структурирования и подачи в сообщении информации о рекламируемом объекте, подчиненные целям коммуникативного воздействия, выгодного

для продвижения этого объекта на рынке» [Пирогова, 2001: 544]. Американские рекламисты часто обращаются к стратегии информирования и разъяснения, которая основана на предоставлении достоверной информации с опорой на реально происходящие события и действия. Ненавязчивое завуалированное убеждение изменяет степень информированности адресата, его образ мыслей и тем самым стимулирует совершить потребительское действие. Думается, такая стратегия оказывается эффективной, поскольку учитывает специфику сбора информации, характерную для американцев. Как пишет Р.Льюис, глава “Richard Lewis Communications” – центра по изучению кросс-культурного взаимодействия, существуют культуры, ориентированные на диалог (высококонтекстуальные), и культуры, ориентированные на безличный сбор информации (низкоконтекстуальные). Американцы относятся ко второму типу, т.е. они предпочитают собирать достоверные факты, чтобы затем руководствоваться ими в деятельности [Льюис, 2001: 77]. Иными словами, американцы стремятся к формализованному информированию, они ориентированы на действие, поэтому убедить их можно, заручившись информацией о действии лиц, представление о которых заключает набор позитивных качеств.

II. ПИ, функционирующие коннотативно, или интенционально

ПИ, употребляемые коннотативно тяготеют к функции семантического предиката. При этом, являясь семантическим предикатом, в синтаксической структуре предложения ПИ может занимать позицию, отличную от предикативной (например, субъекта или объекта).

I. 1) ПИ характеризует предмет по одному из параметров:
а) по внешности:

Услуги косметолога: *«Как сделать из Золушки принцессу? Этот секрет знает косметолог международной квалификации, лауреат городских всероссийских конкурсов Ирина Борисовна Иванова»* (Ва-банк, 28.11.2003). Из всего набора признаков, стоящих за ПИ *Золушка*, в данном примере актуализируется не вся совокупность, а лишь один – непривлекательный внешний вид.

б) по характеру (включая проявление характера в действиях, поведении):

Ресторан «Малахит»: *«Добро пожаловать в атмосферу новогодней Америки. В мир черно-белого кино, где вас встретит банда гангстеров, шокирующая Мэрилин Монро, обольсти-*

тельные красотки, вы ощутите вкус жестокого кантри. Окунитесь в мир ночного кабаре. Все уважающие себя авантюристы и их красавицы будут здесь. А вы?» (Выбирай, 2003, №23). Музыкальные магазины TOP 20 представляют диск Валерии следующим образом: *«Валерия – новая, при этом очень хитрая славянская Мадонна!»* (Выбирай, 2003, №21). Гипермаркет «Сезам»: *«Я вновь поступаю, как истинная Скарлетт О’Хара: в последний момент задумываюсь о том, что приготовить для сегодняшнего ужина с любимым человеком. Неужели нельзя позаботиться об этом вчера? Гипермаркет «Сезам» - полезные покупки, хорошее настроение»* (NZ, 2002, №4).

в) ПИ актуализирует прецедентную ситуацию:

Отдых в Турции: *«Уже подсели на эту манию – страсть к освоению пространств? Фетхие – красивейший уголок с обилием островов и живописных бухточек – новое имя для русских турковедов, но вы можете быть одним из первых челябинских Колумбов»* (Новый активист, 2004, №5).

Услуги экспресс-перевода: *«Языковые барьеры в вашей работе появляются скорее всего внезапно, и преодолевает их, не дай бог, в срочном порядке дочь вашего бухгалтера – второкурсница с ин.яз. Такой проводник на международные арены может стать для вашего бизнеса Иваном Сусаниным. За скорой лингвистической помощью лучше обращаться в «Переводбюро В.В. Пенежина»* (City гид, 2004, май).

2) ПИ характеризует предмет по ряду параметров:

Отдых в Турции с турфирмой «Каникулы»: описанию увлекательнейшего рафтинга предшествует заголовок *«Тарканы не дремлют»* (Новый активист, 2004, №4). Столь выразительная характеристика инструкторского состава обнажает такие их качества, как внешняя привлекательность, обаяние, чрезмерная любвеобильность. Общепит «Золотой теленок»: *«Заседание продолжается!!! Господа! Командует парадом Великий комбинатор. В его руках еда – искусство, доведенное до совершенства. Для любителей изысканной кухни, спокойной обстановки наши двери открыты ежедневно с 11:00 до 23:00»* (Выбирай, 2003, №18).

II. ПИ функционирует как символ другого ПФ:

а) ПИ актуализирует ПТ (включая и ПС, с этим текстом связанные).

Детские школы фехтования: *«Благородство и координация движений, внимание и острая реакция: все это – фехтование.*

Для родителей, желающих воспитать из своих чад маленьких Атосов, Портосов, Арамисов и Д'Артаньянов – «шпажные советы «ВД». В Питере наибольшим авторитетом в вопросах воспитания мушкетеров пользуется школа олимпийского резерва «Спартак» (Ваш досуг, 2004, №10). Реклама ресторана «Золотой теленок»: «Свежие продукты, богатое меню. Нововведение в области общественного питания: посетителей любят с первого взгляда, кормят изящно и фасонисто. Бизнес-ланч (просьба не путать с комплексными обедами из Нарпита – в каждой категории 5 видов закусок, 4 первых блюда, 5 вторых, 5 десертов, чай): I категория – 190 рублей (плюс подарок от заведения: 50 граммов водки. Обладателям фамилий Козлевич, Балаганов, Паниковский и Бендер-Задунайский – еще 150 граммов» (City Гид, 2004, май). В последнем примере ПИ используются с развлекательной целью, напоминая адресату об авантюрно-изобретательном содружестве великолепной четверки. В прагматическом плане это создает дополнительные положительные ассоциации с рекламируемым заведением.

б) ПИ актуализирует другое ПИ:

Праздники на заказ: «У каждой национальности есть свой праздник, посвященный женщине, но восьмое число первого месяца весны для всех повод еще раз поцеловать, подарить подарок, поздравить слабых и сильных, капризных и мудрых, стройных и полных. Тех, для кого Адам не пожалел ребра. А это значит, современные мужчины не станут жалеть «бабосов» для настоящего праздника...» (Выбирай, 2004, №5).

Примеры, приведенные выше (*Мэрилин Монро, Мадонна, Таркан*), дают основания говорить о том, что в российской рекламе ПИ употребляются как денотативно, так и коннотативно. Однако, в отличие от американских коллег приоритетной для российских рекламистов становится стратегия, связанная с использованием приемов языковой экспрессии. ПИ часто выступают в качестве составляющих метафоры или сравнения. По мнению Р. Льюиса, на шкале распределения народов на высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные культуры, славяне располагаются посередине. Это значит, что для русских важным является не только содержание (исчерпывающая фактическая информация), но и форма - особый способ изложения: «информация должна быть как можно более разнообразной, чтобы внимание читателя / слушателя к получаемым сведениям не ослабевало и постоянно подпитывалось новыми фактами»

[Медведева, 2003: 225]. Это, по-видимому, обуславливает большое количество ПИ в коннотативном употреблении в российских РТ.

В американской рекламе группа ПИ, функционирующих коннотативно, малочисленна. Приведем лишь некоторые примеры. ПИ характеризуют предмет: а) по внешности:

В туристической рекламе курортного города Key West на юге Флориды, рассчитанную на определенную категорию американцев, читаем: *“Land of free spirits. Gay and lesbian couples walk hand in hand, embracing among the Old Town crowds, enjoying a game of bingo or a drag show that might feature Cher and Marilyn Monroe look-alikes”* (Игра слов: Земля свободы (букв.: “spirit” - дух, личность, “spirits” – спиртной напиток). Взявшись за руки, гуляют пары гомосексуалистов и лесбиянок, обнимая друг друга в толкотне Старого города, наслаждаясь игрой в бинго или шоу трансвеститов с участниками, похожими на Шер и Мэрилин Монро» (Travel, 6.06.2004).

б) по характеру (включая поступки):

Анонсируя фильм «Bonny and Clyde» на PBS, рекламисты сравнивают действующих лиц с Робинем Гудом: *“They were young, beautiful and in love. They robbed banks. Bonny Parker and Clyde Barrow captured the headlines and the imagination of America in the bleak days of the 1930s Depression...the Depression wracked country cheered them on as “Robin Hood” heroes”* (Молодые, красивые, они любили друг друга. Они грабили банки. Бонни Паркер и Клайд Барроу завоевали заголовки газет и воображение Америки в суровые дни Депрессии 1930-х годов...подавленная Депрессией страна приветствовала их, как героев «Робин Гудов» (People, 14.07.2003).

в) В ряде случаев ПИ функционирует как символ другого ПФ, например, ПИ актуализирует ПТ: Набор для соли и перца: *“Winnie the Pooh always knows that the sweetest treat around is the nearest jar of honey. Now this fun-loving twosome comes to your table in The Pooh and Tigger Salt and Pepper Set”* (Вини-Пух знает, что самое сладкое удовольствие – банка с медом. Сегодня парочка любителей удовольствия приходит на ваш стол в виде набора для соли и перца «Пух и Тигренок»)(Shop Wise, 19.01.2003). Фильм “Maid in Manhattan”: *“...is Cinderella of the 21st century, a story about a working class single mother whose dreams of a better life come true...”* (...Золушка 21ого века, история о матери-одиночке из рабочего класса, чьи мечты о лучшей жизни

сбиваются» (Eagle, 3.04.2003). ПИ *Cinderella* связано с ситуацией из известной сказки.

Итак, подводя итоги, можно сделать вывод о более высокой частотности ПИ, функционирующих денотативно, в американской рекламе по сравнению с российской, что связано с обращением к стратегии разъяснения и информирования, основанной на предоставлении конкретных фактов и веских аргументов в пользу предлагаемого товара или услуги. Такой способ убеждения репрезентирует черты низкоконтекстуальной культуры. Спецификой российской рекламы является включение в РТ как ПИ, функционирующих денотативно, так и ПИ в коннотативном употреблении. Последние являются элементами языковой экспрессии, они обнаруживают себя в составе метафор или сравнений, способствуя усилению эмоционального воздействия на адресата. Многообразие форм характеристики объектов, обнаруженных в российской рекламе благодаря использованию ПИ, свидетельствует о проявлении признаков высококонтекстуальности. Названные свойства российской и американской рекламы необходимо учитывать в практической деятельности специалистов по рекламе, которые порой механистически переносят на отечественную почву зарубежные приемы и формы воздействия на покупателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации. - М., 1999
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию.- М., 2000
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003
6. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М., 2001
7. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М., 2003
8. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной науч. конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 года). – М., 2001.

9. Терпугова Е.А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса. Автореф. ...канд. фил. наук. – Кемерово, 2000
© Кушнерук С.Л., 2004

Сулимов В.А.
Фадеева И.Е.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНФОРМАЦИЯ, АДРЕСАНТ, АДРЕСАТ

В течение последнего десятилетия коммуникативное пространство России претерпело ряд существенных изменений. Эти изменения коснулись прежде всего информационных потоков, их модуляций, основных параметров, определяющих скорость, направление движения и эффективность. Информационные потоки существенно модифицировались за счет изменения а) социальной значимости информации; б) технических средств, обеспечивающих хранение и передачу информации; в) самого акта коммуникации, получившего новые целевые и содержательные характеристики. Информация приобрела значение **основного источника социального и личностного развития**, следовательно, стала максимально привлекательной для решения не только собственно информационных, но и ряда сопутствующих задач: экономических, пропагандистских, образовательных, карьерных, криминальных и др. Таким образом, существенно расширился круг лиц, участвующих в информационном поиске и обмене информацией. Радикально изменился набор технических средств, участвующих в процессах получения, накопления, хранения и передачи информации. Создание больших баз данных, использование технически совершенных сетевых способов обработки и передачи информации делает процесс информационного обмена все более специфическим и избирательным, требующим четкого выбора целей и прогнозирования результатов поиска. Вместе с тем, средства массовой информации становятся все более унифицированными, выполняющими все в большем объеме не задачу информирования населения, а задачу **информационного воздействия на население с заданными целями. Соответственно изменяется и сам акт коммуникации**, в определенных условиях приобретая черты потребления информации в качестве обязательной дозированной процедуры.

Современная ситуация организации коммуникативного пространства в большой степени детерминируется именно третьим

обстоятельством, существенно изменяющим информационные потоки: трансформацией акта коммуникации. Это изменение прежде всего касается двух факторов, организующих коммуникативный акт: (1) цели коммуникации; (2) содержания коммуникативного акта.

В современных средствах массовой информации собственно информационная цель, представленная логической формулой «информирование адресата о событиях и фактах, ставших известными адресанту», заменена информационно-суггестивной целью, которую можно выразить формулой «информирование адресата о некоторой позиции (мнении) по отношению к событиям и фактам, предъявляемым адресанту». При этом уровень информированности адресата и адресанта оказывается существенно различным не только до коммуникативного акта, но и после него.

Такой тип информирования читателей (зрителей) получил наименование «информационного воздействия» (или, в традициях западной журналистики, – PR). В современной журналистской практике и в теории журналистики этот тип информирования подвергается абсолютизации: «... журналистское выступление разворачивается как проникновение в суть конкретного события, раскрывающее его действительное значение, чтобы предложить трактовку, которая останется адекватной реальности при использовании любым читателем для построения любых поведенческих программ в рамках данной практической ситуации, что называется здесь и сейчас. Таким образом, информационное воздействие должно текстуально проявляться в любой журналистской публикации, и это отличает ее от любого другого продукта творческой деятельности» [Пронин, 2004: 8]

Выделен и основной механизм, позволяющий прием информационного воздействия сделать основой системы массовой информации. Этот механизм может быть охарактеризован как механизм «подмены ценностей», включая сюда и те, которые основываются на символических рядах. Механизм «подмены ценностей» описывается следующим образом: «...частный случай, который мало кого задевает лично, вводится в контекст духовных ценностей и культурных приоритетов, которые *дороги сердцу простого человека* (т.е. символичны – курсив наш, И.Ф., В.С.), чтобы представить дело как... общезначимое, практически важное для всех и каждого. Было бы непрофессионально видеть в этом только хитрую технику манипуляции, на самом деле так

выглядит фундаментальный социально-психологический механизм эмоционального резонанса, без которого коммуникация не может стать массовой» [Пронин, 2004: 12]).

Ярким примером процедуры подмены ценностей является свидетельство продюсера известной передачи «Куклы», сыгравшей одну из основных ролей в агитационной кампании по выборам Б. Ельцина в 1996 году, В. Григорьева о том, что для усиления эффекта воздействия необходимо было вообще уйти от всякой реальной информации: «Чтобы сделать «Куклы» русской программой, ее нельзя было строить на информации. Надо делать ее на основе **советского среднего образования**. На общих стереотипах и символах» [Цит. по: Пронин, 2004: 8]. Совершенно очевидно, что на этой же основе подмены ценностей построены многие информационные и развлекательные программы нынешнего ТВ: «Культурная революция» (телеканал «Культура»), «Основной инстинкт» (1-й канал), «Аншлаг» (2-й канал) и др. Подмена системы ценностей в газете или на экране ТВ невозможна без коррекции этических основ словесного творчества. В структуре этических норм авторов текстов **моральные** (в т.ч. абсолютные или вечные – например, «говорить правду») основы уступили место двум **неоэтическим** принципам-оценкам: «современный» и «профессиональный» (иногда – «эффективный», имея в виду степень программирования адресатов сообщений на заданные действия или бездействие): «...этическая компонента журналистского текста не столько отражает объективную картину мира, сколько выражает субъективную позицию самого журналиста» [Пронин, 2004: 16].

Абсолютизация информационно-суггестивных процессов в массовой культуре, приводящая к массовидному применению процедуры подмены ценностей, имеет в своей основе отказ от духовности как важного регулятивного фактора, постепенный переход к идеологии глобального прагматизма, сущность которой хорошо определил А.В. Иванов: «Если так называемая духовность и существует, то она состоит в абсолютной свободе твоего самовыражения и в признании такого права за другими людьми» [Иванов, 2004: 40].

Современная культура России – культура переходного типа, для которой характерно усиление энтропийных процессов в социальной организации, в системе ценностей, в картине мира, а также в сфере человеческого сознания, что проявляется в увеличении доли символически-континуальных смыслов по сравне-

нию со знаково дифференцирующими. В аксиологической сфере маргинализация населения ведет к увеличению значимости витальных ценностей, в частности, ценностей жизнеобеспечения, связанных с материальными потребностями людей. Это значит, что меняется и характер символики (стратегии ее семантизации), и формы ее существования.

Преобладание витальных ценностей обуславливает очевидно наблюдающиеся в современной российской культуре регрессивные тенденции в массовом искусстве. В частности, большую, по сравнению с вербальными формами, значимость получают визуально воспринимаемые символические образования (символы или псевдо-символы). Можно даже сказать, что символика приобретает неприсущий европейской цивилизации танцевально-ритмический характер, что является характеристикой африканских культур (в противоположность символично-визуальной культуре европейцев). При этом в структуре произведений преобладающим оказывается именно символические, а не знаковые компоненты. Это непосредственное выражение (часто витальных, биологических) интенций и смыслов в логически недифференцированной, до-знаковой и до-коммуникативной форме, предполагающей непосредственное «заражение» ритмами и эмоциями, а не их понимание. В чистом виде в такой ситуации нет адресанта и адресата, нет коммуникативной ситуации, что особенно наглядно в таких формах российской массовой культуры как «Фабрика звезд» или использование караоке. Показательным является и термин, именующий деятельность суггестивной стимуляции символически недифференцированного сознания зрителя-слушателя – «зажигать». В этом смысле современная массовая культура является регрессивно символической. Другое дело, что характер этой символики принципиально иной, чем в культуре архаических или традиционных обществ.

То же следует констатировать и при анализе современного коммуникативного пространства в целом, обнаруживающее символические свойства, особенно в связи с деятельностью СМИ. Особенно очевидно это на примере анализа коммуникативных процессов в сфере политики. Поместив политический дискурс в предложенную Р.О. Якобсоном систему «адресант – адресат», следует не столько поставить задачу выявления намерений и целей адресанта, сколько в первую очередь задаться вопросом о характере конструируемого им адресата.

Анализ современного политического дискурса позволяет выделить его следующие особенности:

*

общение тавтологично, алогично и суггестивно;

*

оннотации в нем более значимы, чем денотация;

*

общение апеллирует к историческим аллюзиям и историко-культурным архетипам, а не передает информацию;

*

МИ часто создают информацию, а не передают ее;

*

екст представляет собой набор прецедентных текстов – цитат, реминисценций, аллюзий.

Все это дает основания говорить о преобладании в политических текстах сейчас именно символических компонентов. При этом конструируемый адресат коммуникации становится, так сказать, основным источником информации: сообщение передает только ту информацию, которую готов получить читатель или зритель. Из всего набора функций языка, по классификации Р.О. Якобсона, в таком случае остаются только несколько – конативная, фатическая, иногда (прото-) эстетическая. Иными словами, такая ситуация, как и ситуация в современном массовом искусстве, обнаруживает размытость граней между адресантом и адресатом коммуникации – то есть разрушение коммуникативного пространства. С этой точки зрения возможно провести достаточно очевидную грань между характером прецедентности поэтических текстов Ф.И. Тютчева или О. Мандельштама – и прецедентностью как формой существования политического дискурса современности. В первом случае прецедентность – форма выражения авторского сознания, во втором – отсутствие такового.

Конечно, можно было бы объяснить многие процессы современной действительности и социокультурного семиозиса ситуацией постмодерна, обратившись, например, к концепции «следа» [Деррида, 2001], то есть знака, отсылающего не к реальности, а к знаку, или к тому семиотическому перевороту, который произошел в начале столетия, поставив вещи на место знаков и «отменив» денотацию [Смирнов, 2001], или к идее Р. Барта о «смерти автора» и о литературе как процессе бесконечного «письма», или к идее «виртуализации» реальности [Ива-

нов, 2002]. Однако такое объяснение было бы, на наш взгляд, односторонним. Речь должна идти в данном случае о разрушении самого коммуникативного пространства, в то время как концепция «смерти автора» предполагает, скорее, усложнение структуры авторского сознания, включающего в себя множество сознаний – историческую жизнь культуры. То же можно сказать и о концепции «следа». Дело в том, что знак, значением которого является другой знак, предполагает не разрушение, а усложнение когнитивных моделей адресанта и адресата коммуникации. Ситуация, когда значением знака является другой знак, отсылающий, в свою очередь, к следующему, предполагает наличие достаточно большой системы пресуппозиций знания у обоих участников коммуникативного акта. В случае же современного российского политического дискурса и массовой культуры ситуация другая. Значение в этом случае отсутствует, подменяясь некоторым аморфным, иногда эмоционально и суггестивно воздействующим, континуальным смыслом, вызывающим определенные поведенческие реакции и действия (например, ритмические телодвижения или звуки, а также политические оценки). Иными словами, здесь можно говорить о появлении некоторых символических структур, представляющих собой, на наш взгляд, *псевдо-символы*. Символика представляется здесь виртуальной, имеющей характер симулякра, в силу того, что, в отличие от подлинного символа, который всегда представляет собой «свернутый» («нераспакованный») текст и становится формой расширения смысло- и аксиосферы, она эклектически [Лютар, 1984] соединяет разнородные тексты – то есть смыслы и ценности, тем самым обесценивая их.

Таким образом, говоря о современной семиотической ситуации в российской культуре, можно указать на наличие двух противоположных процессов. С одной стороны, это процесс десимволизации старой символики, выражающийся в процессах «означивания», аллегорического переосмысления или функционального анализа старых символов и смыслов (политических, религиозных, художественных). С другой – процесс десемантизации знака.

В пределах современного русскоязычного коммуникативного пространства хорошо просматривается и тот процесс, который **логически следует за десимволизацией символических систем и десемантизацией знаковых – это процесс вторичной символизации.** В связи с тем, что система культурных ценно-

стей адресанта, суггестивно навязываемая адресату, хорошо коррелирует с системой концептов, выделяемых в текстах средств современной коммуникации, можно проследить процесс вторичной символизации на группах Интернет-текстов, подобранных на специализированных сайтах современных русских писателей. Интересно, что в этом случае мы наблюдаем те же особенности, что и при анализе текстов массовой коммуникации. Так, например, при анализе текстов Интернет-сайта www.pelevin.nov.ru были определены блоки концептов и их контекстные реализации. Эти блоки концептов и набор их реализаций были выделены на смысловом уровне при помощи приема смыслового наложения текстов сайта и последующего выделения смысловых общностей. Были выделены концептуальные блоки:

Классик: «Пелевин – не приверженец очередного модного «изма», а писатель-идеолог, размышляющий над «вечными вопросами» русской классической литературы» (Анатолий Обьденкин) ; «Легкость пера заставляет вспомнить язык классики XIX века, дополненный неизбежными неологизмами и легким матерком...» (Анатолий Обьденкин); «Рассказ написан восхитительным, почти тургеневским языком, и все это ставит «Онтологию детства» в один ряд с лучшими произведениями отечественной литературы» (Данила Ланин); «Литературный путь Пелевина (отвлекаясь от желания сравнивать «величину и значение»), чем-то похож на путь Гоголя и Чехова» (Сергей Корнев); «Именно актуальность, жизненность пелевинской классики ...»(Сергей Корнев); «Угадали в нем «классика будущего» (Сергей Корнев) и т.д.

Летописец эпохи: «Соц-арт «Омона Ра» ... вполне может быть использован как учебник по новейшей истории Советского Союза периода упадка – и как образчик общего хода мыслей, и как отражение того умонастроения, которое сделало невозможным дальнейшее существование империи» (Александр Гаврилов); «Пелевин – летописец эпохи, толкователь ее и предсказатель будущего. Именно Пелевин объяснил, что происходило НА САМОМ ДЕЛЕ в конце восьмидесятых, в начале и в конце девяностых – в «ОМОНЕ РА», «Чапаеве» и «Generation» (Господин Гексаграмм); «Сочетание актуального и исторического контекста и неизменная привязка к родному российскому менталитету (с должным пафосом и должной иронией)» (Евгений Из) и др.

«Гуру»: «Восток притягивает его постоянно – представлен ли он якутскими шаманами, китайскими императорами или Юки Мисимой» (Александр Гаврилов); «...несколько раз подолгу жил в буддистском монастыре в Южной Корее» (Господин Гексаграмм); «...учение о Дао придет, наконец, на равнины Евразии в полном объеме. На самом деле: дальше всем будет Дао» (Господин Гексаграмм); «Разговоры героев все чаще напоминают буддийские коаны» (Анатолий Обыденкин) и др.

Пародист – сатирик: «Карикатура на соседей (Запад) ничем по творческой манере не отличается от карикатуры на родное отечество» (Александр Гаврилов); «И всё-таки я настойчиво употребляю здесь слово «сатира». (Псой Короленко); «Чапаев и Пустота» представляет собой, помимо всего прочего, злейшую сатиру на российских интеллектуалов» (Данила Ланин) и др.

Интеллектуал: «Путь от подающего надежды фантаста до автора интеллектуального бестселлера занял чуть больше десяти лет» (Анатолий Обыденкин); «В его книгах постоянно идёт речь о планах сознания, психоделиках, мистическом опыте» (Андрей Пискунов); «Конечно, «центр тяжести» его произведений лежит больше в интеллекте» (Виктор Олсуфьев); «Мне кажется трогательной и заботливой его манера выстраивать для читателя затейливые интеллектуальные ловушки» (Александр Гаврилов).

Пророк: «Страна вернулась в ведение Четвертого главного управления, и настоящий фан закончился вместе с беспределом. Обидно, что будущего тоже нет. Выход из треугольника «нефтеденьги – безумие – ФСБ» только один – саморазрушение, коллапс, окончательная тоска» (Артемий Троицкий); «В реальности – только Ничто, а Ничто не существует. Следовательно, будем жить внутренней жизнью – но там, оказывается, тоже Ничто. Значит, нас самих тоже нет» (Данила Ланин) и др.

Гений: «Есть несколько действительно замечательных, почти гениальных произведений...«Чапаев и Пустота» практически идеален по форме и содержанию» (Дмитрий Шаманский); «Сказать, что Пелевин идеальный постмодернист, недостаточно. Он – ожившее постмодернистское всё и – ничего» (Дмитрий Шаманский); «Вряд ли этот факт расстраивал начинающего демиурга, играющего с кирпичиками разных культурных пластов, словно чемпион мира по скоростной сборке кубика Рубика с лю-

бимой игрушкой» (Анатолий Обыденкин); «Гений — он гений и есть» (Рецензии Фрилансера) и др.

Популярный: «...самого популярного и самого загадочного» (Евгений Из); «Молодежь хавала Пелевина на ура» (Игорь Зотов); «...культовый российский автор...его произведения переведены на 15 языков» (Чинция Фьори); «...помимо авторитета солидной премии и явной популярности» (Новиков Владими); «... за счет чего все-таки эта проза так победоносно держится на плаву сегодня, когда все разом плачут по «гибнущей русской литературе» (Евгений Из).

Новатор: «...его стали называть зачинателем гротескного жанра ... Он стал первым, кто осовременил российскую литературу» (Чинция Фьори); «...окончательно утвердил постмодернизм как возможное средство познания — его же, постмодернистскими, средствами: игрой, смысловой пограничностью, сомнением» (Дмитрий Шаманский); «Пелевин напоминает нам, что литература — это не пионервожатая и не классная руководительница, а скорее классная гейша. Она служит для развлечения и наслаждения, умело паразитируя на философских, религиозных и социально-политических смыслах» (Псой Короленко); «...давно ожидаемая книжка классика психоделического антиреализма Виктора Олеговича Пелевина «Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда»» (Евгений Из); «Декаданс, сюрреализм, даже постмодернизм, являются строительным материалом для его невероятных конструкций» (Рецензии Фрилансера) и др.)

Создатель иных (виртуальных) миров: «...захват читательского сознания, перенос его в специфическое виртуальное пространство произведения и социальная коммуникация по этому поводу (Евгений Из); «Пелевинские герои почти всегда движутся в пространстве киберпанка» (Андрей Пискунов); «персонажи переживают одновременно две (как минимум две) разных реальности. Есть наша повседневная жизнь — и есть великое многообразие иных миров — мнимых, виртуальных, сновидческих и ложных» (Александр Гаврилов) и др.)

Мастер слова: «В «ДПП» есть размах, есть настоящие прозрения, шикарные метафоры, здесь много язвительности» (Господин Гексаграмм); «...совмещение разговорного стиля, «ново-русского» сленга с «чистым» литературным языком, а иногда даже научным слогом философского трактата (Дмитрий Шаманский); «...сочетание некой авторской искренности и идеалистич-

ности (как рецидив «шестидесятнических» энергий в другой среде) с издевательским, ироническим напором, соединение сложной метафоричности с легким и прозрачным письмом, штуки для постмодернистов и шутки для тех, кто попроще. (Анатолий Обыденкин); «...именно в их длиннотах (и немислимых длиннотах романа в целом) есть одна важная черта авторской манеры, позволяющая всю эту псевдоинтеллектуальную абракадабру принимать и высоко ценить» (Александр Гаврилов).

Модный: «Слово «гениальный» сменилось термином «модный» (Рецензии Фрилансера); «Не читать Пелевина - значит перестать быть современным» (Евгений Шкловский); «Модно даже читать Пелевина» (Леонид Филиппов); «Тему и стиль писатель выбрал с пугающей точностью и после этого не знать фамилию Пелевина стало попросту неприличным (если, конечно, хочешь, чтобы окружающие почитали за культурного человека)» (Анатолий Обыденкин) и др.

Характерно, что при таком внешнем разнообразии все указанные концептуальные блоки легко приводятся к двум интенционально-смысловым единствам: **профессионал** (классик, «гуру», мастер слова, создатель иных миров) и **современный** (новатор, модный, пророк, интеллектуал, популярный). Такое сведение всего концептуального мира к двум базовым постулируемым ценностям (псевдоценностям) современного организованного коммуникативного пространства говорит о существенных процессах, происходящих как в культуре России в целом, так и в культурном сознании индивидуумов – носителей этой культуры. Очевидно, что происходит вторичная символизация некоторого достаточно идеологизированного коммуникативного пространства, очерченного набором псевдосимволов: «современный», «новый», «профессиональный», «экономический», «рациональный», «эффективный», «модернизация», «инициатива» и др. Характерно, что процесс «создания новых символов» в другую переломную эпоху (20-е годы XX века) привел к установлению системы безусловных псевдоценностей – псевдосимволов «классовый», «партийный», «советский», «коллектив», «новатор» и др., что способствовало существенной деформации естественного сознания. Другими словами, псевдосимволизация отечественного коммуникативного пространства может иметь (с учетом «опыта» прошлых поколений) довольно серьезные негативные последствия, учитывая также и то обстоятельство, что сам отказ от информации и логики в пользу суггестии и пара-

докса происходит в той степени, в какой **соглашается на это адресат сообщения.**

Таким образом, реальная социокультурная ситуация в России начала XXI века характеризуется не просто размытостью, амбивалентностью ценностей и континуальностью коммуникативного пространства, что свойственно любой переходной эпохе, но и следующими чертами: регрессивностью когнитивных структур адресанта и адресата, что выражается в преобладании символических, а не знаковых структур сознания; неструктурированностью семиозиса, в частности, появлением большого числа псевдо-символических и псевдо-знаковых образований, а также процессами десимволизации, вторичной символизации и десемантизации; разрушением коммуникативной ситуации в современных СМИ и в массовых формах искусства: размытость адресанта и адресата и, как следствие – разрушение, эрозия коммуникативного пространства.

Все это указывает, на наш взгляд, на кардинальное отличие этой ситуации от собственно ситуации постмодернизма, несмотря на внешнее сходство отдельных проявлений и форм культуры.

Символ, репрезентируя, представляя собой ценность как таковую, предваряет ее логически дифференцированное понимание. Поэтому в ситуации, когда собственно новые ценности только складываются, именно символика призвана выполнять функцию их первичного, «докатегориального» схватывания, и именно «архетипичность», безусловность, суггестивность символа становится тем основанием, на котором может быть построена собственно идеология. Иными словами, если в социально и идеологически структурированном обществе символика выражает систему господствующих ценностей [Бергер, Лукман 1995], то период переходности дает основания противоположного прочтения ситуации. Символика лишь является выражением некоторого континуума смыслов и представлений, из которых в дальнейшем вырастут более или менее стройные взгляды, теории и идеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер, Лукман 1995. – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Academia – Центр», «Медиум», 1995.

2. Деррида 2001. – Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук. // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М.: «Прогресс», 2001.

3. Иванов 2004. – Иванов А.В. О необходимости твердой иерархии ценностей и законах духовной жизни // Культура и время, №1, 2004, с. 40-45.

4. Иванов 2002. – Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002.

5. Лиотар 1984. – Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. Manchester, 1984.

6. Пронин 2004. – Пронин Е.И. Информация и этика. // Вестник Моск. Ун-та. Сер.10. Журналистика. 2004. №1, с. 5 – 23

7. Смирнов 2001. – Смирнов И.П. Смысл как таковой. СПб.: «Академический проект», 2001. С.33.

© Сулимов В.А., Фадеева И.Е., 2004

Нахимова Е.А.

О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В современной политической коммуникации отчетливо проявляются две, казалось бы, противоречивые тенденции: первая – это тенденция к максимальному самовыражению, к обнаружению творческой индивидуальности, а вторая – это тенденция к использованию уже зарекомендовавших себя способов выражения мысли, что позволяет хотя бы отчасти скрыть свою субъективность. В качестве одного из ярких проявлений названных тенденций можно рассматривать активное обращение к многообразным способам использования интертекстуальности.

Понятие «интертекстуальность», которое было введено в 1967 году теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой, в настоящее время все чаще используется для характеристики особого отношения между текстами, при котором в одном из них (вторичном тексте) обнаруживаются отголоски предыдущих текстов. Разумеется, само по себе явление интертекстуальности вовсе не является для мировой и отечественной культуры чем-то принципиально новым. Как справедливо отмечает А.Е. Супрун, элементы интертекстуальности (текстовые реминисценции по терминологии автор) обнаруживаются уже в Библии, в древнейших фольклорных текстах и в произведениях древнерусской литературы [Супрун, 1995: 18]. По справедливому замечанию

Б.М. Гаспарова, «языковая память говорящего субъекта представляет собой грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни» [Гаспаров, 1996: 194].

Теория Ю. Кристевой стала закономерным продолжением традиционных исследований в области взаимоотношений между текстами. Среди источников теории интертекстуальности называют традиционные исследования в области синтаксиса чужой речи, исследования закономерностей использования афоризмов и паремий, теорию анаграмм Ф. де Соссюра», публикации Ю.Н. Тынянова, посвященные пародии и, конечно, работы М.М. Бахтина. По словам Б.М. Гаспарова, именно «Кристевой принадлежит заслуга перенесения идеи “чужого слова” Бахтина в сферу повседневного употребления языка — по крайней мере в теории, если не в практике интертекстуального анализа» [Гаспаров, 1996: 326]. Бахтин неоднократно подчеркивал, что специфика существования литературы состоит в том, что художник имеет дело не только с данной ему реальностью, но вступает в диалог с предшествующей и современной литературой: «Даже прошлые, то есть рождённые в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершёнными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определённые моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновлённом (в новом контексте) виде» [Бахтин, 1979: 373].

Теория интертекстуальности возникла в рамках литературоведческого постструктурализма, но ее использование оказалось возможным при исследовании самых разнообразных сфер культуры. В современной лингвистике эта теория успешно применяется при изучении рекламы, медиадискурса, бытовой речи, политической коммуникации и даже современных русских анекдотов (Ю.А. Гунько, Р.М. Докучаева, В.В. Красных, Н.А. Кузьмина, С.Л. Кушнерук, П.Б. Паршин, Ю.Б. Пикулева, Г.Г. Слышкин, С.И. Сметанина, Р.Л. Смулаковская, А.П. Чудинов и др.). Интертекстуальность в политическом тексте – это «присутствие в тексте элементов других текстов, его восприятие как частицы общего политического дискурса и– шире – как элемента национальной культуры» [Чудинов, 2003: 48].

К сожалению, в современной науке не существует единства ни в понимании сущности интертекстуальности, ни в используемой терминологии, ни в методиках выявления и описания элементов интертекстуальности. Показательно, что для обозначения весьма сходных, а иногда и одинаковых явлений используются различные термины, в том числе: прецедентный текст (Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, И.М.Михалева), интертекст (Н.А.Кузьмина, А.В.Снигирев), прецедентное высказывание (В.Г.Костомаров, Н.В.Бурвикова), текстовые реминисценции (А.Е.Супрун, А.П.Клименко, Л.Н.Титова), прецедентные текстовые реминисценции (Ю.Е.Прохоров), концепты прецедентных текстов (Г.Г.Слышкин), интертекстема (К.П.Сидоренко), прецедентные культурные знаки (Ю.Б.Гуныко), а также прецедентные феномены, среди которых разграничиваются прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания и прецедентные тексты (Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных и Д.В.Багаева). Разумеется, названные различия затрудняют изучение теории интертекстуальности, но они вполне закономерны на этапе становления любого научного направления.

Специалисты различают следующие типы интертекста (прецедентных феноменов, текстовых реминисценций, прецедентных текстов и др.), понимаемого как присутствие в новом тексте следов прежних текстов: заимствование, переработка образов, тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, перевод, плагиат, аллюзия, стилизация, парафраза, подражание, пародия, экранизация, продолжение, использование эпиграфов и т.д. (Н.А.Кузьмина, Ю.Б.Пикулева, Г.Г.Слышкин, А.В.Снигирев и др.).

Дискуссионным является вопрос о причислении к числу прецедентных феноменов фразеологизмов (особенно паремий) и метафорических моделей. Наиболее последовательным сторонником причисления метафорических моделей к числу прецедентных феноменов является Н.А.Кузьмина, в монографии которой этому виду прецедентности посвящена специальная глава [Кузьмина, 1998]. Фразеологизмы представлены как особый вид прецедентных феноменов в публикациях М.А.Алексеенко (2003), И.Е.Деметьевой (<http>), Р.Л.Смулаковской (2004) и ряда других исследователей. Для такого подхода есть определенные основания: фразеологизмы и прецедентные высказывания действительно могут быть очень похожими и по структуре, и по значению, и по функции, названные феномены, как и фразеологизмы, относятся к числу единиц, воспроизводимых в речи.

Одной из наиболее дискуссионных проблем является вопрос о критериях, по которым тот или иной феномен включается в число прецедентных. По мнению Г.Г.Слышкина, прецедентным текстом называется «характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин, 2000: 105-106]. В.В.Красных предлагает более детальное определение: «Прецедентные феномены – это феномены, 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2002: 58]. В этом определении наибольшее сомнение вызывает утверждение о том, что прецедентными являются феномены, «известные **всем** (выделено мною. – Е.Н.) представителям национально-лингво-культурного сообщества». Даже если обратиться к тем примерам прецедентных феноменов, которые приводит сама В.В.Красных, то можно предположить, что едва ли действительно **все наши соотечественники** понимают смысл таких прецедентных ситуаций, как *Смутное время*, *Ходынка*, *семибоярщина*, таких прецедентных высказываний, как *Акела промахнулся*, *испорченные жилищным вопросом москвичи*, *пепел Клааса стучал в сердце прокурора*, *бороться с ветряными мельницами*, а также таких прецедентных имен, как *майор Пронин*, *Растиньяк*, *Альхен* и др. Интеллектуальный и культурный уровень наших граждан, сферы их интересов настолько различны, что выдвижение критерия общеизвестности при выявлении прецедентных феноменов в политической коммуникации, рассчитанной на массового адресата, представляется весьма неосторожным.

Показательно, что Д.Б.Гудков высказывается значительно более корректнее, определяя прецедентные феномены как единицы, которые «**знакомы большинству** (выделено мною. – Е.Н.) лингво-культурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [Гудков, 1999: 12]. Однако даже этот критерий (знакомы большинству») выводит за пределы рассматриваемой категории множество фактов, которые В.В.Красных и Д.Б.Гудков рассматривают в качестве прецедентных феноменов. Еще более осторожен Ю.Н.Караулов, который определяет прецедентные тексты

как «значимые для той или иной личности, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников» [Караулов, 1987: 216].

Для того чтобы хотя бы приблизительно определить реальную степень знакомства наших соотечественников с указанными феноменами, нами было проведено пилотажное анкетирование студентов Уральского института МВД и Уральского государственного педагогического университета. Студенты получили задание объяснить, как они понимают следующие выражения: *Смутное время, Ходынка, семибоярщина, Акела промахнулся, испорченные жилищным вопросом москвичи, пепел Клааса стучал в сердце прокурора, бороться с ветряными мельницами*, а также сообщить, какие из приведенных выражений (и из каких источников) были ранее известны информанту.

Результаты анкетирования показали, что менее пятой части будущих юристов смогли объяснить смысл прецедентных феноменов, названных В.В.Красных, и еще меньше информантов оказались в состоянии объяснить происхождение названных выражений. Несколько лучшую эрудицию обнаружили будущие филологи, но и в этой группе информантов «знатоки» не составляют большинства.

В другом варианте анкетирования студентам были предложены политические тексты, включающие аллюзии на широко известные ситуации, описанные в Библии и в художественных текстах, изучаемых в школе. Результаты оказались более высокими, чем в предшествующем случае, но опять же большинство студентов не смогли продемонстрировать достаточную эрудицию.

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что в определении прецедентности лучше использовать выражение «значительная часть» лингво-культурного сообщества, вместо слишком «оптимистичных» кванторов «все» и «большинство».

Представляется, что авторы политических текстов, как правило, достаточно правильно представляют свою аудиторию. Можно предположить, что чем больше информации о прототексте дает автор, тем меньше он надеется на то, что читателям известны соответствующие прецедентные тексты, высказывания, имена и ситуации. Именно ориентация на незнакомство читателей с текстами-источниками приводит к тому, что автор но-

вого текста самым подробным образом сообщает об авторе предшествующего текста и обстоятельствах его создания. Например, в статье Р.Кобелева «Провокация против президента. Что стряслось с «бичьими нервами» Генеральной прокуратуры?» (Известия, 1.10.2004) дается очень подробная справка о происхождении выражения «бичьи нервы». Ср.:

Нарком нефтяной промышленности сталинской эпохи Николай Константинович Байбаков рассказывал: «Однажды Сталин спросил меня: какими свойствами должен обладать советский нарком? Я назвал эти свойства, как я их понимал. «Все это верно, - согласился Сталин. – Но о важнейшем качестве вы не сказали. Советскому наркому нужны прежде всего «бичьи» (так он произнес «бычи») нервы плюс оптимизм».

Эта история невольно оживает в памяти, когда знакомишься с материалами о деятельности Генеральной прокуратуры. Сказать, что на это ведомство в СМИ вылиты ушаты грязи – значит, не сказать ничего. Озера! Моря! Океаны! И что же Генеральная прокуратура? Ни малейшей реакции! Вот уж поистину «бичьи нервы».

Отметим, что автор статьи подробно рассказывает, кто такой Николай Байбаков и откуда ему стало известно рассматриваемое выражение диктатора, но Р.Кобелев совершенно не считает нужным давать справку к прецедентному имени «Сталин». Подобные факты позволяют предположить, что чем больше автор рассчитывает на эрудицию читателей, тем меньше у него необходимость давать ссылки на источники интертекста.

В определении В.В.Красных по отношению к прецедентным феноменам использовано выражение «хорошо известные». Это же выражение ранее было использовано и в определении Ю.Н.Караулова. Можно предположить, что феномен может быть назван «хорошо известным» в том случае, когда информант способен, например, указать автора соответствующего произведения, его название и объяснить контекстуальный смысл данного выражения в прототексте. Однако в процессе анкетирования выяснилось, что значительная часть информантов обнаруживает степень знакомства с некоторыми предложенными для объяснения феноменами, которую можно сформулировать приблизительно так: «Где-то об этом что-то слышал» или «Кажется знакомым». Очень часто информанты допускали серьезные ошибки при определении названий прототекстов и их авторов. Например, многие информанты считали, что слова Шарикова

«Все отнять и поделить» принадлежат героям шолоховских романов «Поднятая целина» и «Тихий Дон». Поэтому из определений, предложенных Ю.Н.Карауловым и В.В.Красных, лучше исключить упоминание о **хорошем** знакомстве. Вместе с тем следует отметить, что значительный научный интерес может представлять изучение типов подобных ошибок и выявление их причин.

Другим возможным способом выявления прецедентных феноменов может являться рассмотрение фактора адресанта. В этом случае критерием может служить сам факт использования прецедентных феноменов тексте, особенно если имеются признаки того, что автор осознает специфику такого употребления. По мысли В.В.Красных, прецедентными называются феномены, «обращение к которым **постоянно возобновляется** (выделено мною. – Е.Н.) в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных, 2002: 58]. Представляется, что в этой формулировке тоже проявляется излишний максимализм. Во-первых, трудно точно определить, что можно считать «постоянным возобновлением» – две фиксации, три, десять или сорок фиксаций в разнообразных текстах. Во-вторых, представляется, что даже одного случая фиксации «чужого слова» в тексте достаточно для того, чтобы квалифицировать этот случай как использование прецедентного феномена (примером может служить рассмотренное выше употребление выражения «бичьи нервы»).

В результате предлагаемых уточнений определение приобретает следующую форму: Прецедентные феномены – это феномены, 1) известные значительной части представителей лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингво-культурного сообщества. Исследование места прецедентных феноменов в речевом сознании наших соотечественников, как и изучение степени их знакомства с прецедентными феноменами, представляет собой актуальную и перспективную научную проблему. Представляется, что для решения этой проблемы целесообразно активнее использовать анкетирование, интервьюирование, свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, моделирование, выявление признаков «фамильного сходства», стратификационные исследования и другие современные методы и приемы, создан-

ные в рамках психолингвистики, социолингвистики и когнитивной лингвистики. Подобные исследования помогут полнее представить национальную картину мира наших соотечественников в ее соотношении с национальной картиной мира, характерной для других народов, а также отчетливее разграничить групповые, социумные, региональные, национальные и интернациональные прецедентные феномены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеевко М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. М., 2003.
2. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3.
3. Барт Р. Избранные работы. М., 1989.
4. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. 1996.
6. Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2002. №4.
7. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 1999.
8. Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология 1997, № 4.
9. Гунько Ю.А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб, 2002.
10. Дементьева И. Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста// Language and Literature, №9; <http://utmn.ru/frqf/No9/text16.htm>
11. Докучаева Р.М. Репрезентация смысловых связей в жанре политического интервью // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2003.
12. Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1999.

13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
14. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом, 1994, № 1.
15. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
16. Кристева Ю. Душа и образ // Интенциональность и текстуальность: Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998.
17. Кристева Ю. Знамение на пути к субъекту // Интенциональность и текстуальность: Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998.
18. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург–Омск, 1999.
19. Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001.
20. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: Лингвокультурологический анализ. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
21. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
22. Смиренский В.Б. Поэзия интертекста и глубина гипертекста // www.dialog-21.ru/Archive/2003/Smirenskij.htm
23. Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества, т.12.
24. Снигирев А.В. Канон. Литературность. Интертекст // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 9. Екатеринбург, 2002.
25. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. - № 6.
26. Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
27. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор (Институт языкознания РАН)

Беглова Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакской государственной педагогической академии, кафедры русского языка

Гаврилова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Лассан Элеонора – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания Вильнюсского государственного университета.

Нахимова Елена Анатльевна – кандидат филологических наук, доцент Уральского юридического института МВД

Орлова Олеся Геннадьевна – преподаватель кафедры журналистики Кемеровского государственного университета

Пименов Евгений Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Кемеровского государственного университета

Пименова Марина Владимировна – доктор филологических наук, профессор заведующий кафедрой общего языкознания Кемеровского государственного университета

Руженцева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного университета

Солопова Ольга Александровна – ассистент кафедры английского языка Челябинского государственного педагогического университета

Чернякова (Сорокина) Мария Владимировна – ассистент кафедры английского языка Челябинского государственного педагогического университета

Чудакова Неля Михайловна – ассистент Нижне-Тагильской социально-педагогической академии

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

Дударева Зайтуна Мухтаровна – кандидат филологических наук, доцент, проректор Стерлитамакской государственной педагогической академии

Илюшкина Мария Юрьевна – ассистент кафедры языков регионов Уральского государственного университета имени М. Горького

Кушнерук Светлана Леонидовна – ассистент кафедры английской филологии Челябинского государственного педагогического университета

Сулимов В.А., Фадеева И.Е. – кандидаты филологических наук, доценты кафедры культурологии Коми государственного педагогического университета

Шаповал Виктор Васильевич – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного педагогического университета

